

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Всеобщая история. Британские чтения

- Глебов А. Г.** Центральные органы власти в Англии в эпоху Альфреда Великого: королевский двор 3
- Старостина И. Ю.** Дж. Чосер о гендерном поведении английского дворянства (на материале «Легенды о хороших женщинах») 7
- Майзлиш А. А.** Как королю Англии стать сюзереном Фландрии? (дипломатическая борьба за графство во второй половине XIV века) 10
- Галямичев А. Н.** Ян Гус и лолларды (Письмо Гуса магистру Ричарду Вайчу) 15
- Анисимова А. А.** Поземельные отношения в английском монастырском городе начала XVI века (по «Рентному списку Фавершема 1522–1533 гг.») 17
- Абаренова А. И.** Женские социальные сети влияния: взаимоотношения знатных дам в Англии первой половины XVI века 22
- Бельцер А. А.** Мировые судьи и Северный совет на закате эпохи Тюдоров 26
- Чернова Л. Н.** Городское пространство Лондона конца XVI века в восприятии современника (на материале «Путешествий по Англии» Томаса Платтера) 30
- Эльфонд И. Я.** Трактовка британской истории в трудах историка Э. Пакке 36
- Мосолкина Т. В.** Частное коллекционирование в Англии во второй половине XVII века как форма исторической памяти 41
- Креленко Н. С.** Театр и политическая жизнь в Англии периода Реставрации («Круглоголовые, или Доброе старое дело» Афры Бен) 45
- Ивошина Л. И.** Парламентский суд над герцогом Мальборо: правда или фальсификация? 49
- Дронова Н. В.** «Посторонние в парламенте!»: процедурный казус 1875 года (из истории политической культуры викторианской Англии) 55
- Бородавкина Н. В.** Ольга Новикова глазами современников 58
- Гамидова М. А.** Воспитание чувства имперского единства у англоканадской молодежи в 70-е годы XIX века (по материалам канадской учебной литературы) 64
- Богомолов С. А.** Теоретические основы «мусульманского ренессанса» в Британской Индии в последней трети XIX века 67
- Афонушкина А. В.** Английская революция середины XVII века в освещении М. М. Ковалевского 73
- Чикалова И. Р.** Труды по социальному развитию Англии в переводах с иностранных языков в России на рубеже XIX–XX веков 83
- Акимов С. В.** На пороге мирной конференции: англо-ирландский договор 1921 года 92
- Ражев А. В.** Британская армия во второй половине 1930-х годов: деятельность военных министров А. Даффа Купера и Л. Хор-Белиша 97
- Порецкова Е. А.** Великобритания и Маастрихтский договор 1992 года 101

Отечественная история

- Булатов В. В.** Резонансные концессионные предложения периода военного коммунизма (1919–1920 годы) 104
- Данилов В. Н.** Чрезвычайные органы власти в советской государственной системе 110
- Абубикерова Э. Ф.** Профессиональная повседневность научно-педагогических работников Саратова в 1920-е годы 119

Сведения об авторах 123

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**Главный редактор**

Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич
Аксеновская Людмила Николаевна
Аникин Валерий Михайлович
Балаш Ольга Сергеевна
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Дыльников Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Макаров Владимир Зиновьевич
Монахов Сергей Юрьевич
Орлов Михаил Олегович
Прозоров Валерий Владимирович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Черевичко Татьяна Викторовна
Шатилова Алла Валерьевна
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ**Главный редактор**

Данилов Виктор Николаевич

Заместители главного редактора

Чернова Лариса Николаевна
Герман Аркадий Адольфович

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич

Члены редакционной коллегии:

Галямичев Александр Николаевич
Голуб Юрий Григорьевич
Креленко Наталия Станиславовна
Мезин Сергей Алексеевич
Монахов Сергей Юрьевич
Черевичко Татьяна Викторовна
Чолахян Вачаган Альбертович
Шенин Сергей Юрьевич

Зарегистрировано

в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисуночные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Митенёва Елена Анатольевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Корректор

Певная Татьяна Константиновна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 10.02.12.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,75).

Тираж 500 экз. Заказ 32.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

CONTENTS

Scientific Part

World History. Британские чтения

Glebov A. G. Central Authorities in England at the Age of Alfred the Great: the King's Court	3
Starostina I. Yu. Gender Behavior of the English Nobility by G. Chaucer (Based on «The Legend of the Good Women»)	7
Mayzlish A. A. How Can English King Become the Sovereign of Flanders? (diplomatic struggle for the county in 2nd Half of XIV Century)	10
Galyamichev A. N. John Hus and Lollards (The Letter from Hus Magister to Richard Wyche)	15
Anisimova A. A. Land Tenure in English Monastic Town at the Beginning of XVI Century (Based on the «Rental of Faversham 1522–1533»)	17
Abarenova A. I. Women's Social Nets of Influence: Noble Women's Relationship in England in the First Half of XVI Century	22
Beltser A. A. Justices of Peace and the Council of the North in the Sunset of Tudor Epoch	26
Chernova L. N. The Urban Space of London at the End of the XVI Century in the Perception of a Contemporary (based on Thomas Platter's «Travels in England»)	30
Elfond I. Ya. The Treayment of British History in the Works of Historian E. Pasquier	36
Mosolkina T. V. Private Collecting in England in Second Half XVII Century as the Form of Historical Memory	41
Krelenko N. S. Theatre and Political Life in England of the Restoration Period (A. Ben «The Roundheads, or The Good Old Cause»)	45
Ivonina L. I. The Trial in Parliament over the Duke of Marlborough: Verity or Falsification?	49
Dronova N. V. «Strangers in Parliament!»: the Procedural Incident of 1875 (from History of Political Culture of the Victorian England)	55
Borodavkina N. V. Olga Novikov, through the Eyes of Her Contemporaries	59
Gamidova M. A. An Education of Sense of Imperial Unity for British-Canadian Youth in 70s of XIX Century (Based on Materials of Canadian Education Literature)	64
Bogomolov S. A. The Theoretical Bases of the «Mohammedan Renaissance» in the British India in Last Third of XIX Century	67
Afonushkina A. V. Enterpretation of English Revolution of the XVII Century by M. M. Kovalevsky	73
Chikalova I. R. The Works on the Social History of England Represented in the Translation from the Foreign Languages in Russia on the Eve of XIX–XX Centuries	83
Akimov S. V. On the Threshold of the Peace Conference: Anglo-Irish Treaty of 1921	92
Razhev A. V. The British Army in 1930s: Activity of Secretaries of State for War A. Duff Cooper and L. Hore-Belisha	97
Poretskova E. A. Great Britain and the Maastricht Treaty on European Union (1992)	101
Russian History	104
Bulatov V. V. Resonance Concession Offers of the «Military Communism» Period (1919–1920)	104
Danilov V. N. Extraordinary Authorities in the Soviet State System	110
Abubikerova E. F. Professional Daily Scientific and Pedagogical Workers of Saratov in the 1920s	119
Information about the Authors	123

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. БРИТАНСКИЕ ЧТЕНИЯ

УДК 94.63.3 (0)4

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ В АНГЛИИ В ЭПОХУ АЛЬФРЕДА ВЕЛИКОГО: КОРОЛЕВСКИЙ ДВОР

А. Г. Глебов

Воронежский государственный университет
E-mail: aaglebov@edu.vrn.ru

В статье рассматриваются состав и функционирование королевского двора в эпоху правления Альфреда Великого, короля Уэссекса. Работа построена на изучении широкого круга материалов (королевское законодательство, земельные грамоты, нарративные источники) и раскрывает важнейшие стороны деятельности королевского двора на рубеже IX–X вв.

Ключевые слова: Англия раннего Средневековья, Альфред Великий, королевский двор.

Central Authorities in England at the Age of Alfred the Great: the King's Court

A. G. Glebov

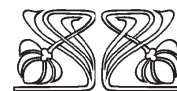
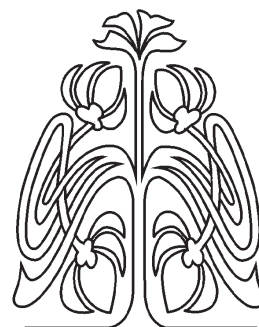
The article deals with the study of the personnel and functions of the king's court at the age of Alfred the Great. The author uses in his work a variety of primary sources (king's legislation, land charters, narratives) and discloses main aspects of the king's court's activities at the eve of the X century.

Key words: Early Medieval England, Alfred the Great, king's court.

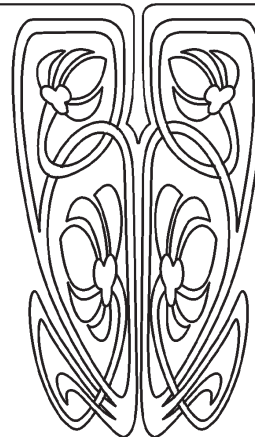
Размышляя об обязанностях христианского правителя, король Уэссекса Альфред Великий (871–899) писал: «Теперь ни один человек ... не в состоянии управлять, если он не имеет для этого под руками необходимых орудий и средств ... Для короля таким орудием и средством является густонаселенная страна и у него должны быть люди [для] молитвы, люди [для] войны и люди [для физической] работы ... Без таких орудий он не может осуществлять возложенные на него обязанности»¹. Это «трехчленное» деление общества на тех кто молится, тех кто воюет и тех кто работает на земле отражает не только социальные, но и политические представления как самого Альфреда, так и окружающего его социума².

Источники позволяют говорить о том, что в эпоху Альфреда Великого важнейшим элементом управления, с помощью которого англосаксонские короли осуществляли свои властные полномочия, продолжал, как и раньше, оставаться королевский двор. В биографии Альфреда, составленной одним из его ближайших сотрудников епископом Ассером, мы находим некоторые указания на внутреннее устройство двора и его участие в решении государственных дел. По сообщению Ассера, Альфред не только приглашал к себе ученых людей со всей Англии и из-за рубежа, привлекая их, помимо образовательной, к государственной деятельности, но и впервые сделал службу при дворе постоянной обязанностью знати. С этой целью он разделил своих приближенных на три группы, каждая из которых должна была неотлучно находиться на службе в течение месяца, два последующих отдыхая дома³.

О большинстве из примерно 60 приближенных Альфреда, свидетельствовавших его грамоты, мы не знаем ничего, кроме их имен. Тем интереснее предоставляемая отдельными дипломами возможность подробнее познакомиться с личностями некоторых из них. Одним из ближайших к королю людей на протяжении 80–90-х гг. IX столетия был Деормод, занимавший важнейшую при дворе должность управля-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ющего королевским хозяйством (*cellerarius*). Его обязанности, видимо, не ограничивались только продовольственным и иным материальным обеспечением короля и его ближайшего окружения. Подпись Деормода как свидетеля земельных трансфертов встречается по крайней мере в шести грамотах, исходящих от самого Альфреда Великого и его сына Эдуарда; очевидно также, что он был достаточно влиятелен, чтобы наряду с королем и его наследником свидетельствовать грамоту некоей Этельтриты⁴. Другим видным приближенным Альфреда был хранитель его гардероба и, по совместительству, королевской казны (*thesaurarius, hraeglhthegn*) по имени Элфрик⁵. К ним мы можем добавить королевского конюшего (*horsethegn*) Экгвульфа, гибель которого в 896 г. специально зафиксирована в «Англосаксонской хронике»; упоминается он и в завещании Альфреда Великого, по которому была доверена опека над несколькими королевскими поместьями⁶. В его должностные обязанности входил не только непосредственный контроль за лошадьми, но и, возможно, вообще обеспечение транспортом короля и его двора⁷.

На слух нашего современника титулы перечисленных людей могут показаться лакейскими, и несомненно, каждый из них действительно был личным королевским слугой. Однако именно их близость к персоне короля и наделяла их властью и престижем. Один из таких слуг, королевский тэн старшего брата Альфреда, Этельберта, по имени Эастмунд, свидетельствует относящуюся к 858 г. грамоту с титулом *pedesecus*. Несмотря на то что в классической латыни слово *pedisequus* имело несколько пренебрежительный оттенок, обозначая находящегося в личном услужении человека, англосаксы, очевидно, более высоко ставили владельца этого звания, поскольку подпись Эастмунда появляется в грамоте третьей после подписей короля и элдормена Этельмода⁸. Показательно и то, что спустя десять лет тот же Эастмунд свидетельствует диплом короля Этельреда уже в качестве элдормена Кента⁹. Этот пример подтверждает, что члены королевского двора, в том числе и личные слуги, вполне могли рассчитывать на карьеру государственного служащего высокого ранга или даже на то, чтобы породниться с королевской семьей. Вспомним, что сам Альфред Великий по материнской линии был внуком Ослака, «знаменитого кравчего (*princerna*) короля Этельвульфа»¹⁰.

Эти ближайшие сподвижники дополнялись личной дружиной Альфреда, которая постоянно находилась при дворе и в драматические годы борьбы со скандинавской агрессией играла заметную роль не только на полях сражений, но и в «мирной» жизни. Их функции не ограничивались, как можно подумать, ролью простых «орудий», которые используют по мере необходимости. Они составляли непосредственное окружение короля, жившее в его покоях, пировавшее за его

столом, сопровождавшее Альфреда на охоте и последовавшее за своим господином в болота Сомерсета зимой 878 г., когда норманны заняли большую часть Уэссекса¹¹. Ассер, видимо, под влиянием своего знакомства с франкской практикой, именуется этих людей вассалами (*faseli*)¹², что также подчеркивает их особую близость к королю. *Faseli* принимали активное участие в делах гражданского управления, выступая в качестве королевских вестников и эмиссаров (*faestingmen*)¹³ и служа своеобразным связующим звеном между центральным государственным аппаратом и местной администрацией¹⁴. Альфред Великий щедро вознаграждал своих приближенных, зарезервировав для этого шестую часть своих доходов и оставив им по завещанию 200 фунтов, которые должны были быть распределены между ними согласно тому, «как это было сделано на последней Пасхальной неделе»¹⁵.

Наряду со светским элементом неотъемлемую часть двора Альфреда составляли представители англосаксонского клира, которых его биограф Ассер называет капелланами (*capellani*)¹⁶. В дополнение к религиозным капелланы выполняли обязанности писцов, в задачу которых входило оформление королевских грамот, а также другой документации, необходимой для правительственных нужд. Как явствует из альфредовского перевода «Монологов» Августина, обычным их занятием было составление неких «запечатанных писем» (*aerendgewrit ond hys insegel*), которые использовались для созыва на советы королевских должностных лиц и с целью определенного контроля их деятельности¹⁷. Как предположила Ф. Хармер, в этих «запечатанных письмах» следует видеть прообраз так называемых королевских предписаний (*writs*), которые в поздний англосаксонский период превращаются в важнейший инструмент управления¹⁸. Предписание представляло собой небольшое по объему послание, в котором указывались отправитель (чаще всего король) и получатель, обычно правительственный чиновник в той или иной местности, а также в достаточно формализованной манере излагалось существо королевского распоряжения. Чтобы удостовериться его подлинность, к нему прикладывалась королевская печать, известная англосаксам по крайней мере с конца VIII в.¹⁹ В дальнейшем оформление и рассылка на места этих *writs*, несомненно, все больше становились важнейшей функцией королевских писцов-капелланов. На основании этих фактов вполне можно говорить о том, что к концу царствования Альфреда при короле существовал какой-то аналог канцелярии, хотя сам термин и не употреблялся²⁰.

Важнейшую роль при дворе Альфреда играли высшие церковные иерархи-архиепископы и епископы, дававшие королю советы, читавшие ему латинскую литературу и помогавшие в ее переводах на древнеанглийский. Ассер, Уэрферт, Плегмунд, Эалстан, Свитвульф, Эалхерд и другие

англосаксонские прелаты были в числе самых видных придворных Альфреда Великого, хотя их государственные обязанности и полномочия в силу состояния источников менее отчетливы, нежели светских приближенных короля. Ясно, что, как напоминал им сам Альфред в переводе «Обязанностей пастыря», их основным долгом было «духовное» служение своему королю: вознесение молитв за него и его близких, укрепление религиозной дисциплины и поддержание церковного и гражданского мира в стране²¹. Очевидно также их значение в функционировании судебно-юридической системы в обществе, где грань между преступлением и грехом была еще весьма неопределенной и зыбкой. Грамоты и завещания с их христианскими инвокациями и заключительными анафемами нарушителям воли жалователя также могут рассматриваться не только как юридические, но и как религиозные документы. Неслучайно Альфред в своем кодексе предписывал рассмотрение тяжб по поводу земель на праве бокленда только в присутствии епископа и отдавал ему прерогативу в наказании клятвоступника, заключенного в королевскую тюрьму²².

В источниках, однако, наиболее четко фиксируется военно-политическая роль англосаксонских епископов эпохи Альфреда Великого. Например, в «Англосаксонской хронике» подвиги на полях сражений епископа Шерборна Эалстана или его преемника Хеамунда, как это ни странно, отражены гораздо полнее, нежели их религиозная деятельность²³. Согласно грамоте, выпущенной элдорменом англосаксонской Мерсии Этельредом и его женой Этельфлед в 90-х гг. IX в., строительство бурга в Вустере началось по их приказанию вследствие просьбы «их друга, епископа Уэрферта». В ответ на нее «в присутствии короля Альфреда и всех уитанов Мерсии» они «даровали епископу половину тех привилегий, которые [принадлежали] им по праву на рынке и на улице, как внутри бурга, так и вне его с тем, чтобы укрепление поддерживалось в должном состоянии»²⁴. Не вполне ясно, идет ли в данном случае речь о том, что епископ получал возможность сбора торговых штрафов и пошлин. Но то, что один из высших церковных иерархов, очень близких ко двору Альфреда, принимал активное участие в создании задуманной королем системы бургов, вряд ли подлежит сомнению. Сходным образом тот же Уэрферт и архиепископ Кентерберийский Плегмунд в 898–899 гг. вместе с королем планировали «восстановление» (*instauratio*) Лондона²⁵. Причина такой «военно-строительной» активности англосаксонских прелатов достаточно прозрачна. Как справедливо заметил Н. Брукс, «если епископы хотели сохранить в целостности свои церкви в преддверии новых нападений викингов, у них были веские основания оказать Альфреду всю возможную помощь в организации эффективной системы укреплений-бургов»²⁶.

По свидетельству Ассера, еще одним ключевым мероприятием, проведенным Альфредом в

области центрального государственного управления, была реорганизация королевских финансов. Все доходы королевского двора были разделены на две части, одна из которых шла на нужды церкви, а вторая, в свою очередь, делилась на три части. Первая из них выделялась для содержания тех, кто находился на дворцовой службе, вторая шла на оплату слуг, третья предназначалась для подарков прибывающим ко двору иноземцам²⁷. Это разделение показывает, что доходы короля при Альфреде Великом рассматривались как нечто единое; можно предположить также, что при дворе должен был существовать специальный орган, занимавшийся государственными финансами. Косвенно в пользу такого предположения свидетельствует и необходимость сбора и уплаты дани скандинавам.

Рассматривая становление системы центральной администрации в интересующее нас время, следует иметь в виду, что выделение специализированных органов внутри королевского двора по-прежнему происходило довольно медленно. И «канцелярия», и «казначейство», и другие дворцовые ведомства во многом оставались скорее личными королевскими, нежели правительственными учреждениями и их функционирование очень зависело от конкретных лиц, составлявших собственное окружение короля. Вплоть до X столетия не существовало, видимо, и сколько-нибудь разветвленной и структурированной чиновничьей системы. Только в завещании Альфреда сохранились некоторые намеки на различия между должностными лицами его двора, однако их соподчиненность совершенно не ясна²⁸. Несколько более содержательно в этом плане завещание его внука Эадреда (946–955 гг.). Сделав распоряжения относительно даров архиепископу, епископам и элдорменам, Эадред оставляет некоторые суммы денег сенешалям, постельничим и кравчим, а также священникам, которые отвечали за его реликварий, и другим должностным лицам своего двора²⁹. Однако и в этом случае мы лишены возможности однозначно определить их дифференциацию в структуре центральной администрации.

Общее значение участия членов королевского двора в государственных делах в период правления Альфреда хорошо видно из пространной записи в «Англосаксонской хронике» за 896 г. Заметив, что «по милости Господа язычники в этом году не доставляли особых бедствий англичанам (*Engliscmon*)», ее составитель, тем не менее, указывает, что за предыдущие три года таких бедствий было немало, называя среди важнейших из них гибель лучших приближенных короля: «Из них один был Свитвульф, епископ Рочестера; и Кеолмунд, элдормен Кента; и Беортульф, элдормен Эссекса; и Вульфред, элдормен Гэмпшира; и Эалхерд, епископ Дорчестера; и Эадвульф, королевский тэн из Суссекса; и Беорнвульф, герфа Винчестера; и Экгвульф, конюший короля, и многие другие, хотя я назвал самых достой-

ных»³⁰. Независимо от того, были ли они людьми церковными или светскими, очевидно, именно на них опирался Альфред в практике повседневного управления страной.

Таким образом, в эпоху Альфреда Великого королевский двор продолжал оставаться одним из главных элементов складывающейся системы центральной администрации, но по сравнению с VII–VIII вв. его значение заметно возрастает. На наш взгляд, это было связано, во-первых, с усилением тенденций феодального развития и, во-вторых, с воздействием внешнего фактора – скандинавского военного натиска. С другой стороны, незавершенность процессов складывания феодального землевладения и основных социальных страт феодального общества привела к тому, что оформляющаяся раннефеодальная государственность, в том числе королевский двор, также имела некоторые черты незавершенности. К важнейшим из них, видимо, следует отнести известную консервацию непосредственной связи его членов с королевской властью. В этом отношении характерны два момента – нерасчлененность функций королевского двора по отраслям, а также то обстоятельство, что он во многом оставался скорее личным королевским, нежели безличным государственным учреждением. Его функционирование сильно зависело как от конкретных субъектов, составлявших ближайшее окружение того или иного короля, так и от личности тех людей, которые находились на королевской службе.

Примечания

- 1 King Alfred's Old English Version of Boethius' *De Consolatione Philosophiae*. Oxford, 1899. P. 41.
- 2 Подробнее о теории «трех сословий» у англосаксов см.: Powell T. E. *The «Three Orders» of Society in Anglo-Saxon England // Anglo-Saxon England*. 1994. Vol. 23. P. 103–132.
- 3 См.: Alfred the Great : Asser's «Life of king Alfred» and other contemporary sources. Harmondsworth, 1983. Ch. 77, 78, 88.
- 4 См.: Cartularium Saxonicum : a Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History / ed. by W. de Birch : in 3 vol. L., 1885. Vol. 1, № 549, 550, 568, 581, 591, 595, 740.
- 5 Ibid. № 591, 740.
- 6 См.: The Anglo-Saxon Chronicle, a.896 // The Anglo-Saxon Chronicle : A collaborative ed. Cambridge, 1986. Vol. 3. Ms. A. P. 88 ; Cartularium Saxonicum... № 553, 555.
- 7 Королевские конюшье (наряду с ловчими) упоминаются в мерсийской грамоте 822 г. как имеющие право на «гостеприимство» со стороны местных землевладельцев во время поездок по королевским надобностям (см.: Cartularium Saxonicum. № 370).
- 8 Ibid. № 496. Ср. : Beowulf : in 3 vols. Paderborn, 1958. Т. 1. Ll. 499–500, где Унферт «сидит у ног» короля Хротгара.
- 9 См.: Cartularium Saxonicum. № 526.
- 10 Alfred the Great : Asser's «Life of king Alfred». Ch. 2.
- 11 См.: The Anglo-Saxon Chronicle, a.878. P. 89.
- 12 См.: Alfred the Great : Asser's «Life of king Alfred». Ch. 101.
- 13 См.: Cartularium Saxonicum. № 496, 517, 568.
- 14 См.: Keynes S. *Royal Government and the Written Word in Late Anglo-Saxon England // The Uses of Literacy in Early Medieval Europe*. Cambridge, 1990. P. 244–245.
- 15 Alfred the Great : Asser's «Life of king Alfred». Ch. 101 ; Cartularium Saxonicum. № 555.
- 16 См.: Alfred the Great : Asser's «Life of king Alfred». Ch. 100.
- 17 См.: King Alfred's Old English Version of Saint Augustine's Soliloquies. N. Y., 1902. P. 62.
- 18 См.: Anglo-Saxon Writs / ed. by F. E. Harmer. Cambridge, 1952. P. 1–3.
- 19 См.: Kirby D. P. *The Making of Early England*. L., 1967. P. 172.
- 20 См.: Keynes S. Op. cit. P. 246.
- 21 См.: King Alfred's West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care. L., 1930. Pt. 1. P. 24.
- 22 См.: Aelfred, 42 ; 1, §2 // *Die Gesetze der Angelsachsen* : in 3 bd. Halle, 1903–1916. Bd. 1. S. 157, 168.
- 23 См.: The Anglo-Saxon Chronicle, a.845, 871. P. 173, 178.
- 24 Cartularium Saxonicum. № 579.
- 25 См.: Sawyer P. H. *Anglo-Saxon Charters : an Annotated List and Bibliography*. L., 1968. № 1628.
- 26 Brooks N. P. *The Early History of the Church of Canterbury : Christ Church from 597 to 1066*. Leicester, 1984. P. 154.
- 27 См.: Alfred the Great : Asser's «Life of king Alfred». Ch. 100.
- 28 См.: Cartularium Saxonicum. № 553–555.
- 29 Ibid. № 912.
- 30 The Anglo-Saxon Chronicle, a.896. P. 188.

УДК 821.111.09–1+929 Чосер

ДЖ. ЧОСЕР О ГЕНДЕРНОМ ПОВЕДЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА (на материале «Легенды о хороших женщинах»)

И. Ю. Старостина

Саратовский государственный университет
E-mail: innastar87@list.ru

Статья посвящена проблеме восприятия гендерного поведения английского дворянства знаменитым поэтом XIV в. Джеффри Чосером. На материале мало исследованной в отечественной историографии поэмы «Легенда о хороших женщинах» автор исследует взаимоотношения полов в среде знати через колоритные чосеровские характеристики и оценки персонажей – знаменитых героев и героинь античной мифологии – и их брачного поведения.

Ключевые слова: Джеффри Чосер, гендерная история, поэма-сновидение, частное пространство, куртуазная традиция и идеология.

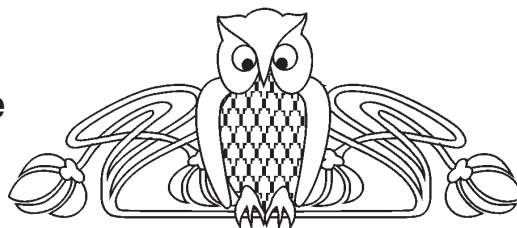
**Gender Behavior of the English Nobility by G. Chaucer
(Based on «The Legend of the Good Women»)**

I. Yu. Starostina

The article is devoted to the problem for studying a perception of gender behavior in the noble society by Geoffrey Chaucer, who was the prominent English poet of the XIV century. The author studies sexes' interrelations in the aristocratic society through Chaucer's coloured descriptions and estimations of the main characters in the poem, who were the famous heroes (both women and men) of the ancient mythology, also including their marriage behavior. The research is based on the weakly-studied in the Russian historiography source, which «The Legend of good women» is.

Key words: G. Chaucer, gender history, poem «dream-vision», private space, courteous tradition and ideology.

Вопросы культурно-гендерного характера, касающиеся представлений средневекового человека о любви, брачном поведении, семейных ценностях, в последние десятилетия привлекают все большее внимание как важные компоненты «истории людей». Л. П. Репина определяет гендерный подход в изучении прошлого как органично вписанный в общее русло социально-экономической, политической, а также ментальной истории¹. Немаловажно также, что к настоящему времени появились методы гендерно-исторических исследований, позволяющие по-новому подходить к уже известным источникам. Кроме того, во всей их значимости раскрылись нарративные, в первую очередь литературные, источники, превратившиеся в самостоятельный объект для изучения. По замечанию Л. П. Репиной, литературные тексты содержат неоднозначные, подчас косвенные, но ничем другим не восполнимые свидетельства о матримониальных представлениях в той или иной среде и о различных аспектах брачного

поведения (выбор партнера, распределение прав и обязанностей по хозяйству, отношения между супругами)². К анализу такого рода источников следует подходить с определенной долей осторожности. Но необходимо признать, что речи и действия литературных персонажей, имевших реальных прототипов или вымышленных, «должны были соответствовать представлениям, чувствам, мыслям, убеждениям, надеждам и даже фантазиям представителей тех общественных слоев, которые составляли ядро потребителей произведений массовой культуры»³.

К числу таких литературных источников относятся и произведения знаменитого английского поэта XIV в. Джеффри Чосера, слабо исследованные в гендерном аспекте⁴.

Заявленная тема подразумевает ограничение исследования следующим ракурсом: на материале мало изученной в отечественной историографии поэмы Дж. Чосера «Легенда о хороших женщинах» проанализировать специфику его восприятия гендерных (брачных, семейных) отношений в среде благородного сословия английского общества второй половины XIV в.

Большинство авторов считает, что «Легенда о хороших женщинах» была написана в первой половине 1380-х гг. По жанру данный источник относится к видениям⁵. Чосер присутствует в поэме как герой-повествователь. Главными персонажами произведения являются знаменитые женщины прошлого (правительницы, дочери благородных мужей, исторические и легендарные) с их неподдельными чувствами, нашедшими отражение в легендах о Клеопатре (The Legend of Cleopatra), Фисбе Вавилонской (Thisbe of Babylon), Дидоне Карфагенской (Dido, queen of Carthage), Гипсипиле и Мееде (в одном повествовании) (Hypsipile and Medea), Лукреции (Lucretia), Ариадне (Ariadne), Филомеле (Philomela), Филлиде (Phyllis), Гипермнестре (Hypermnestra). Мужские персонажи в данном случае интересуют поэта с точки зрения возможности женщин продемонстрировать свои переживания, настроения в рамках их отношений с представителями «сильного пола». Поэма позволяет сквозь призму чосеровского восприятия изучить как образы благородных дам и их гендерные ориентиры и поведение, так и мужские гендерные модели, реализующиеся через их отношения с женщинами.

На материале обозначенных выше историй обратимся к характеристике Чосером женского брачного поведения. Примечательно, что уже в

начале своего произведения автор подчеркивает: все представленные им героини были «преданы своим чувствам»⁶. Преданность, верность чувствам, с точки зрения Дж. Чосера, становится основополагающей добродетелью женщины. На первых страницах поэмы автор обращается к легенде о том, как Алкеста, супруга фракийского царя Кадма, последовала вместо своего мужа в ад⁷. Для поэта очевидно, что любовь, основывающаяся на верности своему избраннику, означает готовность принести себя в жертву ради его спасения. Именно такая жертвенная любовь и делает Алкесту идеальной женщиной в глазах повествователя.

Тема самоотречения и искупительной жертвы во имя верности и любви развивается также в истории о Лукреции, которая не вынесла позора бесчестия и ради сохранения доброго имени своего мужа лишила себя жизни⁸. Еще один любопытный персонаж – Медея, колхидская царевна, тоже представленная как любящая своего мужа Ясона «больше самой жизни»⁹.

Дж. Чосер наделяет каждую верную в любви женщину такими качествами, как милосердие, сострадание, жертвенность, желание проявить заботу, что фактически приближает их к идеальному и непогрешимому образу. И именно поведение, строящееся на проявлении данных качеств, определяет отношения женщины-героини со своим избранником. Гипсипила, Ариадна, Медея, Филлида, Гипермнестра, Дидона предстают в произведении Чосера как дамы, которым «свойственны жалость, сочувствие», потребность «делать добро»¹⁰. Эти героини жаждут помочь своим возлюбленным: Ариадна – Тесею в его борьбе с Минотавром; Медея – Ясону в его поисках золотого руна. Залогом успеха героев в достижении цели послужила любовь героинь. И Медея, и Ариадна своими поступками возвеличили возлюбленных: они, по словам Чосера, «прославили их как победителей»¹¹. Что немаловажно, такая любовь, по мнению автора, благотворно воздействует и на самих женщин: облагораживает натуру каждой из них, награждает их славой.

Не будем забывать, что зачастую речь идет о женщинах, известных (очевидно, и самому поэту) по греческой мифологии своей мстительностью и коварством. Среди них и Медея и Филомела. Показательно, что Чосер умалчивает о том, как жестоко Медея отомстила предавшему ее Ясону, узнав о его новом увлечении, – уничтожив своих детей и его избранницу. Опускает Чосер и сюжет о том, как «прекрасная», по его словам, Филомела вместе со своей сестрой Прокной отомстила правителю Фракии Терею, супругу Прокны, за его вероломство – похищение ее сестры. А ведь эти женщины проявили удивительное и для человека XIV в. коварство: убили сына Прокны и Терея, приготовили кушанье из его тела и «насытили» им героя. Очевидно, исходя из авторского замысла, состоявшего в том, чтобы рассказать о порядочных женщинах древности, Дж. Чосер выделил

только качества героинь, свидетельствующие об их благородстве. А это, как можно заметить, преданность, искренность женщин в проявлении своих чувств, готовность на самопожертвование во имя своего возлюбленного. И, по сути, такого же поведения они ожидали от своих избранников и жестоко мстили, если те не оправдывали связанных с ними надежд.

Подчеркнем также, что Чосер показывает своих героинь, занимавших весомое положение в обществе, исключительно в границах так называемого частного пространства, обходя публичную сферу. Основной для автора является проблема женского поведения в браке. Видимо, главное призвание и предназначение женщины (в том числе и современной ему благородной англичанки) он видит исключительно в рамках семьи – как верной супруги, единомышленницы своего мужа.

Таким образом, в своем повествовании Дж. Чосер не просто оправдывает женщин, но и предпринимает попытку показать, что благородные дамы были в истории. Их благородство измеряется главным, в понимании поэта, качеством – преданностью любимому супругу вплоть до самоотречения, самопожертвования.

Очевидно, что обращение Дж. Чосера к вопросу о поведении женщины в браке имело под собой серьезные основания. Любая брачная модель формировалась на основе культурных представлений и жизненных приоритетов людей, действующих в определенном спектре возможностей¹². Здесь уместно обратиться к личной жизни самого поэта, его взаимоотношениям с супругой, до сих пор вызывающим дискуссию в литературе, посвященной биографии Чосера. Как известно, супруга поэта Филиппа была благородного происхождения и занимала более высокое положение, чем ее муж. Во многом именно это обстоятельство породило устойчивые слухи о несчастливом брачном союзе Дж. Чосера и Филиппы¹³. Кроме того, известные биографы поэта (Дж. Култон и Дж. Гарднер) склоняются к версии, что Филиппа некоторое время была любовницей могущественного Джона Гонта, друга и покровителя поэта, а дети четы Елизавета и Томас не являлись поэту родными¹⁴. Если принять во внимание подобного рода сюжет из частной жизни Чосера, становится понятной особая актуальность для него проблемы поведения женщины в семье.

Не следует забывать и того, что представления о мужчине и женщине, о том, каковы должны быть отношения между ними, являются продуктом культурно-исторического развития того или иного общественного человека¹⁵. А Дж. Чосер жил и творил в атмосфере ренессансного XIV в. с его неподдельным интересом к человеческой личности, к постановке и обсуждению важнейших тем, связанных в том числе с гендерными идеалами, отношением к женщине, с разработкой концепций любви. Ф. Петрарка, обращаясь к императрице Анне с поздравительным письмом

по поводу рождения дочери, по сути, произносит похвалу женщинам: «...женский пол не только способен к деторождению, но славится и умом, и многими добродетелями...»¹⁶. Поэт-гуманист приводит много примеров из прошлого, призванных показать достоинство женщин «с хрупкой плотью, но твердой душой»¹⁷. Один из таких примеров очень созвучен тому, о чем писал Дж. Чосер в «Легенде о хороших женщинах». «А кто не слышал о супружеской любви и стойкой силе духа царицы Ипсикраты¹⁸?», – вопрошает Петрарка и напоминает читателям, что она «с непоколебимой преданностью оставалась спутницей отверженного всеми царя и его утешением в тяжелейших несчастьях»¹⁹.

Сила Амура властвует и в «Декамероне» Д. Боккаччо, как властвует в природе и в жизни, и отсюда – интерес гуманиста к проблеме возникновения любви между мужчиной и женщиной, а также к поведению женщины в гендерных отношениях, в браке²⁰.

Поглощенный этими аспектами ренессансной идеологии, Дж. Чосер вслед за итальянскими гуманистами обращается к опыту прошлого, отыскивая показательные примеры того, что благородные женщины могут быть не просто образцом совершенной женственности, но и веским доказательством существования добропорядочных женщин вообще.

Гендерная роль и поведение мужских персонажей в «Легенде» оказываются несколько в стороне. Но, говоря в общем, отметим, что автор оценивает большую часть мужских героев поэмы как «неверных в делах любовных»²¹, как бы разводя при этом внешнюю и внутреннюю их характеристику.

Прежде всего обращает на себя внимание, что все чосеровские мужские персонажи «имеют благородные черты лица, хорошо сложены»²². Внешность выступает в данном случае как первый сигнал для дамы, который способен пробудить интерес и развить симпатию. Кроме того, важным качеством благородного мужчины является особенность общения с женщиной: поэт отмечает изысканность манер, вежливость и учтивость. Всего этого вполне достаточно, чтобы заинтриговать даму и настроить ее на дальнейший диалог.

Совсем иными мужские персонажи предстают после завоевания желанной женщины. В большинстве случаев герой (Тезей, Эней, Ясон, Демифон, Терей), увлекшись либо заинтересовавшись благородной дамой, в конечном счете покидает ее, нарушая, таким образом, принесенную прежде клятву верности. Заметим, что подобным образом Чосер характеризует *большинство*, но не все мужские персонажи. Двое из его историй, Антоний и Пирам, остаются всецело преданными своим возлюбленным – Клеопатре и Фисбе, – поскольку любовь «обуяла их настолько, что они не видели иной жизни»²³. Однако, как показывает Чосер, от подобной любви эти герои теряют муже-

ство и храбрость в бою, что ставит под сомнение наличие у них главных качеств благородного рыцаря – смелости и готовности к победе. Дж. Чосер, очевидно, старается донести до читателей мысль о том, что эмоциональные переживания мужчины, связанные с любовью, способны уязвить его, лишить храбрости, решительности в повседневной жизни, посвященной военным кампаниям.

Фактически Дж. Чосер стремится показать, что общепринятый код поведения знатного мужчины, в который, как известно, входило преданное служение даме сердца, следование принесенной клятве верности, расходился с реальным поведением рыцаря в его отношениях с возлюбленной. Безусловно, данное обстоятельство связано с изменениями, которые происходили в социальном облике рыцарства в XIV столетии. В частности, А. Харпер отмечает, что в чосеровскую эпоху было характерно некоторое напряжение в рыцарской среде, обусловленное переоценкой ценностей и изменением отношения к войне. Как известно, служение даме предполагало участие в поединках, сражениях, что объективно приводило к кровопролитию. Чосер же, отражая нравы современного ему общества, показывает, что куртуазная любовь, автоматически подразумевавшая агрессию (по отношению к соперникам), начинала восприниматься как чрезвычайно опасная для общества в целом²⁴. Кроме того, куртуазная любовь была неотъемлемой чертой прежде всего традиционного, старого дворянства, высшей наследственной аристократии, которая постепенно утрачивала лидирующее положение в английском обществе. На авансцену общественно-политической и экономической жизни Англии выходит новое дворянство, вобравшее в себя в том числе и наиболее предприимчивых и жизнеспособных представителей городского социума, зажиточных крестьян, которые, безусловно, были носителями иной идеологии, чуждой кодексу рыцарской чести²⁵. И этого не мог не ощущать и не осознавать Дж. Чосер, непосредственно связанный и с городской, и с дворянской средой, хорошо знавший умонастроения, интеллектуально-духовные запросы и горожан, и рыцарства XIV в. В «Легенде о хороших женщинах» поэт проводит мысль о том, что едва ли в реальной (в том числе привычной и близкой ему английской) жизни существует идеальный благородный мужчина в куртуазном понимании. Отношения с женщиной – тому явное доказательство.

Таким образом, отталкиваясь от культурных и жизненных ориентиров своей эпохи, Дж. Чосер в «Легенде о хороших женщинах» предлагает две модели гендерного «мужского» поведения: с одной стороны, в реальной жизни на первый план выходят вероломство и расставания, с другой – в единичных случаях поэт признает в отношениях между полами сохранение чувств, которые, по его наблюдению, подчиняют мужчину любовной страсти, ослабляя его как воина.

Что касается гендерного поведения благородной женщины, то, как можно заметить, Дж. Чосер обращается к прошлому с серьезным намерением *оправдать* женщину, доказать, что она способна любить, готова на подвиги ради своего чувства, достойна того, чтобы быть любимой. При этом именно частная сфера в восприятии Чосера выступает в качестве той благодатной среды, в которой женщина в полной мере может проявить себя, реализовать свои добродетельные качества.

Примечания

- 1 См.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. С. 512.
- 2 Там же. С. 532.
- 3 Там же.
- 4 Подчеркнем, что зарубежная историография располагает немалым количеством работ, посвященных изучению мужских и женских персонажей, их взаимоотношений в произведениях Чосера преимущественно на материале «Кентерберийских рассказов». См., например: *Hansen E. T. Chaucer and the Fictions of Gender*. Berkeley, 1992.; *Brewer D. Chivalry // A Companion to Chaucer* / ed. by P. Brown. Oxford, 2000. P. 58–74.; *Wheatley E. Modes of Representation // A Companion to Chaucer* / ed. by P. Brown. Oxford, 2000. P. 296–311.
- 5 См.: *Brewer D. Chaucer: the poet as storyteller*. Hong Kong, 1984. P. 2; *Burlin R. B. Chaucerian fiction*. Princeton, 1977. P. 38; *Kean P. M. Chaucer and the making of English poetry: in 2 vols. L., 1972. Vol. I. Love vision and debate*. P. 51. Поэма не переведена на русский язык. При рассмотрении темы использовался как оригинальный текст, так и его перевод на современный английский язык.
- 6 The Legend of good women. Balade // The Online Medieval and Classical Library / The electronic edition was prepared by Douglas B. Killings. 1996. URL: <http://mahan.wonkwang.ac.kr/link/med/literature/OMACL.html> (дата обращения: 06.07.2009).

- 7 Ibid.
- 8 Ibid. The Legend of Lucretia.
- 9 Ibid. The Legend of Hypsipyle and Medea.
- 10 Ibid.
- 11 Ibid.
- 12 См.: Репина Л. П. Указ. соч. С. 528.
- 13 См., напр.: *Coulton G. G. Chaucer and his England*. L., 1908. P. 28.
- 14 См.: *Гарднер Дж. Жизнь и время Чосера*. М., 1986. С. 226; *Coulton G. G. Op. cit.* P. 64.
- 15 См.: Репина Л. П. Указ. соч. С. 508.
- 16 *Петрарка Ф.* К императрице Анне поздравительное письмо по поводу рождения дочери и в связи с этим много похвального о женщинах / пер. с лат. Л. М. Лукьяновой // *Гендерная история Западной Европы: хрестоматия: в 5 кн.* М., 2006. Кн. III. С. 58.
- 17 Там же. С. 64.
- 18 Ипсикрата – одна из жен понтийского царя Митридата VI Евпатора (132–63 гг. до н. э.).
- 19 *Петрарка Ф.* Указ. соч. С. 59. Н. И. Десяткина отмечает, что проблемы лично-семейного плана – от выбора невесты и воспитания детей до внутренних отношений между мужем и женой – поднимаются и в трактате Петрарки «О средствах против превратностей судьбы» (см.: *Десяткина Н. И. Петрарка и человек его эпохи в общественном и личном пространстве (по трактату «О средствах против превратностей судьбы»)*. Саратов, 2010. С. 154–155.).
- 20 См.: *Боккаччо Дж. Декамерон* / пер. с ит. А. Н. Веселовского. СПб., 2008. С. 21.
- 21 The Legend of Phyllis. P. 1.
- 22 The Legend of Dido, queen of Carthage. P. 4.
- 23 The Legend of Cleopatra. P. 1.
- 24 См.: *Harper A. «We witen nat what thing we preyen here»: the failure of the noble life in Chaucer's «Knight's Tale»*. В. А.: Simon Fraser University, 1991. P. 3, 19.
- 25 См.: *Штокмар В. В. История Англии в средние века*. СПб., 2005. С. 88–89.

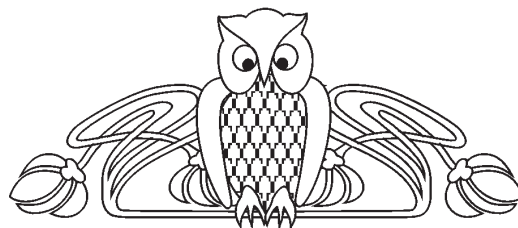
УДК 94(4) "04/14"

КАК КОРОЛЮ АНГЛИИ СТАТЬ СЮЗЕРЕНОМ ФЛАНДРИИ? (дипломатическая борьба за графство во второй половине XIV века)

А. А. Майзлиш

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва
E-mail: maizlish@yandex.ru

Статья посвящена анализу англо-французского соперничества за графство Фландрия во второй половине XIV в. В ней исследуются изменения в тактике сторон, перешедших от открытого военного конфликта к дипломатической борьбе за заключение matrimonialного союза между наследницей Фландрии Маргаритой Мальской и представителем французской (Филипп Храбрый герцог Бургундский) или английской (Эдмунд Лэнгли) правящей династии.

Ключевые слова: Англия, Фландрия, Франция, Столетняя война, matrimonialная политика, дипломатическая борьба, города, торговля.

How Can English King Become the Sovereign of Flanders? (diplomatic struggle for the county in 2nd half of XIV century)

A. A. Mayzlish

Article deals with the struggle for the County of Flanders between England and France in the second half of the XIV century. It concerns

with the changes in their tactic: England and France stopped the warfare for a short period of time and used the means of diplomacy to gain Flanders instead. Members of the Plantagenet (Edmund Langley) and the Valois (Philip the Bold duke of Burgundy) dynasties in their matrimonial policy tried to seek the hand of the heiress of Flanders – Marguerite of Males.

Key words: England, France, Flanders, Hundred Years war, matrimonial policy, diplomacy, cities, trade.

В течение многих веков отношения с Фландрией были для Англии чрезвычайно важны, что обуславливалось целым рядом факторов. Наряду с экономическими причинами (Англия в качестве поставщика шерсти являлась основным торговым партнером фламандских городов) с момента появления империи Плантагенетов в середине XII в. и начала её противостояния с королями Франции появились и политические. Фландрия стала играть роль потенциального политического союзника Англии, а также удобного плацдарма для высадки войск на континенте и начала военных действий.

Идея союза с Фландрией была выработана еще в конце XIII в. Эдуардом I¹, которому удалось привлечь на свою сторону графа Ги де Дампьера². Но позднее графы Фландрии в основном являлись союзниками французских королей, в то время как фламандские города, постоянно находившиеся в конфликте со своими сеньорами, до 30-х гг. XV в. часто становились союзниками англичан.

Это довольно распространенное в историографии представление о ходе развития англо-фламандских отношений в XIV – начале XV в. характеризует скорее общую картину, в то время как анализ отдельных событий периода Столетней войны показывает, что графы Фландрии далеко не всегда стремились поддерживать союз с Францией, вызывавший недовольство их подданных.

Тем не менее одними из первых и основных союзников Эдуарда III³ в начале Столетней войны стали именно фламандские горожане, восставшие во главе с Якобом Артевельде⁴ против своего графа Людовика Неверского⁵. Лидер восстания, признав Эдуарда III королем Франции, фактически признал его и верховным сюзереном «своего» графства. После поражения восстания фламандцы вновь подчинились власти Филиппа VI⁶, но английский король (отказавшийся по условиям мира 1360 г. в Бретиньи от своих претензий на сюзеренитет над Фландрией и французскую корону⁷) не прекратил попыток добиться усиления своего влияния в графстве.

Почти через 20 лет после поражения фламандского восстания под руководством Якоба Артевельде Эдуард III возобновил свою борьбу за Фландрию на поле дипломатии. И на этот раз его усилия были сосредоточены не на налаживании отношений с городами, а на переговорах с сыном Людовика Неверского Людовиком II Мальским⁸. Единственной наследницей Людовика II была его дочь Маргарита⁹, которая, кроме Фландрии, должна была унаследовать графства Невер и Ретель.

В чуть более отдаленной перспективе она могла претендовать и на герцогство Брабант.

В связи с этим Маргарита Мальская считалась одной из самых богатых невест Европы, брак с которой был желанным для представителей нескольких могущественных династий. Первыми относительного успеха добились последние представители династии Капетингов на герцогском престоле Бургундии, бывшие верными союзниками французских королей. Мать последнего из них, Филиппа Руврского¹⁰, Жанна Булонская¹¹ была к тому моменту замужем за королем Франции Иоанном II Добрым¹², а также правила в герцогстве Бургундия в качестве регента своего сына. Таким образом, заключение в 1357 г. брака между 7-летней Маргаритой Мальской и 11-летним Филиппом Руврским можно до определенной степени рассматривать как дипломатический успех французов, хотя этот матримониальный союз не связывал напрямую французскую королевскую династию и графов Фландрии.

Но в 1361 г. Филипп Руврский умер, не оставив наследников¹³. Маргарита Мальская вновь стала самой привлекательной невестой Европы¹⁴, после смерти мужа она оказалась также потенциальной наследницей перешедших к бабушке Маргариты по отцовской линии¹⁵ графств Артуа и Франш-Конте. В этот момент Эдуард III решил включиться в игру за фламандское (и не только фламандское) наследство и предложил одного из своих сыновей, Эдмунда графа Лэнгли и Кембриджского¹⁶, в качестве жениха для Маргариты¹⁷.

По, очевидно, не очень точным подсчетам Жана Фруассара¹⁸ переговоры о браке наследницы Фландрии и Эдмунда Лэнгли продолжались 5 лет. В ходе этого процесса будущий жених Маргариты и герцог Ланкастерский ездили с большой свитой во Фландрию, а затем была устроена торжественная встреча Людовика Мальского и Эдуарда III в Кале, где организовали 3-дневные пиры и турниры¹⁹. При этом Фруассар сообщает о «взаимной любви», которую испытывали друг к другу англичане и Людовик Мальский²⁰. Столь «нетрадиционное» для графа Фландрии времен Столетней войны поведение в отношении англичан (и тем более заключение матримониального союза, который должен был повлечь за собой наследование графства представителем английской династии) можно объяснить в том числе и тем, что король Иоанн II Добрый находился в это время в английском плену, а в самой Франции ситуация была очень нестабильной. В этих условиях Людовик Мальский мог склоняться к поддержке той стороны англо-французского конфликта, которую традиционно поддерживали его подданные.

19 октября 1364 г. Эдуард III и Людовик Мальский заключили договор о будущем союзе своих детей, в котором даже была указана дата свадьбы. С одной стороны, в одном из предварительных вариантов договора как важное условие его заключения упоминалась передача Эдмунду

Лэнгли всех прав, которые были у его матери Филиппы Геннегауской²¹, на наследование Голландии, Зеландии, Геннегау и Фризии (правда, к тому моменту они были уже весьма призрачными, сколько ни пытался Эдуард III их добиться²²), с другой стороны, специально подчеркивались также права Маргариты Мальской не только на Фландрию, Артуа, Ретель, Невер и Франш-Конте, но и на Брабант²³.

Таким образом, в результате заключения матримониального союза Англии и Фландрии появилась бы гипотетическая возможность наследования Эдмундом и Маргаритой огромного комплекса земель, что превратило бы английского принца и его наследников в наиболее могущественную силу в Нидерландах и важного игрока в европейской политике в целом. В случае успешного заключения брака между Маргаритой и Эдмундом Эдуард III мог рассчитывать если не на признание вассальной зависимости всех этих княжеств от английской короны, то, как минимум, на прочный союз с младшей ветвью своей династии. Подобный союз после заключения договора 1364 г. казался вполне реальным, что автоматически создавало огромную угрозу французским интересам в регионе.

В связи с этим Карл V²⁴, официально ставший королем Франции в 1364 г., оказался перед перспективой чрезмерного усиления Англии благодаря планируемому браку Маргариты и Эдмунда, особенно опасного в условиях, когда на юго-западе Франции уже существовал очень большой комплекс земель, захваченных Черным Принцем²⁵ и отошедших к англичанам по условиям мира, заключенного в Бретиньи в 1360 г. Поэтому Карл V стремился, во-первых, не допустить заключения брака между наследницей Людовика Мальского и английским принцем, а во-вторых, добиться заключения брака между Маргаритой и одним из представителей французской правящей династии. Для этого в 1365 г. Карл V предложил заключить брак между Маргаритой Мальской и своим младшим братом герцогом Бургундии²⁶ Филиппом Храбрым²⁷.

События, связанные с борьбой за руку фламандской принцессы, указывают не только на новое обострение англо-французской борьбы за Нидерланды, во время которого использовались в основном дипломатические методы, но и на «повышение ставок в игре». Речь уже шла не о распространении влияния одной из сторон на эти территории путем заключения дипломатических союзов или просто военного захвата каких-то княжеств и даже не о сохранении и усилении вассальной зависимости Фландрии (в случае с Францией) или установлении этой зависимости (в случае с Англией), а о возможном легитимном переходе огромного комплекса нидерландских земель к представителю младшей ветви одной из династий.

Идея брака Маргариты Мальской с Эдмундом была чрезвычайно популярна во Фландрии. Фламандское духовенство поддерживало этот брак²⁸,

а французский хронист Жан Жувеналь дез Урсен²⁹ даже писал, что граф Людовик Мальский всегда «мечтал быть англичанином» (что, наверное, являлось преувеличением)³⁰. Тем не менее Карлу V, оказавшемуся гораздо более талантливым и успешным правителем, чем его отец, удалось помешать заключению брака между английским принцем и Маргаритой и укреплению антифранцузской коалиции.

Действия Людовика Мальского в условиях огромного дипломатического давления, которое было оказано на него большинством его родственников и союзников в Нидерландах, еще раз доказывают, что граф Фландрии в этот период всерьез склонялся к мысли о заключении союза с Англией. Четырехлетнее сопротивление Людовика давлению французов и заключению брака между Маргаритой Мальской и Филиппом Храбрым вряд ли можно объяснить так просто, как это сделал позднее бургундский хронист Оливье де Ла Марш³¹, писавший, что граф «Людовик Мальский был по происхождению и смелости французом» и хотел заключить союз с Францией, в то время как жители Гента, как и весь народ Фландрии, «хотели и требовали союза с англичанами»³².

Нет никаких сомнений в том, что фламандские города действительно предпочли бы заключение матримониального союза Маргариты с английским принцем, так как это обеспечило бы благоприятные условия для их экономического процветания. Но если учитывать, что в предыдущие и последующие периоды графы Фландрии (в том числе и сам Людовик Мальский) далеко не всегда шли на поводу у своих беспокойных подданных, становится очевидно, что Людовик, договариваясь о матримониальном союзе с англичанами и пытаясь осуществить его на практике, поддавался давлению фламандских горожан.

Против брака Маргариты и Эдмунда выступили правители Лотарингии, Савойи, Брабанта³³, а также мать графа Людовика, Маргарита графиня Артуа и Франш-Конте³⁴, приходившаяся дочерью французскому королю Филиппу V Длинному³⁵. Возможно, давление родственников не оказало бы на Людовика Мальского влияния и союз с англичанами был бы заключен, если бы Карлу V не удалось добиться от папы запрета на этот брак из-за слишком близкого родства. Французский король был откровенен во время переговоров с папой и просил запретить брак, так как этот союз между Фландрией и Англией причинил бы огромный ущерб интересам Франции. Карл V апеллировал и к тому, что Людовик Мальский является его подданным и не имеет права заключать договор с его врагами³⁶. Тактика сюзерена Фландрии оказалась верной, и в 1365 г. придерживавшийся профранцузской позиции папа Урбан V³⁷ запретил брак между Эдмундом Лэнгли и Маргаритой Мальской (в запрете специально оговаривалось, что архиепископы Реймский и Кентерберийский не должны освящать этого союза)³⁸.

По условиям договора с Фландрией за получение разрешения на брак отвечал Эдуард III³⁹. Но никакие его уговоры не смогли переубедить папу⁴⁰, хотя англичане пытались доказать, что брак между Эдмундом и Маргаритой может привести к «миру и согласию»⁴¹, а его незаключение – к «войнам и несчастьям»⁴². Теоретически Эдуард III должен был также попытаться получить разрешение на брак у Карла V, так как официально Людовик Мальский являлся его вассалом. Но это было совсем невероятно, хотя одним из способов, которым Эдуард мог и планировал оказать давление на Карла V в этом вопросе, являлось возобновление активных военных действий на территории Франции. Войну могли возобновить и французы, напав на английские владения на континенте, если бы англичане и фламандцы пошли на заключение брака без разрешения Карла⁴³.

Тем не менее в течение 4 лет англичане не теряли надежды на то, что заключить matrimониальный союз с Фландрией всё же удастся⁴⁴. В 1367 г. между Англией и Фландрией даже был заключен договор, по которому стороны обещали не поддерживать подданных друг друга в случае их восстания против сеньора⁴⁵. Этот пункт договора также показывает, что проанглийская политика Людовика Мальского далеко не обязательно была навязана фламандскими горожанами. Но граф Фландрии осознавал, что в случае очередного восстания именно англичане станут самыми очевидными союзниками его непокорных подданных, и стремился избежать этого, самостоятельно заключая с англичанами политический союз. Фруассар подтверждает существование этого союза, сообщая о том, что фламандцы были в 1367 г. на торжествах в Лондоне по поводу английской победы в Испании в качестве союзников Англии⁴⁶.

Разрешение на брак Эдмунда и Маргариты никак не удавалось получить, что способствовало продолжению переговоров о её браке с Филиппом Храбрым. Очевидно, Людовик Мальский в это время уже лавировал между англичанами и французами, что позволило ему добиться от Карла V гораздо более выгодного брачного договора, чем тот, который был заключен в 1364 г. с англичанами⁴⁷. Одним из его наиболее важных и имеющих далеко идущие последствия для французско-фламандских (а затем франко-бургундских) отношений условий была передача Карлом V Людовику Мальскому спорных территорий в валлонской Фландрии, включая богатейшие города – Лилль, Дуэ и Орши. «Французский папа» Урбан V без колебаний дал разрешение на брак между Маргаритой Мальской и Филиппом Храбрым, находившимися в той же (не запрещенной каноническим правом) степени родства, что и Эдмунд Лэнгли и Маргарита⁴⁸.

Таким образом, Эдуард III проиграл «битву за невесту». Английская династия потеряла свой шанс официально унаследовать Фландрию. Тем не менее политический и в первую очередь эконо-

номический потенциал англо-фламандского союза не был исчерпан, в связи с чем после заключения 19 июня 1369 г. брака между Маргаритой Мальской и Филиппом Храбрым⁴⁹ фламандские подданные Людовика Мальского с ужасом думали о том, что французский король вскоре заставит их суда участвовать в крупномасштабных действиях против англичан на море⁵⁰. На практике англичане, воспользовавшись тем, что договор с Фландрией не был заключен, сами начали в 1370 г. активные военные действия против фламандцев на море⁵¹, а фламандские горожане через десятилетие начали очередное восстание против своего графа, вновь заключив союз с Англией.

Неизвестно, как развивались бы события, если бы нидерландские земли оказались объединенными под властью английского принца и его наследников, остались бы потомки Эдмунда верными союзниками и признавали бы вассалитет Англии. Но реальный ход событий показал, что Карл V, добившись брака Филиппа Храброго и Маргариты, одержал «пиррову победу». Созданное Филиппом Храбрым и его потомками государство, объединившее все те земли в Нидерландах, на которые заявляли свои претензии в проекте договора Эдмунд и Маргарита и многие другие, не стало верным союзником французских королей, но стремилось к независимости, а его правители вслед за фламандцами всё так же заключали экономические и политические договоры с Англией.

Примечания

- 1 Эдуард I Плантагенет, король Англии (1272–1307).
- 2 Ги де Дампьер, граф Фландрии (1251–1305).
- 3 Эдуард III Плантагенет, король Англии (1327–1377).
- 4 Якоб Артевельде (ок. 1287–1345), руководитель фламандского восстания 1338–1345 гг. В 1339 г. заключил союз с Эдуардом III в Антверпене, а в 1340 г. в Генте провозгласил его королем Франции.
- 5 Людовик I Неверский (де Креси), граф Фландрии (1322–1346), Невера и Ретеля.
- 6 Филипп Валуа, король Франции (1328–1350), первый король из династии Валуа.
- 7 *Traité conclu à Bretagne le 8 mai 1360 // Les grands traités de la Guerre de Cent ans / ed. by E. Cosneau. P., 1889. P. 53–54.*
- 8 Людовик II Мальский (1330–1383), граф Фландрии с 1346 г.
- 9 Маргарита Мальская (1350–1405), графиня Фландрская, Артуа и Франш-Конте с 1383 г.
- 10 Филипп (1346–1361), герцог Бургундии с 1349 г., получил прозвище по месту своей резиденции – замку Рувр.
- 11 Жанна Булонская или Овернская (1326–1360), королева Франции с 1349 г.
- 12 Иоанн II Добрый (1319–1364), король Франции с 1350 г.
- 13 *Froissart J. Les chroniques de sire Jean Froissart, qui traitent des merveilles emprises noble aventures et faits d'armes advenus en son temps, en France, Angleterre, Bretagne, Bourgogne, Escosse, Espagne, Portingal et les*

- autres parties / nouvellement revues et augm. d'après les manuscrits, avec notes, éclaircissements, tables et glossaires par J. A. C. Buchon : in 3 vols. P., 1835–1838. Vol. 1. P. 460.
- ¹⁴ *Vaughan R.* Philip the Bold. The formation of Burgundian state. L., 1961. P. 4.
- ¹⁵ Маргарита (1310–1382), графиня Артуа и Франш-Конте с 1361 г., жена Людовика I Неверского. Маргарита унаследовала эти владения, у её старшей сестры Жанны, графини Артуа и Франш-Конте (1308–1347), приходившейся бабушкой Филиппу Руврскому, не осталось после его смерти прямых наследников.
- ¹⁶ Эдмунд, граф Лэнгли и Кембриджский, герцог Йоркский (1341–1402), пятый сын Эдуарда III. Герцогом Йоркским Эдмунда назначил только его племянник король Ричард II в 1386 г.
- ¹⁷ *Froissart J.* Op. cit. Vol. 1. P. 498–499, 573.
- ¹⁸ Жан Фруассар (1337–1410), франкоязычный хронист родом из Геннегау (Валансьена).
- ¹⁹ См.: *Froissart J.* Op. cit. Vol. 1. P. 498–499.
- ²⁰ *Ibid.* P. 573.
- ²¹ Филиппа Геннегауская (1314–1369), жена Эдуарда III, королева Англии с 1328 г.
- ²² *Калмыкова Е. В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010. С. 46.
- ²³ Маргарита была ближайшей родственницей Жанны (Иоанны), герцогини Брабантской (1355–1406), не имевшей прямых наследников. *Traité pour le mariage de Marguerite de Male avec le fils du roi d'Angleterre (5 août 1364)* // *Le Cotton Manuscrit. Galba B I / annoté par M. L. Gilliodts van Severn.* Bruxelles, 1896. P. 15–17.
- ²⁴ Карл V Мудрый (1338–1380), король Франции с 1364 г.
- ²⁵ Эдуард принц Уэльский (1330–1376), старший сын Эдуарда III.
- ²⁶ *Vaughan R.* Op. cit. P. 4–5.
- ²⁷ Филипп Храбрый (1342–1404), четвертый сын Иоанна II Доброго, герцог Бургундский с 1363 г. (назначение подтверждено Карлом V в 1364 г.)
- ²⁸ *Vaughan R.* Op. cit. P. 5.
- ²⁹ Жан Жувеналь дез Урсен (1388–1473), французский хронист и политический деятель, архиепископ Реймский с 1449 г. Создал свою хронику в конце 20-х гг. XV в.
- ³⁰ *Juvenal des Ursins J.* Histoire de Charles VI, roy de France // *Choix de chroniques et memoires sur l'histoire de France / ed. by J. A. C. Buchon : in 15 vols. P., 1838. Vol. 11. P. 335.*
- ³¹ Оливье де Ла Марш (1422–1502), бургундский хронист, государственный деятель и дипломат. Написал свои «Мемуары» в 1470–1490 гг.
- ³² *De la Marche O.* Memoires // *Choix de chroniques et memoires sur l'histoire de France / J. A. C. Buchon. P., 1838. Vol. 14. P. 313.*
- ³³ *Juvenal des Ursins J.* Op. cit. P. 335 ; *Froissart J.* Op. cit. Vol. 1. P. 573.
- ³⁴ *Favier J.* La guerre de Cent Ans. P., 1980. P. 318.
- ³⁵ Филипп V Длинный (1291–1322), король Франции с 1316 г.
- ³⁶ *Rapport des députés anglais au sujet de l'alliance avec la Flandre (21 novembre 1365)* // *Le Cotton Manuscrit. P. 19. N. 1.*
- ³⁷ Гийом де Гриммор, папа Урбан V (1362–1370).
- ³⁸ *Vaughan R.* Op. cit. P. 5–6.
- ³⁹ *Rapport des députés anglais au sujet de l'alliance avec la Flandre (21 novembre 1365).* P. 19–21.
- ⁴⁰ *Froissart J.* Op. cit. Vol. 1. P. 573.
- ⁴¹ *pais et concorde.*
- ⁴² *guerres et perils.*
- ⁴³ См.: *Rapport des députés anglais au sujet de l'alliance avec la Flandre (21 novembre 1365).* P. 21.
- ⁴⁴ См.: *Instructions pour les deutes du roi d'Angleterre en Flandre (janvier 1366)* // *Le Cotton Manuscrit. P. 22.*
- ⁴⁵ *Traité d'Édouard III et de Louis de Male (26 mai 1367)* // *Le Cotton Manuscrit. P. 25–28.*
- ⁴⁶ См.: *Froissart J.* Op. cit. Vol. 1. P. 541.
- ⁴⁷ По сообщению Фруассара, Карл V должен был заплатить Людовику Мальскому более 100 тысяч франков, а также выделить деньги на свадьбу Филиппа Храброго.
- ⁴⁸ См.: *Froissart J.* Op. cit. Vol. 1. P. 573 ; *Vaughan R.* Op. cit. P. 5–6.
- ⁴⁹ См.: *Itinéraires de Philippe le Hardi // Itinéraires de Philippe le Hardi et de Jean sans Peur, ducs de Bourgogne (1363–1419), d'après les comptes de dépenses de leur hotel / Recueillis et mis en ordre par E. Petit. P., 1888. P. 53–56.*
- ⁵⁰ См.: *Cabaret d'Orville J.* Vie de Louis de Bourbon // *Choix de chroniques et memoires sur l'histoire de France / J. A. C. Buchon. P., 1838. Vol. 11. P. 123 ; Froissart J.* Op. cit. Vol. 1. P. 584.
- ⁵¹ См.: *Froissart J.* Op. cit. Vol. 1. P. 631–632.

УДК 94 (437) [14]

ЯН ГУС И ЛОЛЛАРДЫ (Письмо Гуса магистру Ричарду Вайчу)

А. Н. Галямичев

Саратовский государственный университет
E-mail: galyamichev57@mail.ru

Автор статьи рассматривает содержание письма Яна Гуса английскому магистру лолларду Ричарду Вайчу, написанного осенью 1410 г., а также его место в истории чешской реформации XV в.
Ключевые слова: Ян Гус, гуситское движение, лолларды.

John Hus and Lollards (The Letter from Hus Magister to Richard Wyche)

A. N. Galyamichev

The author of this article examine the contents letter from John Hus to english magister lollard Richard Wyche, which be written by autumn 1410 year and this letter place in History of Bohemian Reformation XV century.

Key words: John Hus, Hussite movement, lollards.

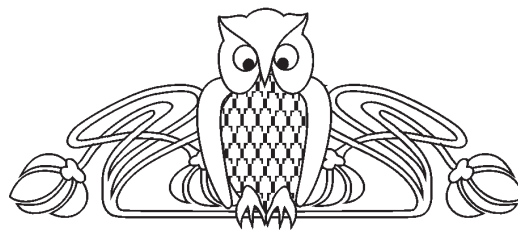
Задача настоящей работы – обратить внимание на одну из точек соприкосновения британской и чешской истории в Средние века. Выявление этих точек интересно само по себе, давая возможность ощутить реальность цивилизационного единства средневекового Запада. С другой стороны, рассмотрение редких случаев прямых контактов между географически удалёнными друг от друга странами (в данном случае Англии и Чехии) позволяет высветить новые, подчас неожиданные грани исторического прошлого каждой из сторон такого рода взаимодействия.

Английское влияние было одним из важных факторов развития чешского движения сторонников реформации церкви в первые годы XV в.: по устоявшейся историографической традиции началом чешской реформации принято считать диспут по поводу 45 тезисов учения Джона Виклефа, который состоялся в Пражском университете 28 мая 1403 г.¹

Ян Гус и его сторонники были убеждены в правоте взглядов Виклефа, являвшихся для них важнейшей точкой опоры и источником поучения в вопросах об устройстве церкви. Но всё это следы косвенного влияния идей ранней английской реформации на Чехию, связанные с распространением в странах континентальной Европы трудов «евангелического доктора» Виклефа.

Что же касается дошедшего до нас из 1410 г. письма Яна Гуса, то оно является свидетельством непосредственного эпистолярного общения английских и чешских современников.

Побудительным мотивом к началу переписки стали бурные события, происходившие в Праге летом 1410 г. Как сообщает хроника Пражского

университета, «в лето Господне 1410-е архиепископ пражский Збынек, хотя и обладавший от природы здоровым умом, но в священной науке не имевший никакого авторитета», поручил «исследовать изъятые согласно [папской] булле книги Виклефа шести враждебным им докторам и магистрам и на основании их доклада приказал публично сжечь книги в следующий за праздником св. Вита день [16 июня]²».

В ответ на это Гус призвал своих сторонников собраться 25 июня вокруг Вифлеемской часовни. Там было прочитано воззвание, подписанное Гусом, магистрами и студентами, а также некоторыми рыцарями и пражскими бюргерами. Они говорили о своей преданности церкви и нежелании поддерживать еретические идеи, но при этом заявляли: «Допуская даже, что книги Виклефа содержат еретические мнения, следует ли из этого, что их нельзя читать? Разве не наилучшее средство уничтожить заблуждение это – изучить его? Как опровергнуть то, чего не знаешь?»³

По настоянию короля Вацлава IV, который в это время продолжал поддерживать Яна Гуса, исполнение приказа архиепископа было отложено, но 16 июля сожжение книг Виклефа состоялось «посреди архиепископского двора в присутствии пражского капитула, прелатов и многочисленного клира», сопровождаемое колокольным звоном пражских церквей.

«Они надеялись, – продолжает хронист, – что этим будет положен предел всем смутам, но с соизволения Бога, судьи праведного, открыли этим только их начало»⁴. Сожжение книг Виклефа вызвало волнения в Праге, сопровождавшиеся распространением насмешливых куплетов о полуграмотном архиепископе⁵, приказавшем уничтожить книги, не понимая, что в них написано. Ян Гус и его ближайшие единомышленники выступили с решительным протестом против действий архиепископа.

Не чувствуя себя в безопасности в Праге, Збынек уехал в Рюднице и оттуда 18 июля объявил об отлучении от церкви Гуса и его сторонников. Это решение архиепископа вызвало взрыв возмущения пражан. Когда в ближайшее воскресенье (20 июля) и в праздник Марии Магдалины (22 июля) священники провозглашали отлучение Гуса, в пражских церквях стали происходить ожесточённые столкновения. В храме Св. Стефана шесть присутствовавших на проповеди прихожан

обнажили мечи и священник едва избежал смерти. 40 священников были вынуждены спасаться бегством от разгневанной толпы, собравшейся в главном храме королевства – соборе Св. Вита на Пражском граде. «Всех приходских священников охватил такой страх, что после этого они прекратили провозглашать отлучение, не основанное на законе Божиим»⁶.

Волнения продолжались в течение месяца, обозначив важный рубеж в истории гуситского движения, которое впервые вырвалось из аудиторий Пражского университета и стен Вифлеемской часовни на простор улиц и площадей древней Праги⁷.

Когда вести о событиях в столице Чехии дошли до Рима, папская курия потребовала, чтобы Гус лично явился в Рим для дачи разъяснений относительно существа своих разногласий с архиепископом.

Примерно в это же время о волнениях в Праге стало известно в Англии, где они нашли горячий отклик в среде лоллардов. Глава лоллардов лорд Олдкастл написал тогда письмо одному из придворных короля Вацлава IV пану Воксе из Вальдштейна⁸, а магистр Ричард Вайч обратился непосредственно к Гусу.

Английские лолларды высказывали в своих письмах слова поддержки чешским сторонникам Виклефа и всячески восхваляли действия короля Вацлава, выступившего в защиту Гуса.

Письмо Ричарда Вайча, полученное Гусом предположительно в сентябре 1410 г.⁹, вышло за рамки переписки двух университетских магистров¹⁰, став достоянием широких кругов пражан, что способствовало укреплению позиций сторонников Гуса.

В ответном послании английскому магистру Ян Гус сообщал: «Увлечённый содержанием и силою [твоего] письма, во время проповеди в присутствии многих слушателей – предполагаю около десяти тысяч – я сказал следующее: «Вот, возлюбленнейшие братья, сколь великое попечение имеют вернейшие Христу проповедники в чужих землях, что желают излить своё сердце для того только, чтобы сохранить нас в законе Христа, Господа нашего. Дражайший наш брат Ричард, друг магистра Иоанна Виклефа и сотрудник в его евангельских трудах, послал вам столь ободряющее письмо, что если бы я не имел никакого другого писания, предал бы себя на смерть за Христово евангелие, и исполню это с помощью Господа нашего Иисуса Христа». При чтении [твоего] письма верные Христу [чехи] столь воспламенились душою, что просили меня переложить его на языке нашего народа»¹¹.

Рассматривая значение письма Яна Гуса к магистру Ричарду Вайчу, следует не только иметь в виду вызванный им отклик среди жителей чешской столицы¹², но и обратить внимание на то влияние, которое оно оказало на внутренний мир чешского реформатора.

Обращаясь к английскому лолларду, для которого угроза жестокой расправы со стороны церковных и светских властей была суровой реальностью, Гус говорит о собственной готовности «предать себя на смерть за Христово евангелие».

Представляется, что именно письмо, полученное из Англии, натолкнуло Гуса на размышления на эту тему и утвердило его в решении пойти до конца в деле защиты евангельской истины. В этой связи уместно вспомнить о том, что со вступлением на английский престол в 1399 г. Генриха V на лоллардов обрушились жестокие гонения, а в 1401 г. состоялись первые казни непокорных еретиков¹³.

Обращаясь в 1410 г. к Ричарду Вайчу, Ян Гус писал: «Господь исполняет мужеством сердца праведников святого евангелия, дабы они придавили хотя бы хвост бегемота, пока голова его с остальными членами не поражена совершенно ... Поэтому надлежит нам смиренно принять и смерть и в уповании на помощь Всевышнего Господа не нужно оставлять ни на минуту мысли о том, что сказал Господь: *с ним есмь в скорби его, изму его и прославлю его* (Псал., 90, 15–16). О, светлейшее избавление и прославление, ожидающее Ричарда с его братьями, претерпевшими уже много страданий!»¹⁴.

Слова Яна Гуса из письма к английскому магистру Ричарду Вайчу оказались пророческими: 6 июля 1415 г. чешский реформатор был сожжён в Констанце, а 16 лет спустя, в 1431 г., взошёл на костёр и Ричард Вайч¹⁵.

Таким образом, небольшой по объёму документ хранит свидетельство о незримых, но прочных нитях, которые связывали духовную жизнь Англии и Чехии в первые десятилетия XV века.

Примечания

- ¹ Эта традиция ведёт своё начало от монументальной «Истории чешского народа» основоположника чешской исторической науки Ф. Палацкого (1798–1876). Посвятив гуситскому движению, которое он считал кульминацией национальной истории, третий том своего труда, Ф. Палацкий указывает на рубежное значение диспута в университете. См.: *Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. Raha : Kvasnička a Hampl, 1939. S. 5–6, 50.*
- ² *Fontes rerum Bohemiarum* : в 3 т. Pragaе, 1893. Т. V. P. 571. Фрагменты из «Хроники Пражского университета», в которых повествуется о сожжении книг Виклефа и последовавших за ним событиях, были опубликованы в русском переводе в «Хрестоматии по истории средних веков» (М., 1963.: в 3 т. Т. 2. С. 610–611).
- ³ Цит. по кн.: *Филлипов М. М.* Ян Гус. Его жизнь и реформаторская деятельность. СПб., 1891. С. 37–38.
- ⁴ *Fontes rerum Bohemiarum*. Т. V. P. 571.
- ⁵ Существует предание, что Збынек научился читать только после того, как стал архиепископом. См.: *Рубцов Б. Т.* Ян Гус. М., 1958. С. 44.

- ⁶ Fontes rerum Bohemiarum. T. V. P. 572.
- ⁷ В этой оценке сходятся все исследователи – как историки-марксисты, для которых события 1410 г. были главной развилкой на пути к революционной развязке гуситских событий (см., напр. : *Machovec M. Husovo učení a význam v tradici českého národa. Praha, 1953. S. 207–208 ; Mažek J. Гуситское революционное движение. М., 1954. С. 41–42 ; Рубцов Б. Т. Указ. соч. С. 44–45*), так и представители диаметрально противоположного взгляда на гуситскую эпоху, например консервативный австрийский публицист середины XIX в. И. А. Хельферт, обвинявший Гуса в том, что тот «посеял семя, которое, прорастая, вывело церковное движение с кафедры учителя и проповедника на улицы и подготовило основу для грядущих потрясений» (*Helfert J. A. Mistr Jan Hus aneb ročákové církevního rozzdvojení v Čechách. Praha, 1857. S. 119*).
- ⁸ Впоследствии Олдкастл обращался лично к Вацлаву IV, но не получил ответа. Связи английских аристократов с чешским королевским двором установились благодаря браку короля Ричарда II и чешской принцессы, сестры Вацлава IV Анны Богемской, который был заключён в 1382 г. Знаменитый современник и придворный Ричарда II Джеффри Чосер «довольно регулярно при-служивал королеве Анне, которую он по меньшей мере один раз с любовью упомянул в “Троиле и Хризеиде” и для развлечения которой писал в ту пору “Легенду о добрых женщинах” и начал писать “Кентерберийские рассказы”» (*Гарднер Д. Жизнь и время Чосера.*

М., 1986. С. 366). В 1394 г. Анна Богемская умерла, не оставив наследников.

- ⁹ См.: *Лившиц Г. М. Реформационное движение в Чехии и Германии. Минск, 1978. С. 71.*
- ¹⁰ В первых строках своего письма Гус сообщает магистру о том впечатлении, которое его послание произвело: «Любезное письмо твоё, посланное как бы свыше от Отца Святого, сильно тронуло сердца [чешских] братьев во Христе, потому что оно содержит в себе так много нежности, выразительности, укрепления и утешения, что если бы и вся вообще письменность была поглощена адскою пастью антихриста, то одного этого письма вашего было бы достаточно верующим во Христа для достижения спасения» (см.: *Послания магистра Иоанна Гуса. М., 1903. С. 54*).
- ¹¹ *Послания магистра Иоанна Гуса. М., 1903. С. 55.*
- ¹² Именно публичное чтение послания Ричарда Вайча Гусом в Вифлеемской часовне И. А. Хельферт приводит в качестве наиболее показательного примера прямого обращения мятежного магистра к пражскому простонародью, которому он отводил роль судьи в своём споре с церковными властями. См.: *Helfert J. A. Op. cit. S. 120.*
- ¹³ О судьбах движения лоллардов в начале XV в. см.: *Сапрыкин Ю. М. Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV–XVII вв. М., 1972. С. 114–120.*
- ¹⁴ *Послания магистра Иоанна Гуса. С. 55.*
- ¹⁵ См.: *Флайшганс В. Ян Гус. М., 1916. С. 368.*

УДК 94(420).05

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ МОНАСТЫРСКОМ ГОРОДЕ НАЧАЛА XVI ВЕКА (по «Рентному списку Фавершема 1522–1533 гг.»)

А. А. Анисимова

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва
E-mail: cantiana@yandex.ru

На материале «Рентного списка Фавершема 1532–1533 гг.» в статье рассматривается феномен городского держания в небольшом средневековом английском городе: его состав, рента, возможные держатели и владельцы.

Ключевые слова: Англия, средневековый город, монастырский город, поземельные отношения.

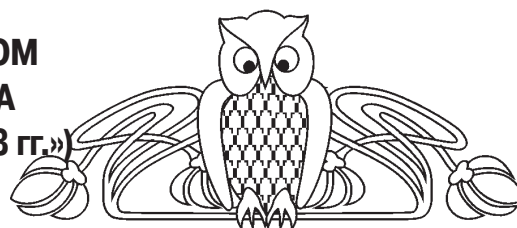
Land Tenure in English Monastic Town at the Beginning of XVI Century (Based on the «Rental of Faversham 1552–1533»)

A. A. Anisimova

The article examines the phenomenon of urban land tenure in a small English medieval town, based on the material of the Rental of 1532/33. The different aspects are being analyzed: its structure, rent, holders and tenants.

Key words: England, medieval town, monastic town, land tenure.

Поземельные отношения являются одной из важных тем в изучении средневекового города,

поскольку они находятся в тесной связи с экономическим развитием поселения, а также важны для статуса горожан¹. В случае с небольшими городами (какими и были монастырские города) наши сведения часто отрывочны и неполны. В этом отношении в довольно выигрышном положении оказывается город Фавершем, так как для него сохранились и записи о городских обычаях и некоторых судебных разбирательствах, и рентные списки, что позволяет сравнить данные этих различных по характеру и происхождению источников и получить, возможно, более полную картину.

Фавершем – небольшой английский портовый городок, расположенный в северной части Кента. Название известно уже в IX в., хотя о ранней истории сведений мало. В 1148 г. король Стефан основал в Фавершеме аббатство Св. Спасителя и передал ему во владения одноименный манор. С этого момента и вплоть до Диссолюции жизнь города протекала под властью монастыря. Надо отметить, что отношения между сторонами были не очень простыми, что, в свою очередь,

усугублялось особым статусом Фавершема как члена Конфедерации Пяти Портов.

Основным источником для данного исследования послужил «Рентный список Фавершема 1532/33 гг.», который сохранился в архиве собора Кентербери в составе книги *'Rentale ville of Faversham with other thynges for the town'*, содержащей также списки субсидий, отчет о состоянии монастыря на 1 февраля 1499 г., инвентарные списки монастырского имущества и его оценку перед «Церковной оценкой»². Предположительно, этот том был составлен аббатом Джоном Кастлоком, который пытался собрать сведения об имуществе и доходах монастыря, доставшегося ему от его предшественника в весьма плачевном состоянии³.

«Рентный список» был написан на английском языке. Перечисление городских держаний дается по улицам: сначала одна сторона, потом другая (например, Чёрч-лайн Саут). Отправной точкой является аббатство. Особая ценность этого списка состоит в тех подробностях, которые в нем даются. Здесь не только указаны держатели и размеры ренты, но также, как правило, дается краткое описание того, что представляет собой держание и на каких условиях и от кого оно держится.

Всего «Рентный список» упоминает 383 держания (без поля Кингсфилд), среди них 248 усадеб (*messuage*) и 46 держаний (*tenement*), 11 мест (*site*), 2 скотобойни, 5 складов, 2 мельницы, 28 прилавок и 7 лавок на рыночном месте, 2 богадельни, 10 сараев, 2 пивоварни, 1 голубятня, 11 постоялых дворов, а также сады, луга и поля. С одной стороны, создается впечатление, что слова «усадьба» и «держание» – это два взаимозаменяемых термина. Оба варианта встречаются в сочетании с садом и по отдельности. В то же время в этом списке есть «главная усадьба и объединенное с ней держание» (№ 289⁴). «Держания» не собраны в какой-то отдельной части города, а рассеяны по нему вперемежку с «усадьбами». С другой стороны, можно отметить, что большая их часть находится на Таннер-стрит и Уэст-стрит, то есть в самой древней части города, и, возможно, они отмечают какие-то особые условия держания, присущие городу Фавершему.

«Рентный список Фавершема» не приводит размеров усадеб и других видов держаний. При этом существует целый ряд характеристик для усадьбы: различаются «большая усадьба», «угловая усадьба», «главная усадьба», «усадьба» и «маленькая усадьба». Любопытно, однако, что в отдельных случаях мы узнаем об изменениях, которые произошли с держаниями.

Весьма характерное для средневековых городов дробление усадеб, как правило, фиксируется тем, что в документах появляются $\frac{1}{2}$ усадьбы или две части усадьбы. Целый ряд факторов способствовал процессу дробления: разделение наследства между детьми, выделение вдовьей части и т. д. Однако в Фавершеме 1532 г. только дважды упоминаются пол-усадьбы (из 383 держаний).

Значительно большее отражение получил обратный процесс – слияние нескольких усадеб в одну. На основе «Рентного списка» можно выделить различные стадии данного развития в соответствии с несколькими типами описаний: *'ij messuages together lying'*, *'a messuage somtyme ij messuages with their gardens nowe in one'* (№ 37), *'a princypall messuage somtyme divers messuages'* (№ 182), *'a messuage nowe the shopp of his princypall messuage'* (№ 338). Эти изменения коснулись не только держаний, но и рыночного места: на месте пяти палаток стало четыре (№ 139–143).

Помимо слияния нескольких усадеб территория усадьбы могла быть увеличена за счет *augmentation*. Всего в Фавершеме отмечено восемь таких «увеличений», и только в одном случае «увеличение» относится не к усадьбам, а к лавкам. Размеры такого «увеличения» не указаны, но каждая усадьба (если их было несколько), видимо, увеличивалась, так как в случае четырёх и двух усадеб («вместе расположенных») указано соответствующее число «увеличений». Если учитывать, что при этом речь явно не идет об увеличении за счет соседей, вполне вероятно, что это увеличение происходило за счет участка, расположенного перед домом, то есть за счет улицы. Кроме того, в одном случае прямо говорится об «увеличении перед окнами усадьбы» (№ 92).

Помимо изменения размера держания могли претерпевать и функциональные изменения. Правда, свидетельств об этом немного. Так, в Фавершеме только в четырех случаях произошли кардинальные изменения. В одном случае после слияния двух усадеб одна из них стала лавкой при главной усадьбе (№ 338), одна усадьба превратилась в два сада (№ 233), сад возник на месте двух усадеб (№ 227) и еще одна некогда застроенная территория стала садом (№ 199). Кроме того, в силу разных причин держание могло оказаться в плачевном состоянии (разрушенная усадьба – № 183, 194) или вообще заброшенным.

Довольно распространенной была практика иметь сад рядом с домом, причем этот сад не входил в понятие «усадьба» и рассматривался отдельно. По крайней мере, такой вывод можно сделать из рентного списка. Как и в случае с усадьбами, здесь наблюдается градация на большие, маленькие и просто сады, но при этом нет никаких указаний на их размеры. Всего в рентном списке упомянуто 111 садов. В основном они прилегают к усадьбе, вместе с которой держатся. Только в некоторых случаях (25) речь идет отдельно о саде.

Менее распространенным явлением для городов были луга. В Фавершеме отмечено четыре луга, которые, по-видимому, находились в черте города. Их расположение, судя по всему, было связано с мельницами.

Только два небольших поля описаны как часть города – Кингсфилд (*Kyngisfelde*) и Каттхорн (*Cutthorne*), причем в самом описании городских усадеб также есть отсылки на некоторые участки в

Кингсфилде. Любопытно, что на Кингсфилде есть 3 акра земли, которые отмечены как расположенные за пределами иммунитета Фавершема. Само же поле невелико, и общая площадь всех упомянутых в списке держаний составляет 54 акра и 7 ярдов в Кингсфилде (правда, остается неизвестной площадь участка земли под названием «Шорт Фороу» и некоторых земель Уэйдскрофта), а на поле Каттхорн – примерно 10½ акра. Можно также отметить значительные участки земли в описании ректората Престон – 30½ акра, расположенные в полях Фридли и Бредфилд. В целом такие незначительные размеры не соотносятся с данными об огромных земельных владениях отдельных горожан Фавершема в начале XIV в.⁵, что, возможно, означает, что те были за пределами иммунитета города.

Насколько постройки (прежде всего дом) и примыкающая земля были неразрывно связаны друг с другом? В документах упоминается отчуждение прилегающей земли без самого дома, усадьбы без дома, участка земли между домом и улицей, то есть палисада, что указывает на возможность существования городских держаний, которые не являются единым целым. Можно отметить, что, согласно «Рентному списку Фавершема», здание и примыкающий к нему участок земли могли рассматриваться как разные держания или даже держаться на разных условиях.

Описания «Рентного списка» указывают на распространенное для позднесредневековых городов явление – застроенную рыночную площадь, на которой располагались три ряда палаток (*shamelles*), явно имеющих постоянный характер (№ 118–147).

Можно выделить два основных типа городского держания в Фавершеме начала XVI в. Обозначаются они двумя разными фразами: *'holdeth to ferme & payth'* (*f*) и *'holdeth of the lorde & renteth by yere'* (*nf*), то есть с последующей сдачей в субаренду и без нее. В первом случае рента будет значительно выше. К сожалению, городской обы-

чай, записанный в 1356 г. по настоянию Роджера Мортимера, Стража Пяти Портов⁶, не затрагивает вопросов, связанных с распоряжением городскими держаниями, но из сохранившихся документов о сделках мы видим, что владельцы могли свободно распоряжаться своими держаниями – сдавать в аренду, продавать и т. п.

Если же рассмотреть более подробно случаи с первым типом держаний, то их всего 56. При этом можно отметить, что все держания, которые находятся в руках должностных лиц аббатства (кроме обозначенных как «сеньор держит»), держатся на этих условиях. Хотя держания на таких условиях разбросаны по всему городу, можно отметить почти полное их отсутствие в более древней части города – на Уэст-стрит (4) и Таннер-стрит (2) – и более значительную концентрацию на Миддл-роуд (10) и Корт-стрит (13), то есть ближе к аббатству. На рыночном месте только рыбные прилавки держались на таких условиях (№ 147). Можно также отметить, что на этих условиях держатся так называемые увеличения, при том что сами держания, к которым они относятся, могли держаться на обычных условиях. Однако остается неясным, было ли это более поздним развитием поземельных отношений или изначально.

Дважды в «Рентном списке» встречается несколько отличное от вышеупомянутых типов – *'holdeth of the lorde to fee farm'*, однако остается неясным, в чем состоит различие. Оба расположены на восточной стороне Норт-стрит (№ 89, 93), и в одном случае речь идет о части усадьбы, при том что вторая её часть держится тем же человеком на обычных условиях.

Что касается ренты, то она колеблется от 1 курицы⁷ (за 1 дом, примыкающий к усадьбе, № 76) до 46 шиллингов (шил.) 8 пенсов (п.) (за усадьбу и половину амбара раздатчика милостыни). Важно отметить, что для порядка 50 держаний в силу разных причин не указаны размеры их ренты. Рассмотрим разброс рент для некоторых типов держаний (табл. 1).

Таблица 1

Тип усадьбы	Кол-во усадеб	Рента		
		минимальная	максимальная	средняя
1 усадьба	160	1 п.	40 шил.	3 шил. 2 п.
Именная	9 (+1)	8 п.	40 шил.	8 шил. 11 п.
Угловая	15	1 п.	20 шил.	5 шил. 2 п.
Главная	8	4 п.	9 шил. 5 п. обол	4 шил. 7 п.
Маленькая	3 (+1)	3 п.	6 п.	4 п.
Разрушенная	2	1 п.	20 шил.	10 шил.
Остальные	107	2 п.	30 шил.	2 шил. 6 п.
Место 1 усадьбы	8	3 п. обол	13 шил. 4 п.	2 шил. 6 п.

(Для 14 усадеб размер ренты неизвестен.)

Причины такого широкого разброса размера ренты для одного и того же вида держаний сложно установить. В тех немногих случаях, когда

усадьба охарактеризована каким-либо образом – маленькая, главная, угловая и др., – разброс ренты все равно весьма значителен. Если самую

маленькую ренту (1 п.) можно объяснить в одном случае тем, что она взимается с «разрушенной усадьбы», то во втором случае такая же рента взималась с «угловой усадьбы», для которой в целом была характерна более высокая рента. Среднее значение ренты за 1 усадьбу получается 3 шил. 2 п., но при этом в 114 случаях она будет меньше этого среднего показателя. В 103 случаях рента была меньше или равнялась 2 шил.

Еще одним показателем, который мог оказать влияние на размер ренты, был тип держания (*f* или *nf*). Соотношение этих типов показывает, что для типа *f* (который значительно реже встречается, всего 13 случаев (8%)) характерен более высокий уровень ренты – от 6 шил. 8 п. до 40 шил. при средней ренте 15 шил. 1 п., в то время как для второго типа держания (который составляет большинство со 123 усадьбами, около 77% всех усадеб) размер ренты варьирует от 1 п. до 13 шил. 4 п. при среднем показателе 23 п. 1½ обола (почти 2 шил.). Кроме того, для 8 усадеб (5%), для которых известен размер ренты, неизвестен тип держания. Всего же неизвестные составляют около 12%. Если посмотреть внимательнее на разброс ренты, который все еще значителен, то в 22 случаях она следует не одному, а нескольким (двум-трем) лицам. В этих случаях рента колебалась от 12 п. до 9 шил. 2 п. при среднем значении

3 шил. 10 п., что является выше общего среднего показателя для такого типа держания. Вполне возможно, что больший размер ренты может быть связан с наличием нескольких рентополучателей. Для оставшейся 101 усадьбы средний показатель составляет 19 п., хотя разброс ренты по-прежнему весьма значителен – от 1 п. до 13 шил. 4 п. (в 13 случаях больше 2 шил.). Причины остаются неизвестными, так как только в одном случае (при ренте в 6 шил. 9 п.) известно, что некогда усадьба представляла собой две усадьбы. Влияние расположения в городе (хотя, возможно, от него и зависела ценность той или иной усадьбы) установить не представляется возможным. Соседние усадьбы могли очень сильно различаться размером ренты, которая с них следовала.

Другой наиболее часто встречающейся в Фавершем категории держания является усадьба с садом (37 случаев). Фактически здесь повторяется разброс ренты, характерный для усадеб: от 1 п. до 40 шил. при среднем показателе в 3 шил. 10 п. Если обратиться к типам держаний, то получается в среднем 15 п. для типа *nf* (29 случаев) и 19 шил. 2 п. для *f* (5 случаев).

В городе было также несколько держаний, которые объединяли в себе несколько усадеб – от двух до четырех, – и здесь также виден все тот же значительный разброс ренты (табл. 2).

Таблица 2

Тип	Кол-во	Рента		
		минимальная	максимальная	средняя
2 усадьбы	11	4 п.	14 шил. 8 п.	5 шил. 2 п.
3 усадьбы	3	2 шил.	22 шил. 2 кур.	9 шил. 8 п.
4 усадьбы	2	2 шил. 6 п.	16 шил. 4 п.	9 шил. 5 п.

Поскольку Фавершем не принадлежал к числу основанных городов, в нем не было изначальной регламентации размеров ренты. А городские обычаи фиксируют только факт уплаты ренты, но не её размер.

На полях рентного списка указывается, кому следует рента⁸. В основном она распределяется между различными должностными лицами монастыря: казначеем, раздатчиком милостыни, ризничим, кантором, заведующим госпиталем, а также в пользу «стола» монахов, Кингсмилл (мельницы и по совместительству тюрьмы), часовни Св. Марии и алтаря Св. Анны (оба в монастырской церкви). Нередко с одного держания рента следует сразу нескольким лицам. Помимо монастыря в городе оказывается целый ряд внешних собственников: приоресса монастыря Давингтон (№ 78, 353), некие Лоренс Стрейнинг (№ 188), Эдмонд Мартин (№ 190–194), ректор Престона (№ 197), монастырь Св. Троицы (в Кентербери) (№ 195, 196), рыцарь Джон Дарелл (№ 352). Кроме того, четыре держания (№ 52, 53, 172, 173) были обозначены как «не наше» (*non nobis*) и, соответственно, рента для них не приводится. Включение этих держаний

в рентный список указывает на желание максимально полно охватить весь город, включить всех его жителей, даже если они не платят ренты монастырю. Это обстоятельство позволяет нам узнать, что еще целый ряд лиц (светских и духовных) владеет собственностью в городе. Весьма любопытно отсутствие в городе собственности короля, поскольку раньше (еще в XIII в.) он претендовал на то, что ему принадлежали некоторые части города⁹.

В целом же монастырю принадлежала практически вся территория города, других крупных альтернативных собственников не было. Как известно, большая часть участков сдавалась в аренду горожанам, однако монастырь мог оставить некоторые держания в своих руках. 11 держаний упомянуты как находящиеся в руках сеньора, кроме того, несколько держаний принадлежали различным должностным лицам аббатства: ризничему (5), приору (1), заведующему госпиталем (2) и стюарду (1). Это значительно меньше, чем было, насколько можно судить по имеющимся данным, в XIII в. Из разбирательства 1254 г. нам известно, что по крайней мере 19 ларьков (лавок)

в городе находилось непосредственно в руках монахов¹⁰. В описании иммунитета города упомянуты 12½ акра земли, ферма и 41 держание, принадлежащие аббату в пределах иммунитета Пяти Портов в этом городе¹¹. Можно отметить, что среди тех держаний, которые находились непосредственно в руках монастыря, 8 отмечены как заброшенные (*lyeth voyde*¹²), 1 было местом усадьбы, 1 сдано в аренду и 1 не имеет никаких специфических описаний.

Рентный список Фавершема (1532 г.) показывает, что три держания в городе находились в руках общины города: усадьба «Анкер» («якорь»), безымянная усадьба на Норт-стрит и усадьба «Шип» («корабль») на Уэст-стрит. Кроме того, несколько усадеб держали викарий Фавершема и церковные старосты местной приходской церкви Св. Марии.

Важной особенностью (и до определенной степени недостатком) «Рентного списка» является то, как там представлена информация о держателях. Дело в том, что в нем указываются не те, кто непосредственно проживает в том или ином

держании, а только те, кто платит «базовую ренту», то есть ренту, следующую непосредственно монастырю. При этом весьма часто встречаются «наследники такого-то» (*'heirs'*, 28) или «доверители такого-то» (*'feoffees'*, 24). С одной стороны, это позволяет охватить больший промежуток времени и, возможно, установить некоторые связи. С другой стороны, тут могла найти отражение распространенная в то время практика держания собственности от имени другого лица. Это был способ избежать конфискации имущества в чрезвычайных обстоятельствах и, что еще более важно, обойти наследственное право, чтобы иметь возможность выделить доли для вдов, дочерей и младших сыновей. Только в 1536 г. эта практика была официально запрещена статутом¹³.

«Список...» показывает, какого уровня могла достигнуть концентрация городских усадеб в руках нескольких горожан. Больше всего держаний (23) находится в руках у некоего Роберта Фейла (R. Fale), а в целом их распределение выглядит следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Количество держаний	Количество владельцев	% влад.
23	1	0,6
14	1	0,6
12	1	0,6
10	1	0,6
8	2	1,2
7	1	0,6
6	4	2,5
5	5	3
4	5	3
3	15	9,25
2	30	18,5
1	96	59,25
Всего 355	Всего 162	—

При этом нужно отметить, что одно держание могло состоять как из одного амбара, так и из нескольких усадеб вместе с садами. Поэтому если рассмотреть более подробно, например, 23 держания все того же Роберта Фейла¹⁴, то получится следующее: две усадьбы (одна из них каменная) на Корт-стрит Уэст; четыре палатки на рынке; пять усадеб, большой сад и место маленькой усадьбы, где находятся ворота, ведущие к большому саду, на Престон-стрит Ист; сад и усадьба с садом на Престон-стрит Уэст; усадьба, маленькая усадьба, главная усадьба и с ней объединенное держание, большой сад и 1 ярд земли на южной стороне Уэст-стрит; амбар, конюшня и прилегающий участок земли рядом с Гилдхолл Грин, а также Танбриджкрофт, место для амбара и прилегающий участок земли на Таннер-стрит Ист; и, наконец, маленькое держание и маленький сад на северной стороне

Уэст-стрит. Единственное держание Роберта Биллсдена состояло из усадьбы и трех коттеджей.

Таким образом, «Рентный список Фавершема» дает весьма сложную картину поземельных отношений в этом городе на рубеже раннего Нового времени. Примечательно, что всего несколько лет спустя монастырь прекратил свое существование и в истории города началась новая глава.

Примечания

¹ В отечественной идиографии см.: Кириллова А. А. Свободное земельное держание в Англии XIII в. // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1954. Т. 68. С. 59–90; Сванидзе А. А. Налоговые списки Колчестера как источник по истории английского средневекового города // Средние века. М., 1961. Вып. 19. С. 185–202; Ретина Л. П. Лондонские землевладельцы начала XV века

- (по данным налогового списка 1412 г.) // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987. С. 199–219; Чернова Л. Н. Городская недвижимость лондонских олддерменов XIV–XVI веков: структура и использование // Средневековый город. Саратов, 1998. Вып. 12. С. 94–103; Винокурова М. В. Проблема «манор-город» в Англии раннего Нового времени // Она же. Мир английского манора. М., 2004. С. 137–178; и др.
- 2 Текст был опубликован в качестве приложения к книге: Hyde P. Thomas Arden in Faversham: the Man Behind the Myth. Faversham, 1996. Appendix 18. P. 383–456.
 - 3 Ibid. P. 383.
 - 4 При публикации все держания были пронумерованы; здесь и далее ссылки даются на эти номера.
 - 5 См.: Greenstreet J. Abstracts of the Kent Fines (Pedes Finium), Levied in the Reign of Edward II // Archaeologia Cantiana. Vol. XII. L., 1878. P. 295. № 291; P. 300. № 318; Vol. XIII. L., 1880. P. 292. № 378; Vol. XIV. L., 1882. P. 268. № 661; P. 275. № 695; Vol. XV. L., 1883. P. 281–282. № 773, 778; P. 292. № 829.

- 6 The Common-Place Book of Faversham / ed. by K. M. E. Murray // Archaeologia Cantiana. L., 1936. Vol. 48.
- 7 Речь идет не о натуральных платежах, а о денежном эквиваленте.
- 8 Кроме того, после окончания рентного списка за ним следует тот же список, но только расписанный в соответствии с тем, кому в монастыре следует рента.
- 9 Curia Regis Rolls of the Reign of Henry III. L., 1961. Vol. XIV. P. 364.
- 10 См.: Placitorum in Domo Capitulari Westmonasterensi Asservatorum Abbreviatio. L., 1811. P. 140.
- 11 См.: The Common-Place Book of Faversham. P. 109.
- 12 Возможно, здесь нашло отражение право монастыря как сеньора на заброшенное имущество.
- 13 См.: Hyde P. Op. cit. P. 389.
- 14 Его держания при этом тоже делятся на несколько категорий в соответствии с тем, кто их держит: он сам, его наследники, его доверители или распорядители.

УДК 94(420).05-055.2-058.12

ЖЕНСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ВЛИЯНИЯ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЗНАТНЫХ ДАМ В АНГИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

А. И. Абаренова

Саратовский государственный университет
E-mail: aleks-abar@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о так называемых женских социальных сетях влияния, связанный с проблемой «власти женщин». На материале переписки леди Гонории Лайл автор выявляет каналы неофициального влияния английской аристократки первой половины XVI в. и показывает, что наиболее эффективными среди них являлись личная переписка, обмен подарками, оказание взаимных услуг.

Ключевые слова: гендерная история, женские социальные сети влияния, власть женщин, английская аристократка, первая половина XVI в., леди Гонория Лайл.

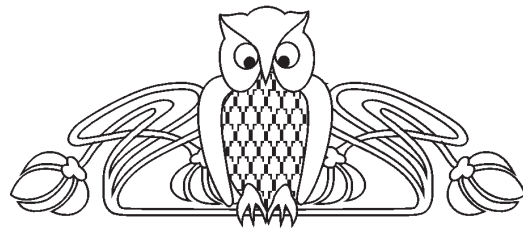
Women's Social Nets of Influence: Noble Women's Relationship in England in the First Half of XVI Century

А. I. Abarenova

This article is devoted to the phenomenon of so called "women's social nets of influence", which is connected with "women's power". On the basis of lady Lisle's letters the author tried to study the informal influence of an English aristocratic woman in the XVI century and show that the most effective methods were private correspondence, presenting gifts and giving alternative favours.

Key words: gender history, women's social nets of influence, women's power, English aristocratic woman, first half of XVI century, lady Honor Lisle.

На сегодняшний день гендерная история представляет собой огромное междисципли-

нарное поле, охватывающее социально-экономическое, демографическое, социологическое, культурно-антропологическое, психологическое, интеллектуальное измерение. В бурном потоке гендерных исследований можно выделить ключевые для этого направления сюжетные линии, охватывающие все сферы жизни: брак и семья, домашнее хозяйство и рынок, право и политика, религия, образование, культура и др.¹ В таком тематическом многообразии представляется целесообразным сосредоточить внимание на важнейшей проблеме – гендер и власть. Обращение именно к этой проблематике обусловлено появлением в современной историографии новой концепции власти, максимально расширенной и обогащенной², занимающей центральное место и в гендерной истории. Одной из главных ее задач является изучение возможностей и способности женщин, на протяжении многих веков лишенных доступа к формальным институтам политической власти³, оказывать опосредованное влияние на принятие решений в публичной сфере и на действия других людей или групп⁴.

В этом контексте в работах гендерных историков часто применяется понятие «власть женщин» (women's power)⁵, одним из проявлений которой являются так называемые женские социальные сети, или сети влияния, – «межиндивидуальные связи между женщинами или формирующиеся вокруг одной женщины»⁶. Их появление было вызва-

но тем, что, как правило, представительницы «слабого пола» не ограничивали себя общением только с членами семьи и соседями, но налаживали отношения с другими дамами, формируя, таким образом, своеобразные дружеские связи⁷. Поскольку доступ к публичной власти для женщин был ограничен, они находили иные способы влияния, в данном случае неформальные.

Важное место в исследовании проблемы гендера и власти занимает анализ политического аспекта гендерной дифференциации в переломную эпоху западноевропейской истории раннего Нового времени, когда женщины из аристократических фамилий, близкие к престолу, неизбежно оказывались в центре политических событий и процессов. В этой связи особую актуальность приобретает изучение роли социальных сетей в жизни английской аристократки первой половины XVI в., что позволяет на практике показать истинное положение знатной дамы в обществе того периода.

На основе переписки леди Гонории Лайл попытаемся выявить способы формирования женских социальных сетей, проанализировать основные мотивы и поводы для общения знатных дам друг с другом, определить степень эффективности женских дружеских связей.

Переписка леди Гонории является частью общей переписки семьи Лайл, охватывающей период с 1530 по 1540 г. и известной еще с XIX в. – впервые письма были обнаружены английскими историками Дж. Брюиром (1810–1879) и Дж. Гарднером (1828–1912). В 1846 г. М. Э. Эверетт Вуд поместила отдельные письма в свою трехтомную работу «Письма королей и знатных дам Великобритании: с XII века до правления королевы Марии»⁸. В 1932 г. американская исследовательница М. Сент-Клер Берн (1895–1983) структурировала источник, расположив письма в хронологическом порядке, и в 1982 г. опубликовала переписку (более 2000 писем); язык публикации – адаптированный английский⁹.

Хорошая сохранность переписки семьи Лайл объясняется следующим обстоятельством. После ареста Артура Лайла, супруга леди Гонории, вся семейная корреспонденция в поисках улик была отправлена ко двору и оказалась в числе королевских бумаг, благодаря чему в распоряжении современных историков имеются деловые письма, дружеские послания, приглашения на бракосочетание, рецепты лекарств и даже чек об оплате починки кожаных туфель. В письмах можно найти сведения, касающиеся практически всех сторон жизни английской аристократки первой половины XVI в.¹⁰ И, что для нас особенно важно, источник предоставляет возможность реконструировать реальное положение представительницы высшего сословия в Англии указанного периода, отдельные страницы ее биографии, домашние и публичные обязанности, социальные связи, роль в семье и обществе. В данной статье используются 11 писем

аристократок, в том числе и принадлежащие перу самой леди Гонории.

Итак, обратимся к нашей героине. Леди Гонория Лайл (1493–1560) происходила из знатного рода Гренвиллей, была супругой незаконнорожденного сына Эдуарда IV (1461–1483) Артура Плантагенета виконта Лайл, дяди Генриха VIII (1509–1547). На протяжении семи лет начиная с 1533 г. виконт Лайл осуществлял полномочия лорда – представителя короля в Кале¹¹. Брак с виконтом (это было её второе замужество) позволил леди Гонории войти в ближайшее королевское окружение. Кроме того, она обладала сильным характером, была, судя по всему, достаточно амбициозна и стремилась к достижению своих целей.

Леди Лайл вела активную переписку со знатными дамами. Среди ее адресатов известные в придворной среде женщины – леди Уэстон, фрейлина Екатерины Арагонской, супруг которой Ричард Уэстон снискал славу при дворе, входил в Тайный совет и был начальником таможни в Кале¹², леди Екатерина герцогиня Саффолк, входившая в ближайшее королевское окружение, супругом которой был Генри Брендон герцог Саффолк. В данном случае примечательны и другие факты – отец герцогини Уильям Уиллоуби 11-й барон д'Эрзби служил при дворе Генриха VIII, а мать Мария де Салинас была близкой подругой и фрейлиной королевы Екатерины Арагонской¹³. Леди Элеонора графиня Рагленд – влиятельная фрейлина королей Джейн Сеймур и Анны Клевской, жен Генриха VIII¹⁴. Мэри Кингстон – супруга Уильяма Кингстона, приближенного Генриха VIII, констебля Лондонского Тауэра, под наблюдением которого находилась в заточении Анна Болейн. Сама леди Мэри какое-то время была приближенной опальной королевы, а позднее её сын от первого брака Гарри Джернингем принимал участие во встрече новой супруги короля Анны Клевской, когда та прибывала в Англию¹⁵. Леди Мария графиня Сассекс не только была приближена ко двору, но и находилась в родственных отношениях с леди Гонорией, будучи ее племянницей¹⁶. Джейн леди Рингли – супруга Эдуарда Рингли, помощника лорда Лайла в Кале¹⁷. И, наконец, Елизавета Уэллоп, супруга Джона Уэллопа, занимавшего пост лейтенанта Кале¹⁸.

В своих письмах дамы обсуждают самые разные вопросы, начиная с семейных проблем и заканчивая событиями государственной важности. Как правило, основным итогом переписки было установление нужных аристократкам связей, при помощи которых они могли так или иначе влиять на положение в обществе – свое собственное и своей семьи.

Каковы же были пути формирования новых связей? Прежде всего, эффективным способом являлась сама личная переписка, благодаря которой устанавливались непосредственные контакты, завязывались приятельские/дружеские отношения, определялся круг общения, что, в конечном счете,

способствовало усилению неформального влияния аристократок на определенном уровне. Обмениваясь информацией, знатные дамы в некоторой степени формировали общественное мнение.

Важным каналом неформального влияния, судя по переписке, был также обмен подарками. Британская исследовательница истории раннего Нового времени Ф. Хил отмечает, что обмен подарками, особенно продуктами питания, содержал в себе несколько смыслов. Во-первых, пища выступала в качестве объединяющего элемента, то есть «мы едим одно и то же, следовательно, у нас много общего». Во-вторых, при помощи подобных подарков можно было установить отношения патроната, все зависело от статуса дарящего и одаряемого. И в-третьих, примешивается религиозный аспект – необходимость проявления щедрости¹⁹.

В исследуемом нами источнике много конкретных случаев обмена подарками – продуктами питания или какими-либо вещами; при этом любой подаренный предмет имел значение и нес в себе определенный смысл. И, конечно, обмениваясь подарками, дамы стремились сделать что-то приятное друг другу.

Герцогиня Саффолк пишет, обращаясь к леди Лайл: «Сердечно благодарю Вас за то прекрасное вино, которое Вы прислали мне. Уверю Вас, оно оказалось очень хорошим. Также спасибо за прелестную маленькую собачку, этот подарок доставил мне большую радость...»²⁰. Вино здесь – элемент объединяющий, его часто посылали друг другу представители высшего сословия. А собачка – достаточно личный подарок, скорее всего, она выступала в качестве своеобразного сувенира, который должен радовать нового хозяина и напоминать о дарителе.

Очень часто аристократки обменивались ювелирными украшениями. Леди Рингли в письме от 18 мая 1539 г. благодарит леди Лайл за «коралловые бусы с золотым сердечком», а в ответ высылает «золотое кольцо с плоским камнем и бриллиантом»²¹. Впрочем, золотые кольца в качестве подарка в переписке встречаются достаточно часто: леди Лайл дарила кольца знатым дамам, супругам чиновников в Кале. Дорогие украшения отражали обеспеченность и высокое общественное положение дарителя. Кроме того, известно, что внутри семьи украшения тоже имели большое значение – их часто передавали по наследству, отдавали в качестве приданого. Неудивительно поэтому, что знатные дамы могли дарить своим «подругам» ювелирные украшения, а те с удовольствием и благодарностью их принимали.

Графиня Ратленд в своих письмах благодарит леди Лайл за присланные ей подарки – две бочки сельди, вино, вишню²². Кроме того, леди Элеонора добавляет, что если леди Гонории понадобится какая-либо помощь, она её непременно окажет²³. Аналогичная по смыслу фраза содержится и в письме герцогини Саффолк: «...я буду чрезвычайно счастлива, если смогу сделать что-то подобное

для Вас»²⁴. Фактически речь идет об оказании взаимных услуг. Можно предположить, что подарки делались в расчете именно на то, что одаряемый в нужный момент окажет необходимую помощь.

И действительно, графиня Ратленд, которую леди Лайл довольно часто одаривала подарками, сыграла важную роль в жизни ее дочери, Екатерины. По просьбе леди Лайл девушка воспитывалась в семье графини. Благодаря стараниям леди Элеоноры Екатерина стала фрейлиной королевы Джейн Сеймур²⁵.

Похожая ситуация сложилась и во взаимоотношениях леди Лайл с графиней Сассекс, которая радела за судьбу второй дочери леди Гонории, Анны. Информацию об этом можно почерпнуть из письма леди Уэллоп. Восьмого августа 1539 г. она пишет, что недавно при дворе видела Анну: «...очень приятная молодая леди»²⁶. И добавляет, что своим нынешним положением семья Лайл обязана графу и графине Сассекс²⁷. Леди Лайл ранее в письме к леди Марии графине Сассекс обещает помогать слугам, родственникам графини, «если они будут нуждаться»²⁸.

Леди Лайл в свою очередь не оставалась равнодушной к просьбам знатных дам. Леди Мэри Кингстон в письме от 27 ноября 1539 г. просит леди Лайл посодействовать ее «бедному сыну» Гарри Джермингему в приобретении лошади в Кале: «...Поскольку у нас нет друзей, которые могли бы нам помочь... мы просим Вас: не могли бы Вы быть так добры и помочь нам в решении этого вопроса»²⁹.

А леди Уэстон сообщает леди Гонории, что ей необходимо устроить некую женщину, которая служила прежде в их семье: «Уверю Вас, она достойная девушка, скромная и умная, чиста на руку и не болтлива... Не буду скрывать причину её отъезда из моего дома. Она полюбила молодого человека, слугу моего мужа, он ответил ей тем же, хотя у него ничего нет за душой. Однако жениться на ней он не собирается. Затем он не угодил моему мужу, и он его уволил. Муж приказал мне дать расчет и служанке, и сейчас она живет со своим дядей»³⁰. По-видимому, между леди Лайл и леди Уэстон были весьма доверительные отношения: леди Елизавета, проявляя искреннюю заботу о своей бывшей служанке, сообщает леди Гонории информацию очень личного характера и, видимо, не сомневается, что та с пониманием отнесется к сложившейся ситуации. Отметим, что помощь в выборе прислуги – вполне обычное явление в среде знати – может рассматриваться как еще один немаловажный способ взаимодействия аристократок. Попутно заметим, какие качества ценят знатные дамы в «достойных леди»: скромность, ум, честность, умение «держаться язык за зубами».

Дружеские и/или приятельские отношения в женском аристократическом обществе были совершенно незаменимы при обмене информацией, особенно когда кто-то из дам, приближенных ко двору, по тем или иным причинам оказывался за

пределами королевства. Именно благодаря переписке находившаяся в Кале леди Лайл была в курсе событий придворной жизни. В частности, леди Ратлэнд в одном из писем, адресованных леди Гонории Лайл, упоминает королевскую семью, отмечая, что «король и королева пребывают в здравии»³¹. А леди Мэри Кингстон в письме от 27 ноября 1539 г. сообщает о приезде в Англию новой королевы, Анны Клевской: «Моя почтенная леди, прошу Вас быть доброй по отношению к моему бедному сыну Гарри Джермингему, который в скором времени вместе с нашим лордом [Артуром Лайлом. – А. А.] должен будет встречать нашу молодую королеву»³². Учитывая сложность и противоречивость жизни двора Генриха VIII, аристократкам и их семьям была крайне необходима своевременная информация о происходивших событиях, чтобы правильно ориентироваться и не совершать опрометчивых поступков. И женские социальные связи играли в этом немаловажную роль.

Итак, основными способами формирования женских социальных сетей были личная переписка, обмен подарками и оказание взаимных услуг. На основе этой практики налаживались дружеские/приятельские связи с представительницами своего круга, что само по себе было очень важно, давая возможность женщинам выходить за рамки только семейного общения и семейных проблем; завязывались «полезные» для аристократок отношения, позволявшие и решать семейные дела, и обсуждать важные новости, и участвовать в жизни двора, в том числе в церемонии встречи королевы. В результате, очень редко обладая формальным авторитетом, знатные женщины действительно располагали эффективными каналами неформального влияния.

Примечания

- 1 Подробный анализ гендерно-исторических исследований по всем этим направлениям см.: Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки: хрестоматия. М., 2002. С. 9–158.
- 2 Как отмечает Л. П. Репина, сегодня все чаще проводится различие между обладанием, с одной стороны, легитимной политической властью, а с другой – возможностью оказывать на людей, их действия и происходящие события неформальное влияние, т. е. воздействовать на них для достижения своих целей. В соответствии с этим расширяется и понимание политической истории, в предмет которой теперь включается не только официальная политика, но и все, что так или иначе касается властных отношений в обществе. На этой же концептуальной основе ставится и вопрос о роли гендерной системы в распределении властных полномочий (см.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 536).
- 3 Традиционно так называемые мужские качества включали в себя политическую активность и ответственность, в то время как женские добродетели оста-

вались всецело «домашними». Считалось, что в идеале женщина является своеобразным «приложением» к мужчине, она должна была всецело погрузиться в домашние дела и семейные заботы и даже не помышлять о возможности реализовать себя в иных сферах (см.: Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999; Арнаутова Ю. Е. Женщина в «культуре мужчин»: брак, любовь, телесная красота глазами агиографов X века // Адам и Ева: Альманах гендерной истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2001. № 1. С. 46–89; Лабутина Т. Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001; Суприянович А. Г. Женская идентичность и средневековая мистика: опыт гендерного анализа. М., 2008). Известные антропологические концепции, на которые в значительной степени опираются гендерные историки, связывают доминирующее положение мужчин и неравенство полов с функциональным разделением человеческой деятельности на частную (домашнюю) и публичную (общественную) сферы и с вытеснением женщин из последней (см.: Репина Л. П. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1996. С. 20–32).

- 4 См.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. С. 536.
- 5 «Власть женщин» исследуется во всем многообразии ее проявлений: рассматриваются воздействие женщин на политические решения и исторические события, их роль в семье, в экономике и общественной жизни, их влияние на формирование и передачу культурных стереотипов (см.: Harris B. Sisterhood, friendship and the power of English aristocratic women, 1450–1550 // Women and politics in Early Modern England, 1450–1700. Padstow, Cornwall, 2004. P. 21–50; Репина Л. П. Гендерная иерархия и «власть» женщин: индивидуальный опыт в социальном контексте // Теория и методология гендерных исследований: в 2 ч. М., 2006. Ч. 1. С. 173–195; Винокурова М. В. Имущественные права женщин в средневековой Англии // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001. № 1. С. 101–130).
- 6 Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. С. 538.
- 7 См.: Репина Л. П. Гендерная иерархия и «власть» женщин: индивидуальный опыт в социальном контексте // Теория и методология гендерных исследований. Ч. 1. С. 173–195.
- 8 См.: Letters of royal and illustrious ladies of Great Britain from the commencement of the twelfth century to the close of the reign of Queen Mary: in 3 vols. / ed. by Mary Ann Everett Wood. L., 1846.
- 9 The Lisle Letters: in 6 vols. / ed. by Muriel St. Clare Byrne. Chicago; L., 1981. Существует публикация 10 писем на русском языке (см.: Письма леди Гонории Лайл / пер. Л. Н. Черновой и Е. В. Двойниной // Гендерная история Западной Европы: хрестоматия: в 5 кн. М., 2007. Кн. 4. С. 223–232).

- ¹⁰ Факты, отдельные рассуждения, мнения и оценки, содержащиеся в переписке, позволяют определить степень обеспеченности и «болевы точки» высшего сословия, выявить методы управления поместьями и способы ведения хозяйства, в том числе возникающие в этой связи проблемы, дать перечень, хотя и далеко не полный, выращиваемых сельскохозяйственных культур и животных, установить дополнительные доходы, охарактеризовать общественные устремления, жизненные ориентиры дворянства.
- ¹¹ Французский город, с 1346 по 1559 г. принадлежавший Англии.
- ¹² The Lisle Letters. Vol. 1. P. 330–331.
- ¹³ См.: Catherine Duchess of Suffolk to Lady Lisle, 1537 // Letters of royal and illustrious ladies. Vol. 2. P. 310–311.
- ¹⁴ См.: Elinor, Countess of Ruthland to Lady Lisle // Ibid. P. 308–309.
- ¹⁵ См.: Mary, Lady Kingston, to Lady Lisle, 27 November 1539 // Ibid. Vol. 3. P. 142–143.
- ¹⁶ Она была дочерью сестры леди Лайл, Екатерины – супруги рыцаря Джона Арундела из Лангерна (см.: Honor Viscountess Lisle to Countess of Sussex, 14 November 1537 // Ibid. Vol. 2. P. 314–317).
- ¹⁷ См.: Jane, Lady Ringley, to Lady Lisle, 18 May 1539 // Ibid. Vol. 3. P. 127–128.
- ¹⁸ См.: Elizabeth, Lady Wallop to Lady Lisle // Ibid. P. 143–145.
- ¹⁹ См.: Heal F. Food Gifts, the Household and the Politics of Exchange in Early Modern England // Past and Present. 2008. № 119. P. 41–70.
- ²⁰ Catherine Duchess of Suffolk to Lady Lisle, 1537 // Letters of royal and illustrious ladies. Vol. 2. P. 310–311.
- ²¹ См.: Jane, Lady Ringley, to Lady Lisle, 18 May 1539 // Ibid. Vol. 3. P. 127–128.
- ²² См.: Elinor, Countess of Ruthland to Lady Lisle // Ibid. P. 115–116 ; 149–151 ; Vol. 2. P. 310–311.
- ²³ См.: Elinor, Countess of Ruthland to Lady Lisle // Ibid. Vol. 2. P. 310–311.
- ²⁴ Catherine Duchess of Suffolk to Lady Lisle, 1537 // Ibidem.
- ²⁵ Ibid. P. 308–309.
- ²⁶ См.: Elizabeth, Lady Wallop to Lady Lisle // Ibid. Vol. 3. P. 143–145.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ См.: Honor, Viscountess Lisle to Countess of Sussex, 14 November 1537 // Ibid. Vol. 2. P. 314–317.
- ²⁹ Mary, Lady Kingston, to Lady Lisle, 27 November 1539 // Ibid. Vol. 3. P. 142–143.
- ³⁰ Леди Уэстон – леди Лайл, ноябрь или декабрь 1532 г. // Гендерная история Западной Европы : хрестоматия. Кн. 4. С. 225–226.
- ³¹ Elinor, Countess of Ruthland to Lady Lisle // Letters of royal and illustrious ladies. Vol. 2. P. 308–309.
- ³² Mary, Lady Kingston, to Lady Lisle, 27 November 1539 // Ibid. Vol. 3. P. 142–143.

УДК 94(415).05

МИРОВЫЕ СУДЬИ И СЕВЕРНЫЙ СОВЕТ НА ЗАКАТЕ ЭПОХИ ТЮДОРОВ

А. А. Бельцер

Самарский институт – высшая школа приватизации и предпринимательства
E-mail: abelhist@yandex.ru

Данная статья посвящена взаимоотношениям мировых судей и Северного совета на рубеже XVI–XVII вв. На материалах конфликта между мировыми судьями Йоркшира и Северным советом сделана попытка выявить особенности саморепрезентации государственных институтов эпохи Тюдоров.

Ключевые слова: мировые судьи, Северный совет, Йоркшир.

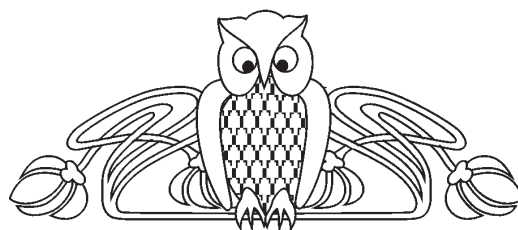
Justices of Peace and the Council of the North in the Sunset of Tudor Epoch

A. A. Beltser

This paper is dedicated to the relations between justices of peace and the Council of the North. On the materials of the conflict between the Yorkshire justices of peace and the Council of the North the author tries to trace features of selfrepresentation of Tudor institutions of the state.

Key words: justices of peace, Council of the North, Yorkshire.

Региональные советы давно получили в историографии статус инструмента укрепления

английской абсолютной, или новой монархии. Создание Северного совета, Совета Уэльса и Западного совета и современники, и потомки связывали с попыткой королевской власти навести порядок в удаленных от центра проблемных регионах. В своей работе советы вынуждены были выстраивать взаимоотношения с представителями местного управления. Особенно важным этот процесс был на севере страны, постоянно доставлявшем Тюдорам беспокойство. Неудивительно, что именно волнения в северных землях сыграли важную роль в деятельности Северного совета: своей окончательной институционализацией он был обязан Благодатному паломничеству, а «восстание северных графов» привело к возрождению его значимости. В ходе этих конфликтов представители местного управления далеко не всегда проявляли себя наилучшим образом и надзор за ними изначально входил в обязанности Совета. На протяжении всего правления Тюдоров Совет не

только контролировал деятельность судей, но и нагружал их различными поручениями. Например, переписка мировых судей Йоркшира и Северного совета 70–80-х гг. XVI в. содержит поручения набора солдат для службы на шотландской границе и в Ирландии, поимки людей, распускающих слухи, борьбы с бродягами и рекузантами¹.

В конце правления Елизаветы в середине 90-х гг. XVI в. между Северным советом и мировыми судьями Йоркшира произошел конфликт, который дошел до Тайного совета и был зафиксирован в ряде документов, отчасти проливающих свет на восприятие и саморепрезентацию Северного совета, его взгляд на отношения с мировыми судьями и их отношение к нему. В сентябре 1595 г. на сессии мировых судей Северного Райдинга некий Антони Тирлторп в ответ на требование судей дать обязательство сохранения мира и внести соответствующий залог предъявил *writ of supersedias*, выданное Северным советом и запрещающее взимать данный залог повторно. Судьи отказались принимать документ во внимание и отправили Антони в тюрьму замка Йорк². Спустя некоторое время некий Мэтью Мэллори из Данвика в графстве Йорк предстал перед Советом и дал обязательство под залог значительной денежной суммы «сохранять мир с этого времени по отношению ко всем добропорядочным и любящим подданным и особенно в отношении Джеймса Холлингса и его жены Елизаветы»³. Мировым судьям Западного Райдинга было направлено так называемое *writ of supersedias*, предписывающее не взимать с Мэтью Мэллори никаких сумм и не наказывать его по данному делу. Однако на сессии мировых судей члены магистрата Генри Фаррар и Джон Лэси потребовали от Мэллори присягу в соблюдении мира по отношению к Джеймсу Холлингсу и соответствующий залог. Когда Мэтью заявил, что он уже внес залог за свой проступок и предъявил *writ of supersedias*, судьи отобрали бумагу и под страхом тюремного заключения заставили все-таки внести деньги⁴.

Северный совет подал жалобу королеве, мировым судьям пришлось давать свою версию происшедшего. В следующем году группа мировых судей отправила в Тайный совет петицию против Северного совета и последнему пришлось писать длинный и обстоятельный ответ⁵. Конфликт в конечном итоге разрешился в пользу Северного совета. В 1599 г. президентом Северного совета был назначен Томас Сесил, 2-й барон Берли, который привез с собой обновленные списки мировых судей Йоркшира⁶.

Целью документов, отправленных Северным советом королеве и в Тайный совет, было побудить Елизавету и ее советников принять решение в пользу Совета Севера и охладить пыл мировых судей. Попробуем проанализировать стратегию, к которой прибегли чиновники Совета. Письмо с жалобой на мировых судей можно условно разбить на три части. В первой части излагается

завязка сюжета. В ней сообщается о том, что Мэтью Мэллори явился на заседание совета, дал обязательство о сохранении мира в отношении Джеймса Холлингса и его жены, внес значительную сумму в качестве залога и получил *writ of supersedias*, освобождающее его от повторного наказания подобного рода.

Во второй части иска речь уже идет о роли Северного совета в северных землях. Здесь внимание акцентируется на следующих моментах. Во-первых, мы видим постоянное подчеркивание связи Совета, его работы с королевской волей: «Ваше Величество соизволили на основании своей королевской юрисдикции приказать и разрешить Вашему Совету...»⁷, «...Совет должен действовать в пределах комиссии и власти, определенных и дарованных Вашим Величеством...»⁸, «...властью, которой обладает Ваше Величество, так же как и ее отец, брат и сестра, короли и королева Англии в соответствии с Вашей мудростью государыни сочли удобным для хорошего и тихого управления этими землями признать за Советом и Лордом-Президентом власть и полномочия, которые у него были...»⁹.

Во-вторых, настойчиво подчеркивается полезность и значимость Совета. Совет предстает как «Суд равенства и правосудия, где огромное число обременительных дел и исков слушалось и слушаются время от времени, судятся и решаются в соответствии с правом, справедливостью и здравым смыслом»¹⁰. Совет позиционирует себя как инструмент королевского правосудия и «более мирного управления подданными Вашего Величества в их усердном повиновении и верности Вашему Наипрекраснейшему Величеству»¹¹. Именно для того чтобы усилить средства для умиротворения Севера, Совету и было даровано право призывать мировых судей для отчета о состоянии графства и собственных дел, производить напутствие судьям в том, что должно быть исправлено и как¹². Наконец, деятельность Северного совета приветствуется самими жителями северных земель, поэтому продление его полномочий Елизаветой приводит к большому облегчению и огромной выгоде подданных Ее Величества¹³. Авторы жалобы искусно рисуют образ королевы как защитницы сирых и убогих и представляют деятельность Совета одним из способов достижения этой цели. Разве не является одной из важнейших задач монарха сохранение мира, и разве не для этого Совет по повелению королевы должен даровать и беднейшим, и могущественным лордам уверенность в правосудии¹⁴?

Третья часть документа посвящена собственно изложению дела. В ней рисуется малопривлекательный портрет мировых судей Генри Фаррара и Джона Лэси. Их вина, по мнению автора письма, усугубляется тем, что, будучи мировыми судьями, вместо того чтобы проявлять все возможное старание и показывать хороший пример в повиновении Совету, они, наоборот, нанесли ему оскорбление.

Более того, оскорбление Совета может привести не только к дискредитации и публичному бесчестью лорда-президента и остальных членов Совета, но и к подрыву репутации власти самой королевы¹⁵. В жалобе подчеркивается осуждение Фаррара и Лэси даже их коллегами, другими мировыми судьями – судья Брэдфорд заявил, что считает неразумным брать с Мэллори залог второй раз¹⁶.

Мировые судьи Западного Райдинга дали свою интерпретацию произошедшего. В своем ответе они сделали акцент на тяжести преступлений Мэллори. По их словам, к судьям обратились Ричард Каллингворт и Джеймс Холлингс с жалобой на опасность для их жизни, исходящую от Мэллори. Холлингс был тяжело ранен ответчиком, его сына чуть не задушили. В страхе истцы обратились за помощью к мировому судье Ральфу Бестону. Ральф Бестон тут же издал предписание ответчикам дать залог в сохранении мира и явиться на следующую сессию, а также известил об этом Роберта Литтлвуда, констебля Брендона, и поручил ему арестовать Мэллори¹⁷. Последний, однако, сбежал и, чтобы избежать наказания, явился в Йорк, в Совет Севера и там внес залог для сохранения мира и получил *supersedias*. Судьи обвинили Мэллори в намерении специально расстроить их работу. По их показаниям, после того как обвинения в адрес Мэллори были публично провозглашены и подтверждены свидетелями, судьи, пребывая в неведении относительно *supersedias*, решили взять с ответчика обязательство и залог в хорошем поведении¹⁸.

Мировые судьи подчеркивали, что решение ими было принято с учетом других преступлений Мэллори: содержания грейхаундов, потравы овец, вытаптывания полей истцов. Мэллори наглым образом предъявил бумагу от Северного совета после оглашения приговора. Поэтому они совершенно обоснованно приняли решение об аресте Мэллори, учитывая поведение ответчика, столь вызывающее и представляющее угрозу для округи, способствующее поощрению преступлений¹⁹.

В 1596 г. Северному совету пришлось уже оправдываться. Мировые судьи обвинили Совет в целом ряде злоупотреблений: вторжении в дела судов общего права, мировых судей и судов различных корпораций, наложении штрафов несоразмерно состоянию обвиняемых²⁰. От Северного совета поступил обстоятельный ответ на все обвинения. Не будем вдаваться в подробный анализ данного документа, содержащего детальное описание работы Совета. Попробуем выделить элементы стратегии его защиты. Конечно, одним из таких элементов и было скрупулезное описание действий Совета в той или иной ситуации, призванное, как нам кажется, подчеркнуть некомпетентность истцов. Центральной идеей, которую Совет стремился донести, оставалась мысль о соответствии его деятельности интересам подданных королевы. Одно из обвинений гласило,

что Совет принимает к рассмотрению абсолютно все дела, не учитывая при этом материальных возможностей участников процесса. Ответчики подчеркнули два момента. Совет принимает к рассмотрению в первую очередь те дела, где слабый обижен сильным, насильственно ограблен и лишен своей собственности. В этих случаях, чтобы избежать мятежей и беспокойства в округе, Совет выслушивает обе стороны и принимает решение. Этот способ разбора дел, по мнению ответчика, признан всеми как быстрый, дешевый и выгодный. Он спасает подданных от долгого путешествия в суды общего права и спасает их владения от многих внешних ссор и насилия²¹.

Отдельный пункт посвящен отношениям Совета и мировых судей. Мировые судьи обвинили Совет в том, что он издает *supersedias*, чтобы приостановить их процессуальные действия, никогда не обязывает ответчиков явиться перед квартальной сессией мировых судей (где можно было бы публично наказать виновного и обнародовать его проступки), а также заставляет людей отправляться в путешествие за 60 или 80 миль от дома, хотя их дела можно было бы решить и в округе²².

В первую очередь чиновники Совета заявили, что, как показала практика, мировая комиссия, не подкрепленная достаточной властью, не в состоянии справиться с поддержанием мира так, чтобы это удовлетворяло монарха. Именно поэтому волею Генриха VIII Совету и было даровано право предотвращать нарушение мира, наказывать тех, кто его нарушает, и, словами Инструкции, даровать мир без учета статуса человека. Совет всегда признавал власть мировых судей и желал, чтобы и он, и судьи использовали все свои полномочия для исполнения королевской службы.

В отношении *supersedias* Совет обращал внимание на то, что судьи тоже пользуются таким правом и разве документа с печатью Ее Величества не достаточно для приостановки процессуальных действий мирового судьи, если один судья может издавать *supersedias* в отношении других? Далее Совет подчеркивал, что и процессы по нарушению мира он возбуждает только в том случае, когда либо сам мировой судья оказывается нарушителем, либо преступник связан с ним дружбой, родством или свойством, либо преступление настолько ужасно, что, дабы продемонстрировать скорость правосудия, более разумно вызвать ответчика в Совет. Более того, разве судебный процесс в Совете в Йорке менее показателен, нежели перед обычными мировыми судьями²³?

Совет отрицал и вмешательство в юрисдикцию судов иммунитетов, городских корпораций и, таким образом, нарушение принципов общего права. По его мнению, дела, подлежащие разбирательству в местных судах, он принимал к рассмотрению только в том случае, если кто-либо из судей или должностных лиц был прямо или косвенно вовлечен в дело и оно не могло быть

решено беспристрастно, что, как замечают авторы документа, «весьма привычно для северных земель»²⁴.

Таким образом, и в первом, и во втором документе Северный совет ведет спор с мировыми судьями в рамках, как нам кажется, служебно-правового дискурса. Как обвинение, так и оправдание касается исполнения королевской службы в деле отправления правосудия. Совет стремится представить себя действенным инструментом королевской политики на Севере. Основной целью этой политики он стремится представить мир и спокойствие Севера. Идея общего блага незримо присутствует в документах, вышедших из-под пера как судей, так и Совета. Представляя себя защитником общего блага, Совет стремился обрисовать оппонентов как людей не только некомпетентных, но и не способных в силу своих корыстных интересов навести порядок в сфере своей компетенции. Сентенции о вовлеченности как мировых судей, так и судей местных судов в неблагоприятные дела, не позволяющей простому человеку добиться справедливости, были, с одной стороны, общим местом в английской политической мысли, с другой, обыденной практикой, а с третьей – весомым аргументом в достижении своей цели. В исследуемых документах Совет предстает как бюрократическая организация, не подверженная пагубному влиянию родственных и патронажных связей и зорко следящая за соблюдением интересов короны в беспокойных северных землях. Так ли это было на самом деле – предмет отдельного исследования.

Мировые судьи, со своей стороны, также в обоснование своих действий апеллировали к благу населения, правда, в основном в пределах своего округа. В значительно большей мере их интересовали вопросы, связанные с осуществлением их прерогатив. «Мы судьи или не судьи и не потерпим иного вмешательства, иначе нам нет смысла проводить сессии», – заявили судьи Антони Тирлторпу²⁵. Именно в этих словах и отражена причина недовольства действиями Северного совета. Для мировых судей, чья власть и авторитет в округе во многом опирались на возможности, предоставляемые должностями на службе королеве, поспание их полномочий могло привести к потере статуса и престижа в глазах населения. С этой точки зрения для них Совет представлял серьезную опасность. Подчеркивая опасность деяний Мэллори, судьи, как нам кажется, стремятся продемонстрировать необоснованность претензий со стороны Совета,

даже определенную неосведомленность его в том, что происходит в графстве. Более того, Мэллори, по сути, манипулирует Советом, использует его для смягчения своего наказания. Судьи прямо не ставят вопрос о ненужности Совета, но заявления об ограничении действия некоторых его полномочий исходят из их уст. Определенно, со скамьи мирового судьи работа Совета Севера виделась несколько иначе, нежели из резиденции Совета в Йорке.

Примечания

- ¹ См.: The manuscripts of sir George Wombwell, the Duke of Norfolk, lord Edmund Talbot, miss Buxton, mrs Hartford & mrs Wenthworth of Wolley // Royal Historical Manuscript Commission. L., 1903. Vol. 2. P. 92–108.
- ² См.: Reid R. King's Council in the North. Totowa, 1975. P. 336.
- ³ The Proceedings in a dispute between the Council of the North and certain justices of the West and North ridings // Yorkshire Archaeological Society. Record Series. 1888. Vol. 3. P. 2.
- ⁴ Ibid. P. 5.
- ⁵ См.: Reid R. Op. cit. P. 509.
- ⁶ Ibidem.
- ⁷ The Proceedings in a dispute between the Council of the North and certain justices of the West and North ridings... P. 3
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ Ibid. P. 2.
- ¹¹ Ibid. P. 3.
- ¹² Ibidem.
- ¹³ Ibidem.
- ¹⁴ Ibidem.
- ¹⁵ Ibid. P. 4.
- ¹⁶ Ibid. P. 6.
- ¹⁷ Ibid. P. 8.
- ¹⁸ Ibid. P. 9.
- ¹⁹ Ibid. P. 10.
- ²⁰ Reid R. Op. cit. P. 336.
- ²¹ Ibid. P. 510.
- ²² Ibid. P. 509.
- ²³ Ibid. P. 515.
- ²⁴ Ibid. P. 517.
- ²⁵ The Proceedings in a dispute between the Council of the North and certain justices of the West and North ridings... P. 16.

УДК 9(410.III) «13/15»

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛОНДОНА КОНЦА XVI ВЕКА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКА (на материале «Путешествий по Англии» Томаса Платтера)

Л. Н. Чернова

Саратовский государственный университет
E-mail: larisachernova@mail.ru

На основе анализа «Путешествий по Англии» швейцарского гуманиста Томаса Платтера в статье исследуются вопросы, связанные с восприятием современником-иностранцем городского пространства Лондона конца XVI в. Особое внимание обращается на выявление представлений путешественника о значении города, его планировке и размерах, основных элементах и ориентирах.

Ключевые слова: современная урбанистика, проблема восприятия, Томас Платтер, Лондон конца XVI в., городское пространство.

The Urban Space of London at the End of the XVI Century in the Perception of a Contemporary (based on Thomas Platter's «Travels in England»)

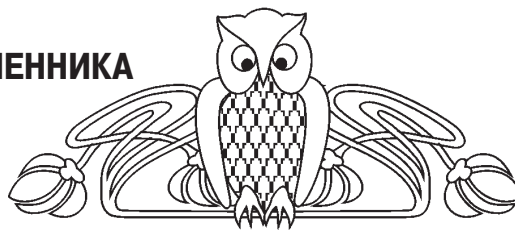
L. N. Chernova

The article examines the issues connected with a foreign contemporary's perception of the urban space of London at the end of the XVI century basing on the analysis of «Travels in England» by Thomas Platter, a Swiss humanist. A particular attention is focused on clearing out the traveler's views on the significance of the city, its size and planning, main elements and landmarks.

Key words: modern urban studies, problem of perception, Tomas Platter, London at the end of the XVI century, urban space.

В последние десятилетия и в зарубежной, и в отечественной историографии возрождается интерес к изучению психологических феноменов¹. Однако применение историко-психологического подхода по-прежнему остается редким явлением, особенно в урбанистике, где примеры такого рода, по крайней мере в российской исторической науке, исчисляются буквально единицами². Именно с этими обстоятельствами связана актуальность обращения к заявленной теме.

Лондону с точки зрения истории урбанизма принадлежит особое место. Традиционно самый крупный и богатый город Англии, центр общенационального и международного значения, не имевший внутри страны сколько-нибудь серьезных конкурентов, он оказывал колоссальное влияние на экономическую, политическую и социокультурную жизнь всего королевства. Вследствие этого изучение различных аспектов лондонской действительности, как справедливо заметила М. М. Яброва, имеет не локальное, а общеанглийское значение «не в том смысле, что

остальные города развивались точно так же, а в том, что, опережая их, Лондон наиболее полно и ярко выражал ведущие тенденции развития страны»³.

В XVI в. Лондон стал одним из важнейших центров западноевропейского мира. Благодаря уникальному сочетанию финансовых, политических и социальных возможностей, «общности экономической жизни Англии и ее централизации»⁴ он совершенно преобразился: заурядный по европейским меркам портовый город на западной границе торговой системы Северной Европы, он превратился в коммерческое ядро новой системы, которая постепенно захватывала мировое лидерство. Кроме того, в Лондоне, наряду с другими городами, формировались многие культурные коды и представления, существующие и сейчас, возникала и отрабатывалась практика использования городского пространства.

Разительные перемены в облике английской столицы делали ее все более популярным местом для посещения, которое входило в обязательный «образовательный тур» европейской молодежи⁵.

Осенью 1599 г. в Лондоне находился 25-летний швейцарский путешественник, студент-медик Томас Платтер (1574–1628 гг.), младший сын известного немецкого (швейцарского) гуманиста Томаса Платтера из Базеля⁶. Платтер-младший совершал поездку по Франции и Англии. Пробыв в Лондоне пять недель, с 18 сентября по 20 октября, в течение следующих шести лет он перерабатывал свои «Путешествия по Англии», содержащие целую главу, посвященную Лондону. Как и его современники, Платтер делал заимствования у других путешественников. Он писал, что когда по возвращении в Базель готовил свой отчет, решил «делать записи по левой стороне листа для того, чтобы, если вдруг пропустит что-то важное, сможет дописать изменения, и оставил место для дополнений, если они будут необходимы»⁷. «Путешествия» Платтера, таким образом, похожи на лоскутное одеяло – содержит записи и его самого, и других путешественников, но отделить одно от другого практически невозможно. Лишь иногда Томас дает понять, что опирается на некие источники, ссылаясь на мнение других. Отсюда встречающиеся в его тексте фразы типа «как говорят», «мне сказали».

Довольно длительный промежуток времени, разделяющий собственно пребывание пу-

тешественника в английской столице и момент письменной фиксации его впечатлений, с одной стороны, вызывает определенные сомнения и трудности, заставляет с большой долей осторожности подходить к тому, о чем и как сообщает Платтер, учитывая в целом субъективность всякого рода личных записей. Но, с другой стороны, нас интересует именно субъективность, отражающая специфику восприятия городского пространства конкретным современником. Надо отдать должное Платтеру: когда он не был уверен в чем-то, о чем писал, обязательно подчеркивал это, не боясь предстать в невыгодном свете. «Если я правильно запомнил», «если я правильно помню» – фразы, иногда встречающиеся в «Путешествиях» швейцарца.

Описание Лондона, представленное Томасом Платтером, – это своеобразный «взгляд со стороны» на лондонскую действительность конца XVI в., позволяющий получить непосредственное представление о внешнем виде и характере города. Попытаемся выяснить, каким видел Лондон этого времени современник – швейцарский путешественник, чему из городской пространственной реальности он уделял внимание и в какой степени и как это отразилось в его тексте?

Уже в самом начале своего повествования Платтер четко определяет значение Лондона, делая ценные замечания относительно того, что он стал «местом, которое путешествующим европейцам стоит посетить ... по отношению к другим городам Англии он занимает главенствующее положение, так как говорят, что не Лондон в Англии, а Англия в Лондоне, поскольку самые замечательные вещи находятся либо в Лондоне, либо в его окрестностях⁸. И тот, кто осмотрит Лондон и королевские дворцы в его окрестностях, может утверждать без колебаний, что он близко познакомился со всей Англией...»⁹. Таким образом, для Томаса Лондон своего рода микрокосм, уменьшенная реплика макрокосма – Англии.

Мы находим у автора представление о планировке и размерах города. При этом отправной и формообразующий элемент для него – Темза, которой лондонцы обязаны возвышением и процветанием своего города. Платтер сообщает, что Лондон «чудесно спроектирован»¹⁰, он «расположен на реке Темза ... которая протекает через город и течет дальше ... множество маленьких улочек ведут к Темзе со всех концов Лондона»¹¹.

Привязка к реке определила вытянутую форму города, которую запечатлел автор, обозревая городское пространство сверху: «Оттуда [с крыши собора Св. Павла] чудесный вид на весь Лондон, какой он длинный и узкий»¹².

Важнейшая характеристика Лондона, на которую путешественник обращает внимание, – это его масштабность. Платтер неоднократно замечает, что «город очень большой, открытый и населенный»¹³, «Лондон большой ... он густо населен»¹⁴, «населен так, что нельзя просто идти

по улицам из-за толпы»¹⁵, «и эта улица [Лондонский мост] выглядит очень оживленной»¹⁶. Такое восприятие города имело под собой серьезные основания. Оценка численности лондонского населения, которое росло довольно быстро и постоянно, может быть только приблизительной, но в литературе приводятся такие цифры: в 1500 г. – свыше 75 тыс. человек¹⁷, в 1565 г. – 85 тыс., а спустя 40 лет – уже 155 тыс. Если добавить сюда жителей той зоны вне городских стен, на которую распространялись городские вольности, то цифры увеличатся еще более чем на 20 тыс. человек¹⁸. Ни в одном из крупных европейских городов не наблюдалось такого бурного роста населения¹⁹.

Общее впечатление о Лондоне у иностранного путешественника дополняется представлением о его делении на части, хотя надо признать, что представление это очень расплывчатое. Платтер в самом общем виде знает, что в городе есть центр (Лондонский мост, как и Тауэр, «находится не в центре города»²⁰), окраины («королевская церковь Вестминстера ... находится ... в полумиле от Лондона, однако не совсем вне города, а в дальнем его конце»²¹) и окрестности, пригороды («в пригороде, у Бишопсгейт»²²), а сам город «разделен на 120 приходов»²³.

Такое восприятие Лондона путешественником неразрывно связано с его представлением о невероятном богатстве города. По словам Платтера, «он [Лондон] такой богатый, что опережает всех не только в этом королевстве, но и во всем христианском мире»²⁴. И далее Томас замечает: «На одной только улице Чипсайд, где живут исключительно ювелиры и банкиры, можно увидеть несметные сокровища и много денег»²⁵; «город большой и дорогой»²⁶. Дороговизну Лондона автор «Путешествий» отмечает неоднократно, что, видимо, может характеризовать и его самого как человека очень рачительного и бережливого – вполне в духе протестантской этики. Особенно это бросается в глаза при описании им посещения Тауэра, где Платтер дотошно фиксирует восемь раз (!) взимавшуюся с него и его компаньонов плату за осмотр тех или иных достопримечательностей²⁷, и постоянно подмечает детали, подтверждающие восприятие им Лондона как чрезвычайно богатого и дорогого города. Так, в Тауэре он видел «множество ... милых вещичек, богато украшенных. Они все очень дорого стоят, поскольку на их изготовление пошло много золота»²⁸. И «гобеленовую скатерть для стола» ему показали «очень дорогую»²⁹, и другой «очень старый гобелен, который хранится в замке уже 500 лет ... очень большой и дорогой»³⁰. А одежда и украшения королевы из гардеробной Уайт-холла, по мнению путешественника, «стоят огромных денег»³¹.

По «Путешествиям» Платтера можно реконструировать и представления автора об основных элементах и ориентирах городского пространства. Все повествование свидетельствует о том, что Темза является для него и важнейшим элементом

городского пространства, и главным ориентиром. Сообщая о посещении той или иной лондонской достопримечательности, Томас обязательно указывает ее местоположение относительно реки. Так, Тауэр расположен «недалеко от Темзы»³², королевская церковь Вестминстера «находится к западу от Темзы»³³, Уайт-холл «расположен выше моста через Темзу...»³⁴ и исправительный дом Брайдуэлл, где содержались и трудились с целью перевоспитания нищие, бродяги, калеки, проститутки, тоже находился «у реки»³⁵.

Именно по Темзе в основном перемещались гости столицы, и Томас Платтер – не исключение: «Посмотрев на все это, мы направились по Темзе к себе в гостиницу»³⁶. «И потом вернулся по Темзе к себе в гостиницу»³⁷, – читаем далее в его «Путешествиях».

С Темзой неразрывно связан еще один важнейший для восприятия путешественника городской элемент – мост: «Над рекой построен ... мост»³⁸, «мост через реку»³⁹, с моста «в трех местах можно спуститься на реку»⁴⁰. Такое внимание Платтера к мосту далеко не случайно. Ведь в любом городе это важнейший элемент в системе городских фортификаций и водных коммуникаций, это также предмет гордости горожан и символ авторитета, престижа города и городского сообщества⁴¹.

Платтер наделяет Лондонский мост несколькими эпитетами и характеристиками, давая его довольно подробное описание: «чудесный мост»⁴², «мост ... каменный, длинный, с 20 арками»⁴³, с башней «в центре [моста]»⁴⁴. И «водяная башня, через которую проходит водопровод, тоже находится на этом мосту»⁴⁵.

Автор «Путешествий» подмечает, что мост больше походит на настоящую улицу – по нему можно «идти ... словно по улице»⁴⁶, поскольку «на нем в ряд выстроены красивые дома цветущих купцов»⁴⁷.

Еще одним ориентиром для путешествующего по Лондону швейцарца служил Тауэр. Стремясь как можно точнее передать расположение моста, Платтер уточняет, что он «находится ... прямо напротив крепости [Тауэра]»⁴⁸.

Немаловажным городским элементом в восприятии швейцарца являются сады. В его представлении Уайт-холл «окружен чудесными садами»⁴⁹, в одном из которых он видел олени; юридические колледжи тоже «окружены садами»; и в Вестминстере есть монастырский сад, где, как отмечает Платтер, он «видел большие плантации винограда»⁵⁰.

В целом Платтер обращает внимание и дает отчет о тех местах, которые в Лондоне не могли игнорировать путешественники и которые входили в стандартную поездку по городу, предлагаемую всем гостям – это Темза, Лондонский мост, Тауэр, Лондонская биржа⁵¹, Вестминстер, Уайт-холл, собор Св. Павла, «знаменитый храм, главный из них»⁵², Гилд-холл, Темпл, театры в Саутуорке

и Айлингтоне. К этим обязательным элементам городского пространства Томас добавляет и некоторые другие: 120 приходских церквей, «кроме трех, где службу ведут на французском, немецком и итальянском и голландском»⁵³, игорные дома, «великое множество гостиниц, таверн и пивных на открытом воздухе, где можно хорошо развлекаться едой, выпивкой, игрой на скрипке и прочим»⁵⁴, тюрьмы, «коих премного по всему городу»⁵⁵.

Восприятие городского пространства Лондона Томасом Платтером социально наполнено. Процветание города он совершенно справедливо связывает с развитием торговли, которую в значительной степени обеспечивает судоходная Темза. Соответственно, как неотъемлемый элемент социально-профессиональной действительности Лондона Платтер отмечает огромное количество лодочников, которые буквально «толпились на берегах [Темзы]»⁵⁶.

В большинстве же своем жители, по его мнению, «заняты коммерцией, они продают, покупают, торгуют по всему миру, к их услугам водные пути, поскольку корабли из Франции, Нидерландов, Германии и других стран приходят в город, доставляя товары и загружая другие взамен привезенных»⁵⁷. Словно в подтверждение этих слов путешественник пишет: «... я сам проплыл на большой галере вдоль всего города от пригорода Св. Екатерины до моста, встретив на пути сотни кораблей, и ни в одном другом порту я не встречал столько кораблей»⁵⁸.

Весьма точно Платтер сумел уловить коммерческий дух английской столицы. Он обращает внимание на то, что «там [в Лондоне] много купцов»⁵⁹, «богатых купцов и банкиров, некоторые из них торгуют дорогими товарами, в то время как другие занимаются только вкладами или оптовой торговлей»⁶⁰.

Большое впечатление на швейцарца произвела уже упоминавшаяся Лондонская биржа – «огромная, как и в Антверпене, однако немного меньше, там два входа и только один большой сквозной коридор, где выставлены все товары на витринах ... Семьсот человек можно встретить там два раза в день, до ланча, в 11 часов, а потом снова после ужина в шесть, покупают, продают, обмениваются новостями – в общем, ведут дела»⁶¹.

В Лондоне, как замечает путешественник, «продаются разные товары»⁶². С этой точки зрения Платтер оказался весьма наблюдательным, запечатлев в своем отчете поистине бурлящую торговую жизнь города. Действительно, к концу XVI в. столичные купцы осуществляли торговлю с Германией и Нидерландами, поставляя туда шерсть, сукно, олово, свинец, пиво и вывозя оттуда шелк; с Францией, где продавали зерно, сукно, олово, свинец и покупали вино⁶³, соль, вайду, смолу, деготь, парусину, брезент; с Испанией, экспортируя сукно, льняные ткани, медь, олово, свинец и импортируя вино, соль, мыло;

с Португалией, поставляя туда пшеницу, масло, сыр, сукно, металлы и вывозя оттуда ост-индские пряности, апельсины, лимоны, масло, соль, масло. В страны Средиземноморья поставляли сукно, олово, шкуры, сельдь и вывозили шелк, хлопок, масло, квасцы; в Балтийский регион вывозили грубые сукна, вино, соль, а забирали оттуда большое количество пшеницы, рожь, канаты, лен, пеньку, смолу, деготь, воск, меха. Московия поставляла им воск, шкуры, меха. На Азорские и Канарские острова и Мадейру продавали пшеницу, сукна, свинец, сахар и закупали там зеленую вайду, вино и сахар. В Северной Африке пользовались спросом высококачественные сукна и оружие в обмен на сахар, селитру, финики, хлопок, черную патоку. В Сирию и Малую Азию вывозили лучшие сукна, свинец, олово, получая взамен хлопок; в испанскую Вест-Индию и в Бразилию шли сукна, льняные ткани, масло, вина, кинжалы и приобретались золото, серебро и драгоценности⁶⁴.

Как человек образованный Платтер обратил внимание и на то, что вокруг собора Св. Павла торговцы и переплетчики торгуют «самыми разными книгами, и на большом крыльце Вестминстерского аббатства купцы продают книги, а в монастырском саду ... обитают студенты и церковники»⁶⁵. Эти штрихи особенно важны в многоплановом портрете елизаветинского Лондона, нарисованном швейцарцем, воспитанным в гуманистической среде.

Не осталось без внимания Платтера и то, что «после войны с Нидерландами и Францией там [в Лондоне] появилось множество семей, которые переселились туда по религиозным причинам»⁶⁶. И далее он замечает, что «их приняли весьма благосклонно, устроили для них специальные места для проведения религиозных обрядов, откуда доносятся молитвы на их родном языке»⁶⁷. Уже на следующий день после приезда в Лондон, 19 сентября, Томас ходил «во французскую церковь и отслужил там службу на французском»⁶⁸. И вообще Платтер обратил внимание на большое количество французов, проживавших в Лондоне: «... я прошел по французской улице, населенной только одними французами»⁶⁹.

Много места путешественник отводит так называемым «горячим точкам» социального пространства Лондона – проблемам бедности, нищеты, проституции, преступности, которые были необычайно актуальны для городской действительности. На протяжении XVI в. наблюдался столь стремительный и мощный поток обедневших и обнищавших сельских жителей, мечтавших найти средства к существованию и поселиться в столице, что Елизавета I, «услышав жалобы и уступив просьбам горожан Лондона»⁷⁰, вынуждена была издать специальную прокламацию, ограничивавшую строительство новых зданий как в Лондоне, так и в его предместьях.

Описывая свое посещение Вестминстера, Платтер замечает, что, «войдя в церковь, увидел

длинный стол, уставленный блюдами с ... мясом, рядом с которыми лежало по шесть английских пенсов. Бедняки ели это мясо и забирали деньги»⁷¹. Видимо, такая благотворительная практика не была знакома Томасу и вызвала у него искренний интерес. «Как мне сказали, у них там так заведено делать дары»⁷², – пишет швейцарец.

В своих «Путешествиях» Платтер не только фиксирует «большое количество тюрем, из окон которых заключенные просят милостыню у прохожих»⁷³, но и пишет о неблагоприятной криминальной обстановке в целом. «Там много убийств и повешений ... Редко бывает такой день судебных заседаний в Лондоне, в любой из четырех дней в году, когда бы ни были повешены 20 или 30 человек, и мужчин и женщин ... стража ходит по улицам каждую ночь, чтобы наказывать преступников»⁷⁴.

По мнению путешественника, «хороший порядок в городе заведен и в отношении проституции, для чего создаются специальные комиссии, и когда они рассматривают дело, то наказывают мужчину заключением и штрафом. Женщин же отправляют в Брайдуэлл, королевский дворец⁷⁵ у реки, где палач бичует их, обнаженных, на глазах у толпы...»⁷⁶. Однако Платтер вынужден признать, что, несмотря на все эти меры, «огромные тучи таких женщин наводняют городские таверны и игорные дома»⁷⁷.

Видимо, сильное впечатление на путешественника произвело посещение 25 сентября королевского госпиталя Христа. Платтер пишет, что «в этом госпитале на полном пансионе содержатся 700 мальчиков и девочек, а читать и писать их учат в специальной школе... Туда попадают дети бедных родителей. В госпитале они содержатся в чистоте – у мальчиков в большой комнате 140 кроватей по каждой стороне, где они спят, а рядом стоят небольшие сундучки, где они хранят свою одежду. Девочек меньше, и комната у них поменьше»⁷⁸. Но содержат их там, «пока они не постигнут ремесло, затем их забирают оттуда или выгоняют, и они полагаются уже только на себя»⁷⁹.

На расстоянии, отмечает Платтер, был другой госпиталь, «где в изоляции содержат больных сифилисом, раненых содержат и кормят отдельно»⁸⁰.

Путешественник не обошел вниманием и политическое пространство города. Прежде всего он фиксирует то, что связано с королевской властью и королевой. Это относится, казалось бы, к деталям, но именно они попадают в поле зрения иностранца. Первое, что он отмечает: «На реке можно видеть множество лебедей, и строжайше запрещено ловить их, поскольку они собственность Ее Величества»⁸¹. Далее: на лодочной стоянке на Темзе «я ... увидел королевскую баржу, красиво убранную, с трапами»⁸².

Томас Платтер исключительно в восторженных тонах, не избегая очевидного преувеличения, пишет о Елизавете I, отдавая должное богатству, образованности и вкусу королевы. Он отмечает

ее «одежду и украшения, которые стоят огромных денег»⁸³, пишет о королевской библиотеке, «где было много книг на латыни, написанных ее [Елизаветы] рукой, очень разборчиво»⁸⁴. Путешественник особо подчеркивает, что «она также может говорить на итальянском, испанском и французском»⁸⁵. Как на человека образованного, воспитанного в гуманистической культурной среде, на Платтера произвели впечатление покои королевы и многие предметы, в них находившиеся: «В некоторых залах я видел королевские органы и спинеты, на которых она [Елизавета] играет, изящно сделанные диваны, бесчисленное количество часов всех размеров. Мы видели в этом дворце [Уайт-холле] индийскую кровать с индийским балдахином и индийский столик ... Там было много портретов в полный рост, ... очень искусно написанных и правдоподобно»⁸⁶.

Таким образом, английская королева в восприятии путешественника – это олицетворение богатства, красоты, образованности и культуры Англии. Понятна поэтому его крайне негативная реакция на выступления мятежников. В этой связи Платтер посчитал необходимым упомянуть еще об одной весьма специфической достопримечательности Лондона, имеющей непосредственное отношение к королевской власти. Он пишет: «На верху одной из башен в центре моста на колья накололи головы знатных людей, которых обезглавили за измену или другие причины»⁸⁷. И путешественник с удивлением замечает, что «их родственники гордятся этим фактом и, проплывая мимо на лодке, показывают пальцами на головы своих сородичей, полагая, что возвысят себя в глазах других, если те будут знать, что у них такие знатные родственники, что они даже могли претендовать на корону, но, не обладая достаточным влиянием и силой, чтобы достичь этого, были казнены как бунтари»⁸⁸. Относительно такого поведения родственников казненных Платтер высказывает собственное мнение, характеризующее его как роялиста и противника антимонархических выступлений: «... они полагают за честь то, что должно было бы считаться бесчестьем»⁸⁹.

Платтер не прошел мимо городского управления, о котором отозвался в необычайно идеализированных тонах, весьма далеких от реальности. По его мнению, «город управляется как республика самими бюргерами без участия королевских советников ... И они распоряжаются основной долей городских доходов. А их глава называется первым лордом, или бургомистром, и ежегодно избирается из бюргеров. У него должен быть годовой доход, по меньшей мере, сотня тысяч английских фунтов ... Он обязан проводить ежедневные собрания, на которые горожане и приезжие, мужчины и женщины, могут приходиться без запрета»⁹⁰.

Таким образом, городское пространство Лондона, в представлении Томаса Платтера, многослойно и многофункционально. В нем можно выделить несколько уровней – это так называемое

топографическое пространство, в котором внимание путешественника привлекли традиционные, «знаковые» элементы – прежде всего Темза и Лондонский мост, – одновременно служившие для него важнейшими ориентирами. Швейцарец совершенно справедливо отметил демографический «взрыв», переживаемый Лондоном в XVI в., стремительный рост его богатства, торговой активности, непосредственно отразившийся на структурировании и наполненности городского пространства. Не менее наблюдательным Платтер оказался и в плане восприятия и фиксации так называемого социального пространства. Он весьма точно подметил «болевы точки» английской столицы, связанные с постоянным притоком сюда массы нищих и обездоленных, последствия Реформации, в результате которой в Лондоне оказалось множество иммигрантов – французов, немцев, фламандцев. Более субъективны и наименее реалистичны представления Томаса Платтера о политическом пространстве города. Во многом это объясняется и его собственными политическими убеждениями, и тем, что с «пространством власти» он соприкасался именно как путешественник, которого радушно принимали в доме мэра, которому демонстрировали в первую очередь историко-культурные достижения, сконцентрированные в королевских дворцах и замках. Политическое пространство города оказывается тесно связанным с культурным пространством (или «пространством туриста»), что должно стать предметом специального изучения.

Примечания

- 1 См., напр.: *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991 (1947); *Мандру Р.* Франция раннего Нового времени, 1500–1640. Эссе по исторической психологии. М., 2010 (1968); *Деломо Ж.* Ужасы на Западе. М., 1994; *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М., 2001.
- 2 См.: *Лазарев А. В.* Городское пространство Парижа XV – первой половины XVII в. глазами современников: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
- 3 *Яброва М. М.* Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI в.). Саратов, 1983. С. 35.
- 4 *Штокмар В. В.* Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1973. С. 51.
- 5 Известно, например, что в августе 1562 г. Лондон посетил молодой венецианский купец Алессандро Магно, оставивший интересные путевые заметки (см.: *The London Journal of Alessandro Magno 1562 / ed. by C. Barron, C. Coleman and C. Gobbi // The London Journal. 1983. Vol. 9, № 2.*) В 80–90-х гг. XVI столетия здесь побывали Леопольд фон Ведель (1584 г.), Фредерик, герцог Вюртембергский (1592 г.), Пол Ханцнер (1598 г.), барон Вальдстайн (1598 г.) и др. Все они оставили дневники-отчеты, которые можно рассматривать как проявление представлений ренессансных гуманистов о путешествии как важной части культурного образования (см., напр.: *The Journals of Two Travelers in Elizabethan and*

- early Stuart England. L. 1995 ; The Image of London : Views by Travelers and Émigrés 1550–1920 / ed. by M. Warner. L., 1987).
- 6 Томас Платтер-старший (1499–1582) известен как ученый, друг Эразма Роттердамского и почитатель Ульриха Цвингли, проповедь которого в Цюрихском соборе в 1519 г. произвела на него очень сильное впечатление, о чем он впоследствии записал в своей «Автобиографии» (см.: URL: <http://www.biblicalstudies.ru/Books/Spitc0.html> [дата обращения: 15.02.2010]). Старший сын Томаса Платтера-ст., Феликс, был известным врачом и одним из основоположников медицинского образования в университете Базеля. А Томас Платтер-мл. стал профессором ботаники, анатомии и практической медицины.
- 7 Thomas Platter's Travels in England // London 1066–1914 : Literary Sources and Documents / ed. and with Introductions by X. Baron : in 2 vols. Mountfield, 1997. Vol. 1 : Medieval, Tudor, Stuart and Georgian London. 1066–1800. P. 187–188.
- 8 Платтер не раз отмечает, что Лондон «полон до краев любопытными вещами» (Thomas Platter, A Swiss Tourist in London. URL: http://www.wwnorton.com/college/english/nael/16century/topic_4/tplatter.htm (дата обращения: 20.01.2010)).
- 9 Thomas Platter's Travels in England. P. 188.
- 10 Ibid. P. 189.
- 11 Ibid. P. 188.
- 12 Ibid. P. 196.
- 13 Thomas Platter, A Swiss Tourist in London.
- 14 Thomas Platter's Travels in England. P. 189.
- 15 Thomas Platter, A Swiss Tourist in London.
- 16 Thomas Platter's Travels in England. P. 189.
- 17 См.: Gray R. A History of London. L., 1978. P. 141. В Англии ни один город не мог сравниться с Лондоном. Достаточно отметить, что к 1547 г. в Нориче было 17 тыс., а в Бристоле 10 тыс. жителей, а это крупнейшие после Лондона города Англии (см.: Ramsey P. Tudor Economic Problems. L., 1966. P. 10–11 ; Lander A. R. Government and Community of England. 1450–1509. L., 1980. P. 17).
- 18 См.: Beier A. L. Social problems in Elizabethan London // The Tudor and Stuart town. A Reader in English Urban History, 1530–1688 / ed. by J. Barry. L. ; N. Y., 1990. P. 123 ; Акройд П. Лондон. Биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М., 2007. С. 131.
- 19 Показательно, что в 1550 г. по численности населения Лондон занимал 17 место среди городов Европы, в 1600 г. четвертое, а в 1700 г. – первое место, став крупнейшим городом Западной Европы (см.: Евсеев В. А. Английский город в Тюдоровскую эпоху : Регионы и города. Иваново, 1995. С. 117).
- 20 Thomas Platter's Travels in England. P. 189.
- 21 Ibid. P. 196.
- 22 Ibid. P. 195.
- 23 Ibidem.
- 24 Ibid. P. 189.
- 25 Ibid. P. 190.
- 26 Ibidem.
- 27 Ibid. P. 191–193.
- 28 Ibid. P. 192.
- 29 Ibidem.
- 30 Ibidem.
- 31 Ibid. P. 194.
- 32 Ibid. P. 191.
- 33 Ibid. P. 196.
- 34 Ibid. P. 193.
- 35 Thomas Platter, A Swiss Tourist in London.
- 36 Thomas Platter's Travels in England. P. 197.
- 37 Ibidem.
- 38 Ibid. P. 188.
- 39 Ibid. P. 189.
- 40 Ibidem.
- 41 См.: Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. С. 257–258.
- 42 Thomas Platter's Travels in England. P. 188.
- 43 Ibid. P. 189.
- 44 Ibidem.
- 45 Ibidem.
- 46 Ibidem.
- 47 Ibidem.
- 48 Ibidem.
- 49 Ibid. P. 193.
- 50 Ibid. P. 197.
- 51 Ibid. P. 190.
- 52 Ibid. P. 195.
- 53 Ibidem.
- 54 Thomas Platter, A Swiss Tourist in London.
- 55 Ibidem.
- 56 Thomas Platter's Travels in England. P. 188.
- 57 Ibid. P. 189.
- 58 Ibid. P. 188.
- 59 Ibid. P. 189.
- 60 Ibid. P. 189–190.
- 61 Ibid. P. 190.
- 62 Ibid. P. 189.
- 63 Путешественник особо отметил, что в Лондоне продают любые вина – «легкие и крепленные [вина], греческие, испанские, французские и немецкие», которые «можно купить за приемлемую цену из-за низких морских ввозных пошлин» (Ibid. P. 191).
- 64 См.: Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, 1953. Appendix. P. 78–107.
- 65 Thomas Platter's Travels in England. P. 196.
- 66 Ibid. P. 189.
- 67 Ibidem.
- 68 Ibidem.
- 69 Ibid. P. 197. Во второй половине XVI в. число приезжих из других стран росло в Лондоне в геометрической прогрессии, что делало город поистине космополитическим: пивовары, переплетчики и ткачи из нидерландских провинций, портные и вышивальщики из Франции, оружейники, красильщики, стекольщики из Италии и других стран (см.: Акройд П. Лондон. Биография. С. 134). В 1567 г. иммигрантов из Франции, Фландрии, Италии, Германии в Лондоне насчитывалось

около 2700 человек, из которых 2 тыс. – фламандцы и более 400 – французы, в 1579 г. число иммигрантов удвоилось, достигнув 5 тыс. человек (см.: *Clarkson L. P. The Pre-industrial economy of England. L., 1971. P. 68*).

⁷⁰ Proclamation of Queen Elizabeth against new buildings in and about London // *The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London / ed. by W. G. Birch. L., 1887. P. 128–131.*

⁷¹ Thomas Platter's Travels in England. P. 196–197.

⁷² Ibid. P. 197.

⁷³ Thomas Platter, A Swiss Tourist in London.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Этот дворец был построен при Генрихе VIII и изначально предназначался для размещения иностранных послов и монархов. В 1550 г. дворец отдали для нужд бедных. К тому времени в примерно 80-тысячный Лондон прибыло около 12 тыс. бедняков со всей страны. В результате Брайдуэлл вскоре стал не убежищем, а первым в Англии исправительным домом. Обитатели его занимались чесанием шерсти и прядением, в качестве наказания полагалась чистка канализации или работа

на мельнице. Место получило большую известность и в итоге стало обязательной для посещения «галочкой» для гостей столицы. Желаящих посмотреть на работающих и порку полуобнаженных проституток стало так много, что пришлось даже построить галереи с балюстрадами, чтобы вместить зрителей.

⁷⁶ Thomas Platter, A Swiss Tourist in London.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Thomas Platter's Travels in England. P. 197.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Ibidem.

⁸¹ Ibid. P. 188.

⁸² Ibid. P. 189.

⁸³ Ibid. P. 194.

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ Ibidem.

⁸⁷ Ibid. P. 189.

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Ibidem.

⁹⁰ Ibid. P. 190.

УДК 94(44)“72”Пакье

ТРАКТОВКА БРИТАНСКОЙ ИСТОРИИ В ТРУДАХ ИСТОРИКА Э. ПАКЬЕ

И. Я. Эльфонд

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: iyelfond@mail.ru

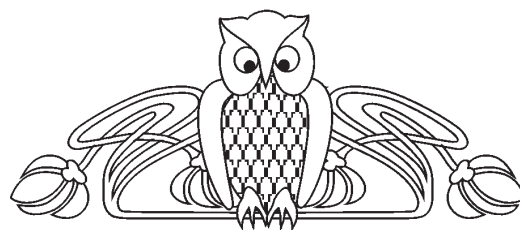
Статья посвящена специфике интерпретации британской истории французским гуманистом Э. Пакье. В статье сделана попытка показать особое отношение французского историка к английскому народу и раскрыть пути формирования образа традиционного врага на основе анализа фактов английской и французской истории в эпоху Великого переселения народов, борьбы Англии с Францией в Средние века. Пакье уделяет особое внимание религиозному противостоянию в эпоху Реформации и трагической судьбе Марии Стюарт. Содержание статьи доказывает, что негативная оценка англичан Э. Пакье служит ему для создания образа чужого и пропаганды толерантности.

Ключевые слова: английская история, англ. и англичане, этнос, вторжения, войны, религиозный конфликт, образ чужого.

The Treayment of British History in the Works of Historian E. Pasquier

I. Ja. Elfond

The paper deals with specificity of a representation of British history by French humanist E. Pasquier. The author attempts to present the special attitude of French historian towards English nation and to find out the ways in forming the image of traditional enemy due to analysis of English and French history's facts during the Great Migrations, and poque of medieval struggle between England and France. Pasquier devotes the intent attention to Religious confrontation during the Reformation and to the tragic fate of Mary Stuart. The paper's content

demonstrates that Humanist's negative concept of Englishmen served to creation of image of alien and propoganda of tolerance.

Key words: English history, Angles and Englishmen, ethnos, invasions, wars, religious conflict, image of alien.

Гуманист Э. Пакье, входивший в кружок «Плеяды» и бывший близким другом Ронсара, – один из крупнейших французских гуманистов XVI в. Автор любовных стихов, диалога о сущности любви «Монофил», блестящих исторических писем и политических трактатов прославился также как юрисконсульт и историк-эрудит¹. Он оставил гигантский труд «Изыскания о Франции», где изложена новая концепция развития истории, поскольку он был едва ли не единственным историком своего времени, полагавшим, что история движется в направлении прогресса, а развитие человечества обусловлено не столько завоеваниями и политическими учреждениями, сколько цивилизационными факторами – развитием городов и культуры, которую он усматривал прежде всего в развитии литературы². Поэтому-то и «Изыскания» принимали свой необычный вид: первое издание, вышедшее в свет в 1561 г., было *in octavo* и в нем насчитывалось окол 300 страниц; в многочисленных переизданиях автор расширил

свое детище, добавляя все новые и новые разделы, так что издание 1643 г., подготовленное автором незадолго до смерти в 1619 г., было *in folio* и объемом более 1000 страниц. Второй особенностью этого исследования стала концентрация автора исключительно на истории Франции и французского народа, в том числе институциональной и этнической истории, истории церкви, средневековой французской литературы, куда он включает и все написанное на окситанском языке, и истории образования³. Несмотря на то что главным объектом исследования являются судьбы Франции, Пакье в своем труде уделяет значительное внимание истории только одного народа – англичан.

Детально к фактам английской истории он обращается в связи с четырьмя историческими проблемами: во-первых, расселение германцев в Европе; во-вторых, взаимоотношения Франции и Анжуйской империи; в-третьих, перипетии Столетней войны, и, наконец, в-четвертых, судьбы британских монархов. Решение всех этих проблем строилось на определенной оценке как самого этноса, так и его роли в европейской истории. При анализе вопроса о генезисе французского народа (а в историографии к этому времени уже утвердилась синтезная концепция) Пакье обращается к общей проблеме контаминации этносов в ходе Великого переселения народов, по его определению, германских «жестоких и грубых племен»⁴. При этом он особо выделяет судьбы Великобритании. Бритты, согласно концепции Пакье, были автохтонным населением, так что «сам остров был назван Британия..., поскольку они были там хозяевами с незапамятных времен еще до рождения Христа». Пакье отмечает свой источник – сочинение Бэды Достопочтенного. Однако во времена Феодосия и Валентиниана их земли подвергались жестоким вторжениям со стороны пиктов и скоттов и не получали помощи от римлян. После многократных тщетных обращений за помощью они «вынуждены были избрать короля Вортигерна (sic!) из своего народа (nation) и по его совету призвали на помощь германские племена англов и саксов»⁵. Его видение последствий этого приглашения (хотя он и не обвиняет Вортигерна), вероятно, восходит к Гильдасу⁶. Речь идет о жестоким этническом конфликте и подчеркивается печальная судьба автохтонного населения в результате деятельности завоевателей: «Саксы и англы, после того как подавили пиктов и скоттов, загнав их в уголок страны к вящей выгоде Великобритании, затем распространились по всей территории, изгоняя первых обитателей из их собственных поселений и поместий»⁷. Пакье считает нужным указать на вынужденное переселение бриттов во Францию, отметив, что часть современных французов происходит из Великобритании. Оценка гуманиста недвусмысленна, и он подчеркивает истинность своих тезисов, причем указывает, что ее разделяют и английские историки: «...англы ... вытеснили древних брит-

тов на оконечность острова, называвшуюся Уэльс. Вот по этой-то причине бритты всегда помнили о зле, которое они претерпели от англов, и королевство Уэльс на протяжении нескольких сот лет существовало отдельно от Англии»⁸.

Этим притеснением автохтонного населения он и объясняет массовую эмиграцию на континент, во Францию. Данный процесс историк, по-видимому, считает одной из первых причин вражды между французами и англичанами: «... бедные бритты в итоге вынуждены были покинуть остров, оставив королевство в руках англов»⁹. Автор, таким образом, полагал, что уже в самом начале английской истории она характеризовалась раздорами между этносами, завоеваниями и преследованием коренного населения. Поэтому вторжение скандинавов, а позднее и завоевание норманнами толкуется как справедливое воздаяние англам и саксам: «Вильгельм подчинил Англию, показав своим преемникам путь и средства удерживать этот буйный народ в узде»¹⁰. Гуманист, рассматривая историю правления нормандской династии, отмечает «страшную грубость и жестокость правителей при полном незнании природы страны»¹¹. Так закладывается основа для оценки и характеристики английского народа и в позднейшие времена.

Естественно, что оценка действий англичан в дальнейшем (особенно в Столетней войне, которую Пакье называет «войны с англичанами») дается также с негативных позиций, а события трактуются в антианглийском духе. По мнению историка, англичане – исконные враги, которые губят страну, пользуясь местными раздорами, и в результате «герцог бургундский удерживал короля, дофин был изгнан, англичане находились в сердце королевства, дворянство либо погибло, либо оказалось в плену после битвы при Азенкуре»¹². Их монархи (Генрих V в особенности) стремились «только к тому, чтобы расширить свои владения благодаря нашей гибели»¹³. Азенкур провозглашался страшным для Франции днем, когда «весь цвет французского дворянства был истреблен англичанами»¹⁴. Пакье рисует трогательный образ Жанны д'Арк, которую послал сам Бог, но по произволу англичан «бедная невинная девушка была казнена»¹⁵. Весь процесс над Жанной, как и другие события, связанные со Столетней войной, он объясняет скорее психологическими качествами народа и его правителей – жестокостью, жадностью, аморальностью и т. п. Естественно, что подобное поведение не могло быть угодным Богу, тем более что англичане, как утверждал Пакье, были склонны к ереси уже тогда; он доказывал, что «ересь английского доктора Джона Виклефа, который начал писать против церковных традиций и выступать против них», была началом Реформации¹⁶. Виклеф провозглашался первым среди реформаторов, обречшим англичан на ересь вплоть до современной автору эпохи; по мнению Пакье, «яд отравил бедных

английских католиков». Однако воля Бога, по утверждению Пакье, противостояла действиям англичан, и спровоцированный англичанами в своих целях судебный процесс «оказался началом их бедствий». Справедливый суд Божий решил дело в пользу французов: «В конце концов все эти продолжительные бедствия окончились, и англичане были изгнаны из Франции благодаря отваге полководцев короля»¹⁷.

Ключом к пониманию позиции гуманиста служит одна короткая фраза: «Людовик XI считал, что величайшим врагом страны являются англичане, весь английский народ (*les Anglois*) безо всякого исключения».

Однако тон и стиль Пакье совершенно меняются в том единственном фрагменте его труда, который вообще никак не связан с французской историей. Сразу же после февраля 1587 г. в следующем издании публикуется отдельная глава, посвященная казни Марии Стюарт, где детально дается изложение событий в Англии после суда над Марией Стюарт. Глава появилась явно под впечатлением от сообщения о казни королевы, и построена она на противопоставлении не только Елизаветы и Марии, но и шотландской королевы и англичан. Разумеется, французы, особенно католики, могли сочувствовать трагической судьбе королевы Шотландии – старой союзницы Франции, сама личность Марии как дочери французской принцессы и вдовствующей королевы Франции была, конечно, им ближе. Но во всем данном фрагменте заметна совершенно новая нотка. Разумеется, английская сторона показана и здесь резко негативно, но акценты расставлены иначе. Впервые Пакье выражает различное отношение к англичанам, разделяя их по конфессиональной принадлежности и подчеркивая, что трагическая судьба шотландской королевы неотделима от печальной участи преследуемых английских католиков. Англичан он осуждает уже не как нацию, а как последователей протестантизма, причем для него все течения Реформации едины, он их не дифференцирует. В трактовке Пакье в Англии правят пуритане, сама Елизавета насаждает лютеранство, да еще наряду с пуританами упоминаются кальвинисты.

Образ же Марии Стюарт подается как невинной мученицы и жертвы страха и религиозного озлобления. Он очищается и возвышается трагичностью конца: автор не упоминает о причинах, по которым Мария оказалась в Англии, он не вспоминает ни о восстании против нее на родине, ни о скандалах, связанных с ее именем, ни о ее кознях в Англии. Речь идет только о ложных обвинениях и незаконном содержании в заточении: «После того как эта бедная принцесса удерживалась в Англии как пленница на протяжении девятнадцати лет, ее обвинили на их собрании сословий, которое там называется парламентом, в том, что она подвигала других лиц покушаться на жизнь английской королевы»¹⁸. Объяснение происходя-

щего просто – вероотступники мстят несчастной жертве за ее верность католической религии: «Эта бедная принцесса (подобно скале среди волн) была в любых несчастиях верна нашей Католической апостолической римской религии, что изумляло английских вельмож, которые исповедовали кто лютеранство, кто кальвинизм в страхе, что могут рассердить свою королеву»¹⁹. Интерпретация событий отличается целым рядом специфических искажений. Прежде всего суд над Марией Стюарт не был связан с парламентом и тем более с собранием сословий. Здесь явно сказалось общее негативное отношение Пакье к сословному представительству как учреждению. Второй мотив сразу же показывает, что все оценки французского историка определялись отношением к противостоянию двух конфессий. Неслучайно он мотивирует решение судей самыми недостойными чувствами – страхом и религиозной беспринципностью. В его трактовке преследование только усиливается вследствие того, что жертва является ближайшей наследницей английского престола и может наступить расплата: «Зная, что та наиболее близка [к Елизавете] по крови и потому может достичь короны, они и вели процесс». Поэтому решение Елизаветы трактуется Пакье как вынужденное, принятое под давлением беспринципных или оголтелых протестантов, в его интерпретации английская «королева поддалась их настояниям и назначила исполнение приговора на 1 февраля 1587»²⁰. Невозможно установить, каким источником Пакье пользовался, свою версию он преподносит как совокупность общеизвестных фактов, но решение Елизаветы совпадало с мнением правящих кругов Англии, она «взвесила и прорисовала все»²¹.

Автор подчеркивает силу духа Марии Стюарт: «Эта дама поняла, что новости касаются ее близкой смерти, но продемонстрировала величие души и храбрость, так что велела передать им, что она им рада, и уселась, чтобы дать аудиенцию посланцам собственной смерти». Пакье изображает ее великой жертвой верности католицизму и, по сути, мученицей за веру: «Благодаря столь жестокой несправедливости по отношению ко мне будет разрушена тюрьма моих страданий, а я достигну небесного блаженства»²².

Религиозная подоплека сложившейся ситуации доказывается и упоминанием о недостойном поведении посланцев Елизаветы, которые отказали приговоренной королеве в исповеди католическому духовнику, навязчиво предлагая священника-протестанта. При этом Пакье рисует кроткую реакцию обреченной: «Она сразу вернула голову в другую сторону, умоляя этих господ, чтобы они не вынуждали ее тщетно пойти против ее совести и веры. И стиснув руки и подняв глаза к небу, она стала возносить молитвы Господу то по-французски, то по-латыни». Последнее сообщение выглядит несколько странно для верующего католика – едва ли фанатичная католичка тогда могла молиться на каком-то другом языке, кроме латыни.

Пакье при описании последних часов жизни Марии подчеркивает исключительно ее устремленность к религии, о каждом моменте повествуется согласно привычным топосам христианской житийной литературы. Все выдержано в строгих трагических тонах. Даже обычные события описываются как подготовка к мученичеству. Именно так Пакье рисует последнюю трапезу в жизни королевы: сцена выстраивается как параллель событиям Тайной вечери. Таковы и изложение обращения королевы к слугам в попытке их утешить, и реакция слуг на речь их повелительницы: «Они подчинились, опустили на колени и, роняя слезы в свое вино, выпили за свою госпожу, смиренно умоляя ее простить их, если они ее чем-то оскорбили. Она простила их от всего сердца, в ответ также испросив их прощения». Пакье комментирует эту сцену: «...трудно сказать, что было более трогательно – то ли как они плакали, то ли как она их утешала»²³. Большую часть времени Мария отдает молитвам, и в трактровке Пакье ее буквально отрывают от алтаря, чтобы вести на заклание. Историк отмечает, что «те немногие мгновения жизни, что ей оставались, казались им все равно слишком долгими», и вкладывает в уста Марии возвышенную готовность принять мученичество: «...пусть откроют двери, настало время мне покинуть эту земную тюрьму»²⁴. Удивительно, что при такой точности в деталях Пакье вполне может путать имена и приводит их (даже имя Мелвилла) в невероятной транскрипции.

Пакье как историк-гуманист использует традиционный для гуманистической историографии прием – вставную речь. Он вкладывает в уста королевы Шотландии после прочтения приговора, да еще на эшафоте, длинную речь, произнесенную «храбрым и твердым голосом», в которой она излагает свою версию произошедшего. По сути, эта речь просто не могла быть произнесена в подобном месте, это речь самого автора, а материал почерпнут из источника, который явно излагает версию приверженцев Марии. Показательно, что старые биографии Марии включают в описание казни эту речь²⁵, но в современных исследованиях она отсутствует²⁶. В речи подчеркиваются статус Марии и ее неподсудность Англии: «Милорды, я рождена королевой и не подвластна вашим законам, я вдовствующая королева Франции, наследница английской короны... У вас нет никакой юрисдикции в отношении меня». Пакье в этой речи излагает свою позицию: «...на протяжении девятнадцати лет против всякого божественного и человеческого права насильно содержалась в заключении там, куда я пришла искать убежища»²⁷. Пакье восхищается гордостью жертвы, которая склоняется только перед Богом и просит прощения только у него.

Но главное в его изложении то, что королева Мария называет причиной своей гибели верность религии и открыто заявляет, что казнь дает ей ве-

нец мученицы: «...передайте это вашей королеве, что этот смертный приговор я воспринимаю как пропуск в Рай, а казнь, которую вы считаете позорной, я принимаю как знак славы»²⁸.

О ее былых проступках историк не упоминает, но отмечает в ее же речи: «Если я и совершила проступок, конечно же, девятнадцати лет заключения вполне достаточно, чтобы искупить терпением на протяжении всей жизни грех перед Богом, чтобы заслужить прощение людей, которые поразмышляют о моем ранге и о том, что каждый день тюрьмы был более горьким испытанием, чем внезапная смерть, которую я должна выстрадать»²⁹. Зато англичане обвиняются не только в гибели самой Марии, но и в преследовании меньшинства: «Вы, господа пуритане, которые руководят делами в этой стране, достаточно умны, чтобы доставлять бедствия английским католикам»³⁰. Мимоходом протестанты обвиняются и в искажении сущности христианской веры.

Очень важен еще один момент. Пакье явно критически оценивает свой источник, на который опирается. Вероятно, он сомневался в точности фактов и верности их интерпретации. Во всяком случае он считает необходимым отметить: «...что до меня, а наши мысли свободны, то у меня нет никаких сомнений в том, что все сказанное этой дамой перед своей смертью является истиной»³¹. Прежде всего, значит, уже тогда высказывались сомнения в содержании этой речи на эшафоте, а возможно, и в ее существовании. Пакье полностью разделяет все то, что он вложил в уста казненной королевы.

Особое место в тексте Пакье занимает оценка действий Елизаветы. Он вообще оказался одним из первых историков, кто рассмотрел антагонизм Марии и Елизаветы. Английская королева изображается чуть ли не марионеткой, которая в знак благодарности протестантам, что оказалась на троне, «рассадилась ересь Мартина Лютера». Облик Елизаветы дополняется и характеристикой ее методов правления (словно речь идет о Марии Кровавой): «...чтобы утвердиться, она заставила слететь с плеч головы бедных католиков, которые не могли снизойти до нее. А другие католики удалились в изгнание». Беспринципности, трусости, жестокости противопоставляются стойкость, мужество и верность вере со стороны слабой женщины: «...долгое время моего предательского заключения ничего не изменило во мне, я сохранила свое мужество в отношении Божественных дел и верность моей католической вере, которая соответствует пути природы и закона, так что вы боитесь, что принцесса, воспитанная в папистской (как вы ее называете) религии, будет призвана к абсолютной власти в государстве».

Трагичность ситуации еще более нагнетается благодаря описанию реакции англичан на эту казнь: «...завонили все колокола Лондона и везде зажигались потешные огни и организовывались пирушки в знак радости»³².

К этой патетической сцене добавляется комментарий автора: «Я никогда не читал ни о подобной суровости, если не сказать жестокости, подобной той, которая была проявлена к этой даме, ни о верности вере, которую она доказала». Французский историк не боится оценивать поведение Елизаветы как низость, недостойную женщины, королевы и родственницы; по его мнению, «королеву предали смерти постановлением другой королевы, в которой должно было бы проявиться по природе большее милосердие»³³.

Пакье в целом оценивает государственную деятельность Елизаветы как один из лучших примеров правления женщин, рассуждая «о величии некоторых государынь». Он отмечает, что именно Елизавета достигла наибольших успехов, отказавшись от женских слабостей. Однако называя ее первой из пяти современных ему государынь (кроме нее это Екатерина Медичи, Жанна д'Альбре, Маргарита Пармская и правительница Португалии инфанта Элеонора), правящих «мудро и благоразумно»³⁴, историк считает казнь королевы Шотландии самым показательным из недостойных поступков английской королевы. Неслучайно далее в книге он пишет, что проклятие жены Генриха I Маргариты Шотландской (чтобы ее потомство жило в раздорах) «коснулось не только третьего и четвертого поколения, но продолжается до наших дней». Исполнение его он связывает как раз с тем, что «в 1587 королева Елизавета казнила свою родственницу королеву Шотландскую Марию Стюарт, после того как держала ее в своих тюрьмах на протяжении девятнадцати лет»³⁵. Тем самым всему придается еще моральный, символический и фаталистический оттенок.

Тем не менее он неоднократно отмечает, что суть произошедшего заключалась не в проклятиях, не в заговоре, а в противостоянии религий. И резюме – дело недостойное, его могли свершить только люди абсолютно беспринципные в вопросах веры. Но жертва превзошла своим величием мелкие дрязги и споры: «...она торжествовала не только над смертью, но и над королевой английской»³⁶. Моральное превосходство, согласно этой версии, на стороне казненной Марии. Пакье придает своей версии очень специфический оттенок – значение этой казни он оценивает как неизбежное жертвоприношение во имя объединения двух народов, которое обеспечено в результате гибели одной из королев. Жертва принесена не только торжеству католицизма, но и делу объединения страны и утверждению религиозной толерантности.

Таким образом, французский историк интересуется английской историей и ее персонажами гораздо больше, чем любыми другими народом и страной (кроме Франции). Однако все его оценки свидетельствуют, что он, собственно, конструирует образ чужого так, как это обычно делалось в данный период; однако рисуя негативный образ былого врага, судя по всему, он и продолжает

оценивать англичан как главного врага Франции. И все же если средневековые события скорее должны были вызывать у читателя отвращение, ненависть и презрение и трактуются как противостояние двух народов, то в основу всех оценок событий XVI в. заложено осуждение непримиримой религиозной конфронтации и негативные оценки распространяются только на «нехороших» протестантов всех оттенков. Для Пакье, как правило, пропагандирующего толерантность³⁷, необычен уже сам подобный подход. Тем не менее отношение к англичанам при любых условиях скорее негативное. Образ врага воплощен им как раз в англичанах, что в условиях гражданских войн, когда одна часть французского населения усматривала врага в испанцах, а другая в немцах, было явлением исключительным. Подобная попытка восстановить образ врага, давно утративший свою актуальность, оказалась довольно редкой и неожиданной для конца XVI в.

Примечания

- 1 См.: *Boutiller P. Recherches sur la vie et la carrière d'Etienne Pasquier, historien et humaniste du XVIe siècle.* P., 1989; *Эльфонд И. Я.* Кабинетный ученый и бури гражданских войн: Этьен Пакье // *Человек XVI столетия.* М., 2000.
- 2 См.: *Kelley D. Foundations of modern historical scholarship.* N. Y., 1970.
- 3 См.: *Bütler R. Nationales und universales Denken im Werke Estienne Pasquier.* Basel, 1948; *Sweany S. Estienne Pasquier (1529–1615) et nationalisme littéraire.* P., 1985.
- 4 *Pasquier E. Les Recherches de France.* P., 1633. P. 14.
- 5 *Ibid.* P. 30.
- 6 См.: *Гвоздецкая И. Ю.* Англосаксонская история в лицах и конфликтах. Иваново, 2001. С. 10–14.
- 7 *Ibid.* P. 15.
- 8 *Ibid.* P. 31.
- 9 *Ibidem.*
- 10 *Ibid.* P. 33.
- 11 *Ibidem.*
- 12 *Ibid.* P. 255.
- 13 *Ibid.* P. 449.
- 14 *Ibid.* P. 253.
- 15 *Ibid.* P. 454.
- 16 *Ibid.* P. 251.
- 17 *Ibid.* P. 463.
- 18 *Ibid.* P. 500.
- 19 *Ibidem.*
- 20 *Ibidem.* Фактическая ошибка Пакье – казнь была назначена на 8 февраля.
- 21 *Дмитриева О. В.* Елизавета I. М., 1998. С. 135.
- 22 *Pasquier E.* *Op. cit.* P. 502.
- 23 *Ibid.* P. 500.
- 24 *Ibid.* P. 501.
- 25 См.: *Dargaud J. M. Histoire de Marie Stuart: in 3 vols.* Bruxelles, 1851. Vol. 3. P. 222.

²⁶ См.: Fraser A. Mary Queen of Scots. N. Y., 1984. P. 621.

²⁷ Pasquier E. Les Recherches de France. P. 502.

²⁸ Ibid. P. 503.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibid. P. 503.

³¹ Ibid. P. 504.

³² Ibidem.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibid. P. 563.

³⁵ Ibid. P. 532.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Thicket D. Estienne Pasquier and his part in the struggle for tolerance // Aspects de la propagande religieuse. Genève, 1957.

УДК 9(4/9)(082)

ЧАСТНОЕ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ В АНГЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Т. В. Мосолкина

Саратовский государственный университет

E-mail: tmosolkina@mail.ru

В статье рассматриваются начальный этап формирования частных музеев в Англии эпохи Реставрации, мотивы собирательства, принципы отбора экспонатов, способы размещения коллекций. Анализируется отличие английского частного коллекционирования от континентального.

Ключевые слова: историческая память, частное коллекционирование, английские частные коллекции, кабинет редкостей, галерея.

Private Collecting in England in Second Half XVII Century as the Form of Historical Memory

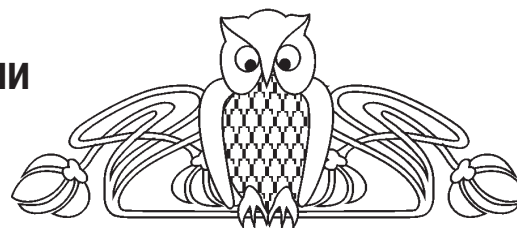
T. V. Mosolkina

In article the initial stage of formation of private museums, motives of collecting, principles of selection of exhibits, ways of placing of collections is considered. Difference of an English private collecting from the continental is analyzed.

Key words: historical memory, private collecting, English private collections, office of rarities, gallery.

Историческая память – понятие очень многозначное. В одном из ее проявлений историческую память можно рассматривать как способ соединения прошлого, настоящего и будущего. Национальная и социальная идентичность определяется уважением к истории и ее различным проявлениям. Л. П. Репина отмечает, что историческая память – это «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особое значение для конституирования и интеграции социальной группы в настоящем»¹.

В данном выступлении делается попытка рассмотреть частное коллекционирование как одну из форм хранения культурного и духовного опыта. В XIX в. в эпоху романтизма сформировалось представление о музее как «резервуаре», где

хранится «непреходящее наследие» – «культурные ценности». В основу всех крупнейших мировых музеев, в том числе и в Великобритании, положены коллекции, собранные частными лицами. Поэтому интересно познакомиться с периодом «предмузейного» коллекционирования, когда подборки редкостей создавались не случайно, а по какому-то определенному принципу.

В последнее время высказываются очень противоречивые мнения по поводу будущего музейных собраний и на Западе, и в России. С одной стороны, в этом отношении показательно высказывание директора Государственного музея «Останкино» Г. Вдовина: «Музеи всего мира, равно как музейное сообщество в целом, переживают кризис, причину которого все мы охотно видим в экономике и юриспруденции. Не пора ли признаться, что причины этого кризиса глубже. И, похоже, он – кризис – мировоззренческий. <...> Первопричиной кризиса является повсеместная утрата чувства подлинника. Давайте, наконец, увидим и признаемся, что для большинства наших и не наших граждан давно нет разницы между подлинным живописным полотном и разворотной глянцевой иллюстрацией в дорогом альбоме. Нужно нет рассматривать произведение скульптуры в реальном круговом обходе, ежели эту возможность предоставляет музейный сайт»². С другой стороны, английский музейвед А. Хаттон пишет: «В своей основе современные существующие на «развитом» Западе музеи мало отличаются от тех, которые создавались одно-два столетия назад. В действительности музеи все еще являются новым феноменом, не изжившим своих эмбриональных черт, а именно – это все еще собрания, в значительной степени сформированные отдельными людьми»³.

Рассмотрение частного коллекционирования в Англии эпохи Реставрации представляет интерес по нескольким причинам. От континентальных собирателей английские коллекционеры отличались своим социальным составом. Кроме того, частные коллекции в Англии были своеобразными по

принципу отбора предметов коллекционирования.

В ряде исследований причины возникновения коллекций объясняются с точки зрения индивидуальной психологии и опираются на такие понятия, как вкусы или интересы. Конечно, такая мотивация, как социальный престиж или мода, имела место, но в Англии очень важную роль играли еще и причины, связанные с потребностями общества, с развитием науки, техники, культуры⁴. Хотя, конечно, нельзя отрицать, что частные собрания коллекционеров отражали интересы и вкусы собирателей. Отбор предметов для коллекции был способом самовыражения владельца.

Коллекционирование разных предметов возникло в Англии задолго до XVII в. Уже во второй половине XVI в. было немало образованных людей, которые собирали документы, предметы старины, монеты, карты и пр. Они достаточно четко представляли себе огромную историческую ценность письменных и материальных памятников. Эти люди называли себя антикварами. Такими коллекционерами были Р. Хаклюйт, Т. Бодлей, Р. Коттон, Дж. Стоу, У. Кемден. Еще в 1572 г. по инициативе М. Паркера было создано общество антикваров для изучения английской истории и древностей, в деятельности которого принимали участие У. Кемден и Ф. Бэкон.

В первой половине XVII в. в Англии были созданы очень богатые по содержанию и высокому художественному уровню коллекции произведений античной и ренессансной культуры, которые вполне могли соперничать с континентальными коллекциями. Мода на коллекционирование произведений античного искусства в Англии появилась среди английской аристократии под влиянием ренессансных идей и придворной культуры, сформировавшейся в континентальных странах Европы, прежде всего в Италии. Художественное коллекционирование носило элитарный характер, оно стало отличительным признаком наиболее образованных и интеллектуально развитых представителей английской аристократии.

Но поскольку коллекционирование этого периода рассматривалось как проявление аристократического снобизма, то в ходе гражданской войны и некоторое время после нее традиции коллекционирования были прерваны, а многие экспонаты коллекций распроданы или утрачены вовсе. Так, одним из богатейших собраний была коллекция Карла I, которая возникла на основе полученного им в наследство собрания его брата Генри, умершего в 1612 г., а также последующих покупок за границей. Даже до вступления на престол в 1625 г. коллекция Карла I была очень богатой. До 1642 г. король продолжал тратить огромные деньги на ее пополнение. После казни Карла I в январе 1649 г. палата общин приняла решение о распродаже имущества последнего короля, известное под названием «общественная распродажа»⁵, в результате чего многие экспонаты оказались в частных коллекциях и музеях

на континенте. Только после Реставрации было возобновлено частное коллекционирование, прерванное гражданской войной. Именно в это время были созданы частные коллекции, составившие впоследствии основу первых публичных музеев в Англии.

В стране и в эпоху Реставрации преобладало аристократическое коллекционирование, в то время как на континенте собирателями были и богатые представители среднего сословия. Во второй половине XVII в. для людей образованных создание коллекций становится модным занятием, признаком хорошего вкуса, аристократизма. Это нашло отражение в дневниках современников, например Дж. Эвелина. Описывая визиты к своим друзьям и знакомым, он очень часто упоминает разного рода коллекции, которые хранились либо в саду, если речь идет о скульптурах, либо в помещениях.

Элитарность художественного коллекционирования выливалась прежде всего в интерес к античному наследию. Путешествия по Греции и Италии давали возможность собирать произведения античной культуры – скульптуры, барельефы, «надписи», рукописи и прочее. Примером такой разнообразной коллекции может служить знаменитое собрание редкостей Томаса Хаурда графа Арундела. Судьба этой коллекции широко известна и весьма драматична. Граф Арундел начал собирать ее еще до трагических событий гражданской войны. Войны и затем период протектората Кромвеля привели к значительному сокращению коллекции, ее распылению и даже уничтожению части экспонатов. В результате передачи коллекции в руки различных наследников оставшаяся часть ее оказалась в руках внука графа Арундела, Генри Говарда (Хаурда), который совершенно не интересовался коллекционированием и относился к доставшемуся ему наследию с полным безразличием. Судьба коллекции могла бы быть еще более печальной, если бы в дело не вмешался Дж. Эвелин: «Когда я увидел эти драгоценные монументы ужасно запущенными и разбросанными по саду и другим местам Арундел-Хауса, и то, как чрезвычайно развешивающий воздух Лондона портит их, я посоветовал ему передать их в Оксфордский университет. Он согласился доверить это мне»⁶. В 1678 г. Эвелин уговорил Генри Говарда, тогда уже герцога Норфолка, передать Лондонскому королевскому обществу библиотеку своего деда. В своем дневнике Эвелин пишет: «Я не мог из-за уважения, которое я испытываю к семье, не уговорить герцога расстаться с ними (рукописями и книгами. – Т. М.), поскольку не мог видеть, насколько он безразличен к ним, терпя священников и каждого, кто уносил их и распоряжался ими как пожелает, так что множество редких вещей безвозвратно утрачено»⁷. В библиотеке графа Арундела было много греческих рукописей, а кроме того, средневековых редких книг: «Я доставил нашему Обществу помимо печатных книг

примерно 100 рукописей, некоторые главным образом касаются Греции. Печатные книги, являющиеся старейшими изданиями, не менее ценны; я считаю их почти равными рукописям. Среди них больше всего авторов, напечатанных в Базеле до того, как иезуиты извратили их своим Индексом запрещенных книг»⁸.

Библиотека графа Арундела демонстрирует еще одну характерную черту собирательства рассматриваемого времени – то, что предметом коллекционирования были не только памятники античной истории, но и произведения ренессансной культуры – живопись, предметы прикладного искусства, медали, монеты и многое другое. Для людей второй половины XVII в. события и культура XV–XVI вв. уже были историей и вызывали живой интерес.

Отметим, что англичане интересуются не только античной и средневековой историей Европы, но и прошлым своей страны. Это выразилось в собирании предметов английской старины. Примером может служить коллекция Дж. Коттона, с которой ознакомился в 1668 г. Дж. Эвелин. Он пишет: «Отправился с визитом к сэру Джону Коттону, который принял меня в своей библиотеке, полной MMS [манускриптов?], греческих и латинских, однако более знаменитой теми саксонскими и английскими древностями, собранными его дедом»⁹.

Но даже в конце XVII в. большая часть коллекций в Англии представляло собой кабинеты редкостей, подобные тому, который создал Джон Трейдесконт-старший¹⁰, а Элиас Ашмол¹¹ подарил Оксфордскому университету. Коллекцию начал собирать Джон-старший, а продолжил его сын. И отец, и сын были садовниками, которые, занимаясь разбивкой садов для короля Карла I и английских аристократов, ездили за редкими растениями в дальние страны, такие как Россия, Турция, Алжир и др. Помимо растений они привозили с собой оружие, медали, монеты, картины и прочие раритеты, поэтому их дом прозвали «ковчегом Трейдесконттов».

Коллекционирование в Англии второй половины XVII в. носило комплексный характер. В одной коллекции могли быть собраны книги, рукописи, рисунки, а также геологические, зоологические и медицинские экспонаты. В XVII столетии сосуществовали различные формы знания – старые и новые, профессиональные и любительские. Этот симбиоз накладывал отпечаток и на частные коллекции.

Так, Дж. Эвелин, ознакомившись с библиотекой мистера Элиаса Ашмола, отметил, что она содержит, кроме различных редких рукописей, еще и коллекцию редкостей, например «гадов» (как пишет Эвелин), заключенных в янтарь¹². Интерес к естественнонаучному коллекционированию не был случайным, он явился следствием бурного развития в Англии науки, которая перестала быть занятием лишь академических кабинетных уче-

ных. В научных центрах наряду с лабораториями, обсерваториями, мастерскими и библиотеками стали появляться и естественнонаучные коллекции, хранимые в специальных помещениях. Как показывают источники, такие коллекции собирали и частные лица.

П. Файндлин отмечает, что «музей был одновременно предшественником новых экспериментальных подходов ... и вотчиной аристотелевских изречений и магов, создающих секреты в своих лабораториях. Стоя на перекрестке между этими двумя несхожими научными культурами, музей обеспечивал общее для всех пространство»¹³.

Первые собрания редкостей еще мало напоминали современный музей. В рассматриваемый период экспонаты размещались либо на открытом воздухе, либо в галереях и кабинетах. Галерея – это помещение, одна сторона которого представляла собой сплошные окна, а вдоль другой размещались экспонаты. Когда Дж. Эвелин осматривал коллекцию «гипсовых изваяний и барельефов, помещенных среди деревьев» в летнем дворце королевы Елизаветы, он заметил: «... жаль, что они не взяты отсюда и не хранятся в более сухом месте; галерея была бы для них более подходящей»¹⁴.

Другой вариант размещения коллекции – кабинет. Кабинет не был вытянутым в длину помещением и не имел большого количества окон. Такое название помещения для коллекции, возможно, происходило от шкафчика с большим количеством маленьких ящичков для хранения бумаг, карт, украшений и прочих мелких вещей. Такая форма шкафчика очень подходила для хранения античных предметов – монет, ювелирных изделий, гемм, а также естественнонаучных образцов. Позднее и само помещение, где располагалась коллекция, стало называться кабинетом¹⁵.

Подбор экспонатов в кабинетах мог быть различным. Существовали специализированные кабинеты, где выставлялись произведения искусства, или естественнонаучные кабинеты, но чаще всего кабинет представлял собой сборную коллекцию уникальных и необычных предметов, которые должны были показать все многообразие мира. Именно поэтому среди экспонатов часто были вещи, доставленные из стран Азии, Африки и Америки. В конце декабря 1665 г. Дж. Эвелин присутствовал на ужине у леди Мордант, в доме которой «была комната, полная изображений больших и малых, представляющих различные ремесла и занятия индийцев, а также их обычаи»¹⁶. В 1682 г. Дж. Эвелин пишет: «Отправился навестить нашего доброго соседа м-ра Бохуна (Bohun), чей дом целиком является кабинетом всего изящного, особенно индийского; в холле имеются японские ширмы, приспособленные взамен панелей»¹⁷. Часто в состав такого собрания «редкостей» входили чучела диковинных для англичан птиц и животных, бивни слонов, яйца страусов, зубы акул и прочее¹⁸.

Время существования частных коллекций обычно было недолгим, и после смерти их владельцев предметы любовного собирания чаще всего оказывались рассеянными по другим коллекциям. Примером тому может служить самая известная частная коллекция графа Арундела. Неудивительно, что многие собиратели еще при жизни завещали свои собрания либо научным обществам, либо университетам, надеясь таким образом сохранить свои коллекции. И если на континенте появление общедоступных музеев было связано с собраниями монархов, то в Англии первые публичные музеи создавались на основе коллекций частных лиц. Так, в 1683 г. в Оксфордском университете появился первый в Европе публичный естественнонаучный музей. В основу его было положено собрание Трейдескантов, завещанное другу Джона Трейдесканта-младшего, юристу и коллекционеру Элиасу Ашмолу, о коллекции которого уже упоминалось выше. В 1667 г. Э. Ашмол, добавив к этой коллекции свое собрание книг и нумизматики, передал все экспонаты Оксфордскому университету на условиях экспонирования их в отдельном помещении. Университет присоединил к переданной коллекции химическую лабораторию и библиотеку и в 1683 г. в построенном Кристофером Реном здании открыл музей, получивший позднее название «Ашмолеанский музей» (или «Музей Ашмола») ¹⁹, хотя справедливее было бы назвать его «Музей Трейдескантов».

Подводя итог, можно сказать, что хотя в Англии рассматриваемого периода частное коллекционирование носило аристократический характер, плодами собирательства в конечном итоге пользовались представители всех сословий. Комплексный характер коллекций позволял не только сохранить память об ушедших временах, но и открыть для себя что-то новое в современном мире и связать, таким образом, прошлое и настоящее.

Примечания

¹ Ретина Л. П. История и память / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 23–24.

- ² Вдовин Г. Кризис музея как мировоззрения // Мир музея. 2002. № 5. С. 29–30.
- ³ Хаттон А. Музеи и наследие : есть ли между ними реальное противоречие? // Музееведение. Музеи мира : сб. науч. тр. НИИ культуры. М., 1991. С. 81.
- ⁴ См.: The Origins of Museums. The Cabinet of Curiosities in the Sixteenth and Seventeenth Century Europe. Oxford, 1985.
- ⁵ См.: Nuttall W. L. F. King Charles I pictures and the Commonwealth sale // Apollo. 1965. Vol. 82. P. 302–309.
- ⁶ Evelyn J. The Diary of John Evelyn / ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. II. P. 38.
- ⁷ Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F. R. S. From 1641 to 1705-6. With Memoir. L., 1890. P. 402.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Evelyn J. The Diary of John Evelyn / ed. by W. Bray. P. 41.
- ¹⁰ См.: Осиповский И. Н. Гуманизм и Реформация в Англии в первой трети XVI века // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 221.
- ¹¹ См.: Findlen P. Possessing nature : Museums, collecting and scientific culture in early modern Italy. California, 1996. P. 10.
- ¹² См.: Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F. R. S. From 1641 to 1705-6. P. 400.
- ¹³ Findlen P. Op. cit. P. 10.
- ¹⁴ Evelyn J. The Diary of John Evelyn / ed. by W. Bray. P. 11–12.
- ¹⁵ О размещении коллекций см., например: Pevsner N. A history of building types. N. Y., 1976. P. 111–132 ; Bazin G. The museum age. Brussels, 1967. P. 129–130.
- ¹⁶ Evelyn J. The Diary of John Evelyn / ed. by W. Bray. P. 11.
- ¹⁷ Ibid. P. 170.
- ¹⁸ Подробнее о принципе подбора экспонатов кабинетов редкостей см.: Menzhausen J. Elector Augustus's Kunstkammer : An analysis of the inventory of 1587 // The origins of Museums. The cabinet of curiosities in the sixteenth and seventeenth century Europe / ed. by O. Impey and A. MacGregor. Oxford, 1985. P. 8 ; Fucikova E. The collection of Rudolf II at Prague : cabinet of curiosity or scientific museum? // Ibidem. P. 51.
- ¹⁹ См.: Alexander E. P. Museums in Motion : an introduction to the history and functions of museums. Nashville, 1979. P. 42–44.

УДК 94(420)1648/... (093.3)

ТЕАТР И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В АНГЛИИ ПЕРИОДА РЕСТАВРАЦИИ («Круглоголовые, или Доброе старое дело» Афра Бен)

Н. С. Креленко

Саратовский государственный университет
E-mail: krelenko@mail.ru

В статье исследуется роль театра в политической жизни Англии периода реставрации Стюартов. Оценивается комплекс идей, который прививался публике в ходе спектаклей на примере комедии А. Бен «Круглоголовые, или Доброе старое дело» в этом процессе.

Ключевые слова: английская революция, реставрация Стюартов, тори, кавалеры, пуритане, виги, Афра Бен, театр Реставрации.

Theatre and Political Life in England of the Restoration Period (A. Ben «The Roundheads, or The Good Old Cause»)

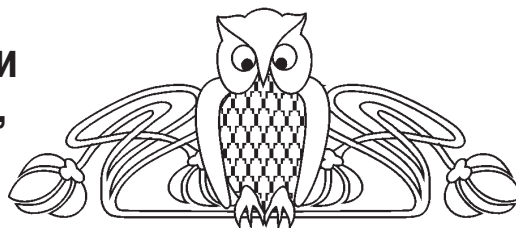
N. S. Krelenko

The article investigates the place of drama in the political life of England of the Stuart Restoration period. Analyzing the play by A. Ben *The Roundheads, or The Good Old Cause* it evaluates ideas that affected theatre audience of the stated above period.

Key words: English revolution, Stuart Restoration, Tories, cavaliers, puritans, Whigs, Aphra Ben, Restoration theatre.

Сведения о прошлом, в частности о тех или иных проявлениях умонастроений общества в целом и отдельных его составляющих, можно почерпнуть не столько из источников официального характера, сколько из свидетельств, которые предлагают, например, художественная литература или театр. В наши дни самоочевидной представляется следующая мысль: «Формы досуга и развлечений, бытовавшие среди различных сословий той или иной страны, той или иной эпохи, могут сыграть роль своеобразного исторического источника, который может понять и проследить важные сдвиги, происходящие в общественной жизни в целом»¹. При этом с точки зрения понимания духовной жизни важно знакомство с менталитетом разных общественных слоев.

Реставрация монархии в Англии, произошедшая в 1660 г., стала важным рубежом не только в политической, но и в культурной жизни страны. Одним из знаковых событий в этой сфере явилось открытие театров. Первые попытки возобновления деятельности театральных трупп были предприняты еще в 1659 г., когда уже не было в живых грозного лорда-протектора Кромвеля, но еще не определился путь, по которому пойдет страна. В годы революции театральная жизнь была прервана парламентскими актами, запретившими работу театров и поставившими вне закона профессио-

нальную деятельность актеров. Таким образом, отношение радикальных протестантов-пуритан к театру и другим «суетным развлечениям» обрело статус государственной политики².

После возвращения Карла II помещения двух крытых теннисных кортов были приспособлены под театральные постановки. Один из вновь открытых театров находился под покровительством короля, другой – под покровительством брата короля Якова герцога Йоркского. Труппу герцога Йоркского возглавил драматург и антрепренер У. Давенант, после смерти которого руководство театром перешло сначала к его жене, а потом к сыну.

В 1670 г. Генриэтта-Мария Давенант поручила знаменитому архитектору К. Рену строительство в районе Дорсет-Гарденс нового здания театра, зрительный зал которого вмещал до 1200 зрителей. Это нарядное здание, фасад которого навевал мысли о театральной декорации, простояло до 1709 г. Внутреннее убранство поражаало современников барочным великолепием, созданным талантом резчика Г. Гиббонса. Главное, что отличало новый театр, – наличие крыши над головой, использование декораций и сложной машинерии, а также привлечение на театральные подмостки женщин-актрис. Актеры и актрисы являлись «слугами короля», получали от короны жалованье и находились под ее защитой. В частности, их нельзя было отправить в долговую тюрьму. Репертуар был весьма разнообразным, ставились трагедии и комедии старых и новых авторов. Наряду с сюжетами из античной и национальной истории большим спросом пользовались пьесы на современные темы. В памяти потомков лучше всего закрепилось то, что представляла собой бытовая комедия эпохи Реставрации.

С легкой руки публицистов Викторианской эпохи театральное искусство периода поздних Стюартов рассматривается как торжество аристократического либертинажа (остроумия) и легкомыслия, вызова морально-нравственным установкам времен пуританского господства³. Между тем не менее значительную роль театр играл в политической жизни своего времени. «Счастливая» реставрация далеко не всеми воспринималась как великое счастье. Побежденные, но не убежденные противники оставались и использовали всякую возможность подать голос. Главное оружие политической борьбы в ту пору – памфлеты, озвучивавшие политические идеи,

и поэзия, прославлявшая морально-этические идеалы пуританского «доброе старое дело». В этом побежденные не уступали, а пожалуй, превосходили в мастерстве победителей. Достаточно вспомнить имена А. Сиднея и Д. Мильтона.

А вот театр оказался «вотчиной» роялистов. В предреволюционные десятилетия пуритане избрали театральное искусство излюбленной темой для обличений и в годы своего господства постарались истребить его. В сентябре 1642 г. по распоряжению Долгого парламента все театры были закрыты как «рассадники разврата», а всем актерам запрещалось заниматься их профессиональной деятельностью и организовывать представления как в общественных местах, так и в частных домах. Неудивительно, что после возрождения театров эта сфера культурной жизни была враждебна всему, что так или иначе ассоциировалось в умах людей с пуританами, их религиозными, политическими идеями.

Театральные подмостки стали местом проповедования той системы ценностей, которая была выгодна короне или приемлема с точки зрения ее сторонников. Если в памфлетной полемике или поэзии две культурные тенденции соперничали между собой⁴, то театр был роялистским и только роялистским. На театральной сцене не только высмеивалась строгая мораль пуритан, но и подвергались критике политические порядки времен республики и те, кто их защищал. Политическая ангажированность театра этого периода менее заметна, однако она присутствовала. Примером этого можно считать пьесу Джона Тэтэма «Рамп, или Зеркало прошедшего времени», поставленную в 1660 г.

Особенно энергично в первые годы Реставрации высмеивалась религиозность пуритан, трактующая как фанатизм и ханжество. Уже через несколько лет высмеивание пуритан утратило остроту и привлекательность. С. Пипс (С. Пепис), дайэрист, театрал и чиновник адмиралтейства, бывший неизменным свидетелем всего и вся в лондонской жизни 1660–1669 гг. (годы, когда он вел свой «Дневник»), после очередного посещения спектакля «Варфоломеевская ярмарка» 6 сентября 1668 г. отметил в «Дневнике» следующее: «Пьеса великолепная, чем больше я ее смотрю, тем больше мне нравится ее остроумие – разве что издевательства над пуританством приелись и лишены смысла...»⁵.

На рубеже 70–80-х гг. XVII в. страна вступила в полосу очередного политического кризиса. Точкой отсчета можно считать появление в Тайном совете бывшего католического священника Т. Оутса, поведавшего о грозящем стране католическом заговоре, в который вовлечено 200 тыс. участников (католиков в Англии проживало около 13 тыс. человек). Целью заговора называлось убийство Карла Стюарта и провозглашение королем герцога Йоркского. В обществе началась антикатолическая истерия и, таким образом, внимание сконцен-

трировалось на вопросе о наследовании, точнее, об отстранении (исключении) герцога Йоркского от наследования престола. Этим объясняется то, что кризис вошел в историю под названием исключительного.

За предшествующие два десятилетия в парламенте сформировалась политическая группировка вигов, настаивавшая на ограничении полномочий короля. Решение вопроса о престолонаследии казалось вигам подходящим поводом для осуществления их планов. Королю пришлось вновь и вновь созывать и распускать парламент в надежде получить более сговорчивых парламентариев, но активность вигов только нарастала. «В период избирательных кампаний партия вигов неоднократно обращалась за поддержкой к народным массам, привлекая их к сбору подписей под петициями к королю, а также поощряя участие в антикатолических демонстрациях и церемониях сжигания чучела папы римского»⁶. Парламент под давлением вигов принял билль «Об исключении» герцога Йоркского, но король отказался его подписать. Завершился этот этап политического противостояния роспуском третьего из негодных королю вигского парламента и наступлением на оппозиционеров-вигов.

Правительство, со своей стороны, организовывало и поощряло пропагандистскую кампанию в защиту своих позиций. «На сценах театров ставились пьесы, в типографиях печатались брошюры разоблачительного по отношению к вигам свойства»⁷. В связи с этим важно отметить, что в глазах современников виги выступали политическими наследниками пуритан-республиканцев времен правления Долгого парламента и лорда-протектора О. Кромвеля.

В начавшейся антивигской кампании приняла посильное участие Афра Бен – первая английская женщина – профессиональный драматург⁸. Происходила она из роялистской среды, фамилия ее родителей (возможно, приемных) была Джонсон. Свою фамилию она получила, выйдя замуж за голландца Бена, а после того, как муж умер в чумной год, вынуждена была зарабатывать себе на жизнь. Она начала работать для театра с 1666 г., вернувшись в Лондон после неудачной попытки испытать себя в сфере шпионажа. Ее деятельность в качестве драматурга связана с театром герцога Йоркского. В конце 1681 г. она написала комедию «Круглоголовые, или Доброе старое дело», которая увидела свет рампы в начале следующего года. Для автора это была не просто работа «на злобу дня». Сама Афра Бен была восторженной почитательницей Стюартов. Кроме того, она симпатизировала католикам, о чем, по мнению исследовательницы С. Мендельсон, свидетельствует «ее доброжелательное описание католических обрядов в пьесах и новеллах, а также ее безоговорочная поддержка Якова»⁹. В той ситуации это было не только выражением религиозных пристрастий, но и демонстрацией политической позиции. «Про-

стюартовские» мотивы и прежде присутствовали в творчестве Афры Бен – достаточно вспомнить ее раннюю пьесу «Скиталец», посвященную эмигрантскому периоду жизни Карла Стюарта.

Формально говоря, сюжет «Круглоголовых» выдержан в характере бытовых комедий: влюбленная пара (а чаще две пары) преодолевает обстоятельства, препятствующие их любви. В данном случае «обстоятельства» заключаются не только в наличии семейных уз, мешающих новому роману, но и в том, что влюбленные принадлежат к противоборствующим политическим лагерям. У большей части персонажей имеются подлинные исторические прототипы – республиканские генералы Ламберт и Флитвуд, вдова Оливера Кромвеля, поэт-роялист Лавлейс и другие, – но, конечно, объединившая их ситуация выстроена автором совершенно произвольно. Достаточно отметить, что Джон Ламберт и Чарльз Флитвуд действительно были соратниками-соперниками в последние месяцы существования республики, а вот Ричард Лавлейс (1616–1656/7), чье имя стало олицетворением обаятельного поэта-кавалера, не дожил до представленного в пьесе времени, а значит не мог стать соперником генерала Ламберта. Кроме того, принимая во внимание, что генерал Десборо был женат на сестре О. Кромвеля, подлинная леди Десборо была дамой не того возраста, который подходит для лирической героини (а таковой выступает леди Десборо в «Круглоголовых»).

Интрига пьесы построена на соперничестве в парламентском комитете, считавшемся высшей властью в послекромвелевской Второй республике, борьбе между генералами Ламбертом и Флитвудом. В пьесе это представлено как борьба за корону. Оба генерала были ближайшими сподвижниками О. Кромвеля, а Флитвуд – еще и его зятем. Подлинные события сжаты во времени, перетасованы.

Комедия «Круглоголовые» является ремейком пьесы Д. Тэтэма «Рамп, или Зеркало прошедшего времени». А. Бен довольно часто прибегала к использованию такого приема, оживляя старый сюжет за счет усложнения интриги и характеров действующих лиц. Особенно любила леди-драматург вводить в качестве одной из ключевых фигур «девушку с характером», предприимчивую и независимую женщину. В пьесе «Круглоголовые» такими чертами наделена леди Ламберт.

Свою позицию автор изложила в довольно пространном посвящении, предпосланном тексту пьесы. Она перечисляет «их», вражеские, пуританско-вигские деяния: «Мятеж, Убийства, Резня, Злодейство». И сравнивает их с тем, что именует «нашими», то есть торийскими, ценностями и деяниями: «Монархия, Религия, Законы и Честь»¹⁰. Исходя из этого она декларирует свое стремление «служить Королевским Интересам». По словам Мендельсон, «Круглоголовые» «представляют собой точную передачу торийского понимания гражданской войны и вигской политики»¹¹. Все содержание пьесы последовательно подчинено

развенчанию тех, кто представляется автору связанными с «Мятежом, Убийствами, Резней, Злодейством» (то есть лидеров пуритан и вигов), и возвеличиванию всего связанного с «Королевским интересом».

В театре того времени именно пролог и эпилог играли важную роль в процессе непосредственного общения между сценой и залом. Актеры, произносившие текст (обычно стихотворный) пролога и эпилога, озвучивали, провозглашали, расшифровывали то, что хотел донести до зрителя автор.

В прологе «Круглоголовых» на сцену выходит актер, представляющийся так: «Я Дух того, кто был истинным сыном прежнего Доброго Старого Дела»¹², – и изображающий призрак одного из парламентариев. Он говорит, что его покой в аду потревожен неслыханными склоками, затеянными вигами. Пролог проводит параллель между пуританами времен гражданских войн и оппозиционерами периода Реставрации. Актер, говорящий от лица призрака пуританина, согласно воле своей создательницы, озвучивает торийский по духу манифест. Поэтому пуритане наделяются самыми нелестными характеристиками, отмечается связь между ними и вигами, желающими возродить те времена и те дела. Устами актера автор обращается к зрителю, причем, очевидно, «своему» зрителю. Это не пропаганда в строгом смысле слова, желание не убедить (убеждать надо иным образом), а лишний раз озвучить свои приоритеты, повторить их, как заклинание.

Собственно, все развитие сюжета, сопровождаемое, согласно требованиям жанра и вкусам времени, песнями, танцами и иллюминацией, подчинено решению этой задачи. Действие комедии начинается и завершается на лондонской улице. В первом случае солдаты обсуждают между собой политические события, спорят, кто из генералов – Ламберт или Флитвуд – больше годится на роль короля. А потом показывается как бы случайная встреча леди Ламберт и леди Десборо и двух кавалеров, Лавлайса и Фримена.

А. Бен усилила «любовную линию» в своей пьесе, уделила больше внимания женским персонажам, одновременно сделав их более сложными и противоречивыми. Любовным отношениям между двумя кавалерами (Лавлайсом и Фрименом) и двумя дамами из пуританского лагеря (леди Ламберт и леди Десборо) уделено главное внимание драматурга, причем леди Ламберт заняла место ключевой фигуры. Она действует одновременно в нескольких направлениях – озабочена перспективой достижения с помощью мужа высшего положения в стране, участвует в совещании парламентского комитета по поводу того, кому стоит претендовать на корону, и одновременно с этим затевает любовную интригу с кавалером Лавлайсом.

В одной из сцен появляется вдова Оливера Кромвеля, пытающаяся поддержать претензии

своего зятя Флитвуда на власть. Любопытно отметить, что в речи сторонников парламента ее именуют вдовой *Старого Нола* (дьявола), о лорде-протекторе говорят, как о *тиране Оливере*, другими словами, автор не удосуживается придерживаться достоверности в смысле политического расклада. Ее задача разоблачать, а в чьи уста будут вложены ее оценки, не столь существенно.

Споры между политическими соперниками перемежаются лирическими признаниями влюбленных. Очень выразителен эпизод, в котором леди Ламберт мечтательно любит королевскими регалиями, мысленно примеряя их на себя. Пуританские лидеры изображены карикатурно, подчеркивается в их поведении несоответствие слов и поступков, смиренность публичного поведения оттеняется пьянством в неформальной обстановке, упоение близким торжеством – внезапным крушением их чаяний, причем последнее происходит как-то необъяснимо, но (по замыслу автора) неотвратимо. Нарушенное любовное свидание, внезапное появление сурового генерала Ламберта заставляет Лавлейса спрятаться под кушетку, следует диалог между генералом и леди Ламберт – и вот уже по сцене в темноте мечутся некие фигуры. А далее – власть переменялась.

Смещение акцентов привело к тому, что ситуация последних дней перед реставрацией свелась к «мистерии флирта» (по определению леди Ламберт). Эта дама в интерпретации Афры Бен – воплощение лукавства, хитрости, предприимчивости. Автор не одобряет женского вмешательства в политику. На возникающий при этом вопрос, а как же она сама и ее политизированные комедии, А. Бен предлагает свой, как ей представляется, убедительный вариант ответа: «Слова – женщинам, поступки – мужчинам»¹³. Судьбу своих героинь она завершает вполне благополучно, смутьянка леди Ламберт и ее скромная приятельница леди Десборо получают новых супругов взамен свергаемых.

Вторая уличная сцена, в ходе которой становится известно, что пуританский парламентский комитет в полном составе препровожден в тюрьму, а присутствующие отмечают это песнями и плясками, завершает комедию.

Эпилог произносит доселе молчаливая леди Десборо, главный «положительный персонаж» комедии. Она призывает сбросить маски и озвучивает свои симпатии к истинному делу – делу защиты короля. Здесь еще раз, как заклинание, произносятся, что те, прежние *круглоголовые* (перечисляются их недостойные качества) – прямые предшественники *вигов*, которые отличаются теми же качествами и несут Англии огромные бедствия. Основной пафос ее выступления направлен против попытки вигов «*снова играть в старые игры*». Под «старыми играми», очевидно, имелись в виду гражданские войны.

Пьеса была хорошо принята зрителями. Учитывая, что театр того времени был прежде всего

театром актера, а не драматурга и режиссера, успех в огромной степени зависел от актерского состава. Поскольку «Круглоголовые» имели большой успех, надо полагать, участвовали в комедии лучшие актеры театра герцога.

Не сохранилось списков с указанием имен актеров, участвовавших в этом спектакле, но тексту пьесы «Круглоголовые» предпослан возможный расклад исполнителей, сделанный современным комментатором¹⁴. Один из руководителей труппы, Т. Беттертон, избегал играть в политизированных комедиях, его следует исключить из предположительного списочного состава. Генерала Ламберта, скорее всего, играл Д. Ноукс (? – 1696), блестящий комик, манера которого заключалась в подчеркнутой серьезности облика и поведения, контрастирующей с нелепостью ситуаций, в которых оказывался его персонаж. Знаток театра той поры Сибер писал: «Чем громче смеялась публика, тем серьезнее становилось лицо актера, и эта мрачность черт на фоне общей веселости и шутовского розыгрыша представлялась такой забавной, что зрители смеялись еще сильнее»¹⁵. Такая манера поведения очень подходила для воссоздания комизма ситуации, в которой преисполненный важности и чувства собственной значимости суровый генерал садится на кушетку, под которой прячется воздыхатель его супруги¹⁶.

Леди Ламберт предположительно играла великая Э. Барри (1658–1713), актриса, умевшая прекрасно исполнять и трагические, и комические роли, причем «в спектакле, не скованном классическими канонами, она была легкой, быстрой, остроумной, наполняла сцену смехом и жизнерадостностью»¹⁷. Как раз такой и следовало быть сценической леди Ламберт.

Пьеса «Круглоголовые» долго не сходилась со сцены, поскольку в ней очевидные сценические достоинства соединились со столь же очевидной политической злободневностью. Политические противники, виги, со своей стороны оценили комедию и ее автора так: «Она заслуживает того, чтобы быть повешенной»¹⁸.

Значительная часть вигов эмигрировала, часть была «привлечена к ответственности». Так, в 1683 г. был казнен идеолог вигов А. Сидней, которого обвинили как участника заговора в пользу герцога Монмаута. Решение проблемы взаимоотношений короны и оппозиции на время было отодвинуто.

Комедия «Круглоголовые, или Доброе старое дело» А. Бен появилась в обстановке «исключительного» кризиса наряду с другими пьесами той же направленности, такими как «Роялист» Отфея (1682) и «Политики из Сити» Кроуна (1683).

Последующие годы стали для писательницы очень продуктивными. Только в 1688 г. ею было создано несколько крупных прозаических произведений, таких как «Пламенная кокетка», «Агнес де Кастро», «Счастливая ошибка» и

«Оруноко» (или «Орунооко»). Осенью того же года политическая ситуация в стране изменилась: король Яков Стюарт бежал из страны в ходе событий, получивших со временем название «Славная революция». Стареющая, больная Афра Бен умерла в самом начале 1689 г. вместе с тем временем, дух которого отразился в ее творчестве.

Примечания

- ¹ Павлова Т. А. Англия Шекспира и Англия Кромвеля // Новая и новейшая история. 1979. № 1. С. 149.
- ² В период нарастания кризиса отношений между королем и оппозицией, сосредоточившейся в парламенте, известный юрист У. Принн (1600–1666) написал в 1633 г. памфлет «Бич актеров», в котором доказывал, что все пьесы «суть греховные, зловердные и пагубные развлечения» (Цит. по: История английской литературы. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 160).
- ³ Вот какую оценку дал комедиографам периода Реставрации историк и публицист лорд Маколей: «Эта часть нашей литературы, поистине, позор для нашего языка и народного характера. Она, правда, обличает таланты и очень занимательна, но она в сильнейшем смысле слов “мирская, чувственная, бесовская” литература» (Маколей Т. Б. Комические драматурги времен реставрации // Маколей Т. Б. Собр. соч. : в 10 т. Т. IV. С. 139).
- ⁴ Например, в поэзии язвительному обличению религиозного ханжества С. Батлером («Гудибоас») можно противопоставить прославление героического порыва Д. Мильтоном («Самсон-борец», «Потерянный рай»).
- ⁵ URL : [www/volslit.info/Texts/rus/6/Pips/frametex3](http://volslit.info/Texts/rus/6/Pips/frametex3) (дата обращения: 12.12.2011).
- ⁶ Лабутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов. 1660–1681. М., 1982. С. 185.
- ⁷ Кут С. Августейший мастер выживания. Жизнь Карла II. М., 2004. С. 423. Интересно отметить такой

курьезный эпизод. В конце 40-х гг. XVII в. республиканцем Д. Мильтоном была написана «История Британии», в которой содержалась критика деятельности членов Долгого парламента. Этот отрывок («Отступление») автор позднее исключил из текста. Однако в разгар политического кризиса 80-х гг. «Отступление» опубликовано под названием «Характеристика мистером Джоном Мильтоном Долгого парламента и Собрания богословов в 1641 г.» с целью политической дискриминации вигов, рассматриваемых в качестве духовных наследников парламентарской оппозиции периода гражданских войн.

- ⁸ Афра Бен была весьма плодовитым и разносторонним автором, оставившим после себя пьесы, романы, стихотворные произведения. Самый известный ее роман «Оруноко» был даже переведен на русский язык в конце XVIII в. Ее работы периодически переиздаются в англоязычных странах. В нашем случае использован текст пьесы «Круглоголовые», опубликованный в собрании сочинений А. Бен в 1967 г. См.: The works of Aphra Behn : in 6 vols. Vol. 1 / ed. by M. Summers. N. Y., 1967.
- ⁹ Mendelson S. H. The Mental World of Stuart women. Three studies. The Harvester press, 1987. P. 148.
- ¹⁰ The works of Aphra Behn. Vol. 1. P. 337.
- ¹¹ Mendelson S. H. Op. cit. P. 149.
- ¹² The works of Aphra Behn. Vol. 1. P. 341.
- ¹³ Mendelson S. H. Op. cit. P. 149.
- ¹⁴ См.: The works of Aphra Behn. P. 336.
- ¹⁵ Цит. по: Ступников И. Английский театр. Конец XVII – начало XVIII века. Л., 1986. С. 146.
- ¹⁶ При взгляде на сохранившиеся изображения видно, что между подлинным дерзко элегантным Ламбертом и его театральным отражением трудно уловить сходство. Такая внешность, скорее, соответствовала бы смелому галанту Лавлейсу, чем пуританину, как его представлял театр Реставрации.
- ¹⁷ Ступников И. Указ. соч. 132.
- ¹⁸ Цит. по: Mendelson S. H. Op. cit. P. 148.

УДК 94 (100)

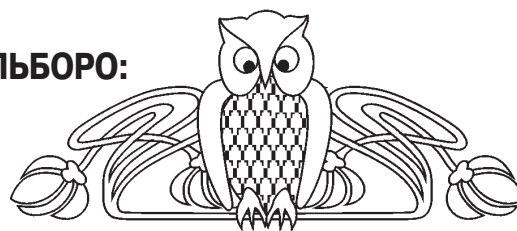
ПАРЛАМЕНТСКИЙ СУД НАД ГЕРЦОГОМ МАЛЬБОРО: ПРАВДА ИЛИ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ?

Л. И. Ивонина

Смоленский государственный университет
E-mail: ivonins@rambler.ru

В статье анализируется судебный процесс в английском парламенте над герцогом Джоном Мальборо, обвиненным в растрате денежных средств и присвоении значительных сумм. Как полагает автор, целью торийского парламента являлось оправдание лишения Мальборо всех его командных постов и отстранение от большой политики, и в этом смысле обвинение герцога было во многом сфальсифицировано.

Ключевые слова: война за испанское наследство, тори, виги, парламента, оппозиция, суд.

The Trial in Parliament over the Duke of Marlborough: Verity or Falsification?

L. I. Ivonina

The article examines the judicial process in the British Parliament over John, the Duke of Marlborough, accused of embezzlement of funds and assignment of invested significant sums. The author suggests that Tory Parliament sought to justify Marlborough's denial of all

his command posts and his dismissal of high politics. In this sense, charges of the Duke were largely falsified.

Key words: war of spanish succession, Tories, Whigs, parliament, opposition, court.

Тематика, рассматриваемая в данной статье, не только историко-правовая, но и тесно связана с проблемой общественного восприятия конкретного политика в конкретном государстве последнего столетия раннего Нового времени, когда дифференциация внутренних политико-правовых структур европейских стран сочеталась с унификацией международно-правового поведения.

В результате длительного переговорного процесса между Францией и ее соперниками в войне за испанское наследство (1701–1714), проходившего параллельно с военными действиями в течение почти шести лет, кто получил пощечину, кто просто надежду на стабилизацию обстановки, а кто – на наилучшее решение своих собственных проблем и реализацию честолюбивых устремлений. В любом случае мир был уже не за горами. Сопротивлялись лишь те, кто получил пощечину. Знаменитый полководец и политик этой войны английский герцог Джон Мальборо полагал, что самый болезненный удар получил именно он.

Герцог желал продолжения войны в основном по двум веским причинам. Главное место для военного и дворянина занимает честь, связанная с выполнением долга. С одной стороны, Мальборо осознавал свой долг перед союзниками (Священной Римской империей, Республикой Соединенных Провинций, Савойей, Португалией и др.), не принимавшими мира по сценарию английских тори и Версаля. С другой стороны, будучи первым лицом в Европе, у себя в стране он был только должностным лицом, облеченным огромными полномочиями, которых, тем не менее, в один прекрасный момент мог лишиться.

«Этот мир воистину стал безумным. Мне непонятно, как писака, пусть даже и очень способный, может низвергнуть в бездну позора и отчаяния самого знаменитого генерала в Европе», – с горечью писал Мальборо своему другу и боевому соратнику, имперскому главнокомандующему принцу Евгению Савойскому в декабре 1711 г.¹ Герцог мог вести решительную войну на поле брани и плести тонкие нити дипломатических кружев. Он прекрасно знал, что такое придворная игра и монаршья немилость, но слившейся воедино партийной и пропагандистской борьбе был не в силах противостоять. Частью этой борьбы против него стал судебный процесс в английском парламенте.

Не ложь, а полуправда является главным оружием политической войны. Именно им пользуются проницательные политики. Ложь, конечно, занимает в борьбе за свои идеи важное место, но такую же роль играет и правда. Наверное, об этом размышлял известный писатель и журналист Джонатан Свифт в своей резиденции на Нью-

Пантон-стрит, когда сочинял знаменитый памфлет «Поведение союзников». Он ставил перед собой цель склонить мнение общественности против войны и поддержать мирные намерения тори. Английский писатель вполне допускал ведение войны либо с целью «воспрепятствования чрезмерному усилению тщеславного соседа», либо для возвращения захваченных неприятелем территорий. Но нынешняя война, по его мнению, была развязана не в интересах монарха или народа, а в угоду генералу Мальборо и вигам и поставила народ Англии в худшее положение по сравнению не только с ее союзниками, но и с противниками. «Мы сражаемся за то, чтобы создать славу и богатство одной семье (то есть семье Мальборо), обогатить ростовщиков и банкиров ..., разорить собственников земли. Продолжая войну, мы игнорируем интересы общества и способствуем процветанию личных интересов ... После десяти лет войны заявлять нам о том, что выгодный мир заключить невозможно, очень удивительно», – писал Свифт.

Памфлет появился на свет 27 ноября 1711 г. и имел шумный успех в Лондоне. За месяц было продано 11 000 экземпляров памфлета, его прочитало примерно 30 000 человек. Люди, встречавшие Свифта на улице и не знавшие, что перед ними автор «Поведения союзников», показывали ему памфлет и говорили, что это «что-то экстраординарное». А военный министр Генри Сент-Джон лично сообщил ему, что голландский посол планирует его перевести на свой язык².

«Поведение союзников» обсуждали в кофейнях, пабах, университетах и в Уайт-холле. Когда 7 декабря собрался парламент, большинство его членов не сомневалось, что политические противники Мальборо Роберт Харли граф Оксфорд и Сент-Джон, будущий виконт Болингброк, правы, начав мирные переговоры и предварительно договорившись с Францией. Популярный еще недавно лозунг: «Нет мира без Испании!» теперь в глазах многих выглядел старомодным.

Джон Мальборо считал прелиминарные статьи предполагаемого мира между Англией и Францией предательством национальных интересов и пренебрежением к своим военным и дипломатическим достижениям. Его поддерживала сочувствовавшая вигам группа Холиуэлл (Holywell), развернувшая в прессе кампанию против тори. Согласно капеллану армии Мальборо, его первому биографу и другу Френсису Хэа, «более оправдана война, чем скандальный и небезопасный мир»³.

В ответ правительство ограничило свободу оппозиционной прессы, введя цензуру на ряд изданий. А в палате лордов политическая драма достигла своей высшей точки. 7 декабря 1711 г. королева Анна Стюарт произнесла в парламенте гневную речь против своего командующего и вигов, в которой были такие слова: «К великому разочарованию тех, кто восхищается войной (она явно намекала на Мальборо. – Л. И.), мирные

переговоры должны продолжиться и прийти к своему завершению»⁴. Когда пришло время голосования, лорд-канцлер Роберт Харли граф Оксфорд и члены нового торийского министерства все же проиграли двенадцатью голосами. Однако палата общин осталась приверженной миру, выступив за его заключение 232 голосами против 106. В такой политической обстановке началась кампания с целью бросить тень на репутацию Мальборо, путем обвинения герцога в стяжательстве. По этому поводу комиссия общественной счетной палаты представила на парламентскую сессию 22 декабря 1711 – 17 января 1712 г. свой подробный доклад⁵.

Герцога, открыто и решительно вставшего в оппозицию кабинету министров, необходимо осудить и отстранить от политики. Парламент должен засвидетельствовать, что он самым нечестным образом обращался с общественными деньгами. Суммы были подсчитаны, документальные свидетельства разными путями добыты. Королева тем временем должна заявить, что капитан-генерал ее армии – потенциальный Оливер Кромвель (лорд-протектор Английской республики во время политических потрясений середины XVII в.): она обязана либо защитить своих министров, либо разделить несчастную судьбу своего дедушки Карла I Стюарта. В свое время последний не смог защитить своего великого министра лорда Страффорда и в результате попал на эшафот. Именно эти аргументы приводил Анне граф Оксфорд.

Дело против Мальборо активно разрабатывалось на разных уровнях. Перед его обсуждением в парламенте Оксфорд настоятельно посоветовал королеве пополнить верхнюю палату двенадцатью новыми пэрами, преимущественно шотландцами. Сюда попал и супруг Абилай Мешэм – новой фаворитки королевы. Анна, правда, не желала делать пэром безродного выскочку, но в условиях правительственного кризиса вяла Оксфорду. И когда 12 новых пэров прибыли на заседание палаты, известный шутник лорд Уартон, не изменяя своей привычке, спросил, намереваются ли они голосовать индивидуально или вслед за своим вождем⁶.

Скоро был сделан решительный шаг. 29 декабря 1711 г. Анна подписала отставку герцога, а 31 декабря он был официально смещен со всех своих постов. Одновременно велось массивное пропагандистское наступление на Мальборо со стороны тори. Анонимные памфлеты вещали: «Где наши свободы и права, если нечем платить и не на что жить? Все ушло Ему на подарки, и ни его руководство, ни его храбрость не могут возратить погибших солдат». Особенно популярным стал памфлет, в котором Мальборо изображался как жирный и дерзкий кот королевы Анны, которого бы следовало напугать парламентской собакой. В нападки на герцога включились известные просветители Дж. Свифт и Д. Дефо, считавшие, что народ изрядно устал от войны, а Англия достигла

своих политических целей. Свифт в «Экзаминере» отметил, что «его завоевания финансировались хлебом половины его солдат», а Дефо в письме к Оксфорду написал: «Я надеюсь, Бог направит Милорда принять отставку и разоблачит человека-идола. Ведь он претендует на самое великое»⁷.

Первого января 1712 г. указом королевы герцог Ормонд был назначен вместо Мальборо капитан-генералом английских войск на континенте и капитаном Первой гвардии, а лорд Риверс стал начальником артиллерии. Одновременно казна по инициативе тори, не считавших себя обязанными выплачивать обещанную парламентом и Сити субсидию, приостановила выделение средств на строительство дворца Бленхейм – монумента славы в честь знаменитой победы герцога над франко-баварской армией в 1704 г. А вот французский король Людовик XIV воспринял новость о лишении Мальборо всех его регалий с явным недоверием. Ведь не так давно политика Британии определялась возглавлявшим непобедимые армии человеком, который и сейчас, в первое утро января 1712 г., в письме королеве Анне упрямо твердил: «...дружба с Францией опасна для Вашего Величества»⁸.

Атакуемый оппозицией главнокомандующий больше всего надеялся на поддержку имперского полководца принца Евгения Савойского. В парламенте у него были защитники, в прессе тоже, а вот в защите его дела при дворе он очень рассчитывал на международный авторитет и славу своего боевого соратника и друга, ведь настоящая дружба проверяется во время неудач и падений. Евгений всегда был в курсе его проблем и постоянно призывал Джона в непосредственном общении и в письмах успокоиться.

Среди тех, кто имеет желание вести себя нецивилизованно, никто не может проделать эту работу совершенней, чем английский джентльмен. Так считал принц Евгений, который 5 января 1712 г. прибыл в Лондон. Он очень скоро почувствовал на себе неприветливость обстановки. Еще по пути, в Гааге, его пытался отговорить от этого вояжа английский посол граф Страффорд, направлявшийся в Утрехт. И в устье Темзы имперского полководца попытались предостеречь от тесных связей с опальным политиком, английские министры избегали его и выглядели озабоченными, а иногда и просто невежливыми. Лондонский Сити собирался устроить банкет в его честь, но как будто забыл сделать это. В качестве компенсации лорд Портленд устроил пышный обед, на котором присутствовали виги и все те, кто желал выразить свое восхищение знаменитому полководцу.

Утром 17 января 1712 г. имперского полководца принял Генри Сент-Джон. На следующий день королеве пришлось дать ему аудиенцию, на которой Евгений передал ей письмо императора. 16 февраля принц увидел королеву еще раз. Анна, хотя и подарила ему украшенный бриллиантами меч стоимостью 4 500 ф.ст., была исключительно

холодна. Несмотря на то что герою были оказаны необходимые знаки глубочайшего уважения, его миссия – защита друга и переговоры о продолжении войны – окончилась неудачей. В британском тумане он не нашел военного энтузиазма и желания помочь братьям по оружию. К началу марта 1712 г. Евгений Савойский уже не сомневался в том, что Англия выработала на открывшемся в Утрехте 12 января мирном конгрессе основные принципы соглашения с французами. В долгие часы ожидания определенного ответа да и просто в свободное время принц Евгений, страстный библиофил, часто в сопровождении своего друга без устали бродил по антикварным лавкам Лондона, выискивая редкие издания, которые положили начало его уникальной библиотеке⁹.

«Визит принца Савойского был последней надеждой, которую потеряли враги мира в Утрехте», – отметили тогда многие английские газеты¹⁰. И все же для тори это были тяжелые дни: правительство опасалось проявления народной симпатии к принцу-победителю, а вместе с ним и к Мальборо и вигам, ведь когда они вместе появились в опере, то привлекли гораздо большее внимание зрителей, чем актеры. Весь зал приветствовал знаменитых полководцев бурной овацией. Для официального «мирного» курса английского правительства приезд Евгения Савойского был явно неуместным. Торийские публицисты начали кампанию и против него, а Свифт особенно подчеркнул, что «величайшим желанием этого принца является война, когда он ... видит себя во главе армии и видит только себя», и жаждет славы, рискуя жизнями тысяч людей, и желает быть наследником итальянских кондотьеров эпохи Ренессанса¹¹.

Через два месяца принц Савойский, так ничего и не добившись от официального Лондона, был вынужден покинуть Альбион. Поле брани призывало его. Он не смог помочь своему боевому товарищу, который не только лишился своих постов, но и находился под угрозой потери чести.

Лишить Мальборо чести было как раз тем, к чему всеми фибрами души стремились члены торийского Октябрьского клуба, о которых в Лондоне шутили: «Они тори, когда трезвые, а якобиты (т. е. сторонники изгнанного в результате «Славной революции» 1688 г. Якова Стюарта и его наследников. – Л. И.), когда пьяные»¹². Влияние Мальборо в палате лордов было слишком очевидным, и ему нельзя было оставить шансов воцариться там. Материалы были на руках – два обвинения герцога в коррупции. Сторонник Мальборо Роберт Уолпол, способнейший из молодых вигов, уже был обвинен в коррупции во время выполнения им функций военного министра в 1708–1710 гг. и провел пять месяцев в Тауэре. Его заключение было довольно комфортным, и он использовал это время, чтобы написать «Короткую историю Парламента». Роберта часто посещали соратники, друзья и родные, но он тяжело переносил свое вынужденное политическое бездействие.

«Я настолько унижен, что в один прекрасный день буду мстить», – сказал он своей сестре Долли. Он знал, что ответственным за его заключение был главным образом Сент-Джон виконт Болингброк, и готовил свою месть в качестве «холодного блюда». Но не Уолпол был главной целью тори. Нападая на него, они, по словам Свифта, «разыгрывали козырную карту в деле Мальборо»¹³.

Герцога обвинили в растрате военных средств, сговоре с поставщиками оружия и амуниции, получении денежных взяток от союзников и противников. Конкретно эти обвинения выражались в следующем. Было подсчитано, что главнокомандующий за 10 лет получил от поставщиков для армии 63 619 ф. ст., или 664 851 гульден. Каким образом? Во-первых, он брал 6 000 ф. ст. в год от сэра Соломона де Медины за контракт по обеспечению армии хлебом. Во-вторых, он получал 2,5% от сумм, вотируемых парламентом для содержания иностранных войск на английской службе. В целом эти два источника дохода составили от 170 000 до четверти миллиона ф. ст.¹⁴ Не отсюда ли происходило громадное состояние Мальборо? Его политические противники не сомневались в этом. Простые торийские сквайры были готовы поверить всему, что было против того человека, который в их умах ассоциировался с «денежным интересом», но поверят ли они Медине, еврею, родившемуся в Италии, одному из тех, кто финансировал революцию 1688 г. и держал самые большие слитки золота в Английском банке, человеку, который являлся членом «Банковской гостиной» – внутреннего кружка этого мистического института? Среди индивидов, которые могли рассказать историю, меньше всего заслуживающую доверия, сэр Соломон мог быть первым.

Генеральному прокурору было дано указание возбудить против Мальборо судебное дело, чтобы вернуть хоть часть денег. А Сент-Джон тем временем удвоил атаки на Мальборо в парламенте. Сам герцог защищался просто. Он признал, что был единственным контролером расходования финансов на войне и поэтому реального положения вещей никто не знает. Комиссия на хлебные контракты и 2,5% от оплаты иностранных войск были традиционным дополнительным доходом командующего в Нижних Нидерландах и предназначались для ведения секретной службы. На эти цели парламент готовился вотирировать сумму в 10 000 ф. ст. в год, тогда как во времена короля Вильгельма Оранского (1688–1702) расходы на разведку составляли 70 000 ф. ст. в год. По этой причине эти 10 000 были лишь дополнительными, и королева Анна своей властью гарантировала это. К тому же союзные государства публично заявили, что 2,5% брались с их одобрения. Ни в одной армии разведка так хорошо не показала себя, как в армии Мальборо.

Что касается хлеба, то герцог утверждал – и никто не мог его оспорить, – что британская

армия дешево и в немалом количестве кормила хорошим хлебом голландцев, которые содержали самую скромную армию в Европе. Поставщики хлеба, то есть сэр Соломон и его брат Мозес, подтвердили этот факт. Мальборо был уверен в своей правоте и знал, о чем говорить. Он не преминул упомянуть, что в большинстве случаев не брал взятку, предлагаемых ему противниками, хотя это было в среде дипломатов в порядке вещей. Он отклонил денежный подарок, предложенный ему Людовиком XIV в 1706 г., не стал по предложению Петра I русским князем в 1707 г. и не взял ничего от своего племянника и якобита герцога Бервика в 1708 г. А те 150 000 ф. ст., которые он принял от французов в 1709 г., нельзя, по его мнению, считать взяткой, поскольку он служил общественному благу и честно вел переговоры¹⁵. Его защита выглядела блестящей.

Параллельно Хэа без усталости писал панегирики в издания, соглашавшиеся их публиковать. В них особо отмечался спартанский стиль жизни герцога на войне: «Какой разительный контраст по сравнению с образом жизни Великого монарха (т. е. Людовика XIV. – Л. И.) являет нам главнокомандующий! Ни любовниц, ни актеров, ни даже историков». «Исключая капеллана, доктора Хэа», – впоследствии добавит к этой фразе, практически полностью перешедшей в его сочинение о великом предке, У. Черчилль¹⁶. Тот же принц Евгений, другой известный всем полководец, только благодаря войне стал богатейшим человеком в империи и крупнейшим землевладельцем. Его ежегодный доход составлял 100 000 гульденов – гораздо больше, чем у обвиняемого¹⁷.

Но превратилось ли от этого дело против Мальборо в дым? Наоборот!

Палата общин вынесла против него обвинительный вердикт 267 голосами против 165. Конечно, ведение войны – это личный риск, но риск, приносящий доход. Военачальник на войне находится в центре внимания и должен совершать все по правилам, полагали в парламенте. Для чего же существует парламентский контроль? Секретарь Мальборо Адам Кардоннел обвинен во взятии 500 дукатов от сэра Соломона на каждый хлебный контракт и был исключен из палаты общин. А Бенджамин Свит, который вычитал 1% из оплаты войск в свою пользу, был предан суду¹⁸.

Объяснения Мальборо по поводу 2,5% не были опубликованы, пока дело не закончилось и большинство людей его не забыло. А заявление союзных правительств в защиту английского полководца было оглашено только на мирной конференции в Утрехте годом позже. «Мы полностью убеждены и удовлетворены тем, что герцог Мальборо ежегодно направлял эти суммы на секретную службу, и его мудрое распоряжение ими способствовало победе во многих битвах»¹⁹. Так писал ганноверский курфюрст, будущий английский король Георг I. Но вердикт палаты общин был уже вынесен. Проявленный цинизм заключался

еще и в том, что назначенный капитан-генералом герцог Ормонд получил от палаты общин право брать некоторые суммы от хлебных контрактов и определенный процент от оплаты иностранных солдат на цели шпионажа.

Остается одна проблема. Если Мальборо и в самом деле не был виноват в предъявленных ему обвинениях, то откуда у него такое богатство? Впоследствии стало известно, что его военные соратники – Кадоган и Кардоннел – спекулировали и наживались на денежном обмене, который проходил через их руки во время движения армии. Скорее всего, командующий делал то же самое. Причем он мог оперировать суммами гораздо большими, чем любой из его подчиненных, и при этом пользоваться значительной поддержкой своего банкира и тайного друга сэра Генри Фарнезе, занимавшегося финансовыми операциями в Нижних Нидерландах²⁰. И даже это был не единственный источник его огромного состояния – не следует забывать о поступлениях от джентри в его обширных владениях, громадном доходе от занимаемых должностей и, конечно же, выгодных инвестициях. Ведь Джон с самой ранней молодости хорошо разбирался в коммерции и банковских вкладах, деньги на него так же работали, как и он работал, добывая их. Война есть война, и поведение командующих армиями того времени чаще всего не было безупречным. Полководцы всегда тем или иным способом обогащались во время войны.

В течение многих месяцев до, во время и после расследования его «финансового» дела Мальборо находился в крайне нервном эмоциональном состоянии, что отразила его переписка со Свитом: «Не пишите мне, передавайте через надежные руки» (февраль 1711 г.), «Кадоган даст Вам знать, где Вы сможете со мною встретиться тайно» (январь 1712 г.). В мае 1712 г. Свит заверял его: «Я скорее пожертвую собственной жизнью, чем разглашу то, что вы доверили мне»²¹. В октябре того же года Мальборо заключил: «Министры должны знать, что я трагил эти деньги (2,5%. – Л. И.) на общественные нужды. Или Бог забудет их». Возможно, его заботило не только само обвинение, на которое он мог ответить, но и желание человека, осуществляющего крупные финансовые операции, скрыть «деликатные» источники дохода, дабы ими не воспользовались «неразумные» люди.

Сент-Джон, обещавший французам избавиться от Мальборо, не был удовлетворен его отставкой и ходом событий. На деле в широких кругах англичан отставка непобедимого главнокомандующего, каким бы он ни был, вызвала неподдельное удивление. Он уже стал идиолом, желали этого его противники или нет. Среди тори были опасения, что виги даже способны поднять восстание. Поэтому в палате общин Сент-Джон выступил против слишком строгих мер в отношении Мальборо, превращавшегося в легендарную личность.

В мае 1712 г. Ормонд получил приказ королевы не вступать в сражения на стороне союзников. Когда он стал известен всем, в палате общин разгорелись дебаты, в ходе которых лорд Поуллетт сравнил «мужество» герцога Ормонда с ведением войны «одним генералом», который любил лишь кровавые битвы, уничтожившие весь цвет английского офицерства. То был явный намек на Мальборо. Поуллетт очень удивился, когда после заседания парламента герцог вызвал его на дуэль, и предпочел забрать свои слова обратно. Об этом узнала леди Поуллетт и попросила вмешаться в это дело правительство²².

Кампания, развязанная против Мальборо, не утихала, приобретая новые оттенки. Герцога обвинили в плохом командовании в битве при Мальплаке 11 сентября 1709 г., а особенно в том, что он не обеспечил необходимую медицинскую помощь многочисленным раненым, которых можно было спасти, хотя на это ему были выделены средства. Осенью 1712 г. Мальборо решил покинуть страну, поскольку уже знал, что правительство готовило против него отдельное дело относительно средств, затраченных на так и не законченное строительство дворца Бленхайм, и что от него будут требовать возместить все деньги, которые он потратил на секретную службу Ее Величества за все время войны²³.

Пропаганда – безошибочное оружие, способное настолько замарать репутацию, что убрать эту грязь потом либо очень трудно, либо вовсе невозможно. Живи английский полководец в эпоху прославленных героев Античности, он, как и Александр Македонский, стал бы подобен богу. Джону Мальборо, несмотря на все его дипломатические и военные победы, так и не удалось полностью отмыться. Отмыться для истории.

По всей видимости, судебный процесс против герцога Мальборо в парламенте был заказным и вызван как политической борьбой в Англии, так и ухудшением ее финансового и экономического состояния вследствие финансирования союзников во время войны. Кроме того, положение министра или придворного, зависевшее от расположения императора в консолидирующихся владениях Габсбургов или французского короля Людовика XIV, нельзя было сравнить с положением известного политика в Британии с ее развивавшейся парламентской монархией. Борьба партий могла смести его даже за малейший промах, а «подарки», считавшиеся в Версале или Вене обычным делом, в Лондоне уже рассматривались как взятки.

В 1714 г. взойшедший на английский трон после смерти королевы Анны Георг I Ганноверский

вернул Мальборо все его регалии и восстановил во всех должностях. Герцог был полностью оправдан, но уже не играл значительной роли в истории Великобритании. Его эра прошла, и на тропу войны и политики вышли новые люди.

Примечания

- 1 Murray G. The letters and dispatches of J. Churchill, first Duke of Marlborough from 1702 to 1712: in 5 vols. L., 1845. Vol. I. P. 52.
- 2 Swift J. Works : in 17 vols. L., 1898–1914. Vol. IV. P. 48–50.
- 3 Цит. по: Metzdorf J. Politik-Propaganda-Patronage. Francis Hare und die Englische Publizistik im Spanischen Erbfolgekrieg. Mainz, 2000. S. 142–144.
- 4 The letters and diplomatic instructions of Queen Anne / ed. by B. C. Brown. L., 1935. P. 391.
- 5 См.: Mullenbrock H. J. The Culture of Contention. A Rhetorical Analysis of the Public Controversy about the Ending of the War of the Spanish Succession, 1710–1713. München, 1997. P. 115 ; Cobbet's Parliamentary History of England : in 36 vols. L., 1808–1809. Vol. IV. P. 1362.
- 6 Thomson G. M. The First Churchill. The life of John, 1st Duke of Marlborough. L., 1975. P. 270–273.
- 7 Swift J. Op. cit. P. 56.
- 8 Murray G. Op. cit. Vol. II. P. 237.
- 9 См.: Ивонин Ю. Е. Евгений Савойский // Вопр. истории. 2006. № 6. С. 50 ; Braubach M. Prinz Eugen von Savoyen. Eine Biographie. Bd. I. Wien, 1963. S. 82–91.
- 10 См., например: The London Gazette. 1711. № 1.
- 11 Swift J. Op. cit. P. 66.
- 12 Thomson G. M. Op. cit. P. 274–275.
- 13 Jones J. R. Marlborough. Cambridge, 1993. P. 91.
- 14 См.: Mullenbrock H. J. Op. cit. P. 122–124.
- 15 Ibid. P. 125 ; Thomson G. M. Op. cit. P. 277–278.
- 16 Цит. по: Winston S. Churchill. Marlborough, sa Vie et son Temps : in 3 vols. P., 1967. Vol. I. P. 413.
- 17 См.: Braubach M. Op. cit. Bd. III. S. 94.
- 18 См.: Thomson G. M. Op. cit. P. 282.
- 19 Hatton R. Georg I. Ein deutscher Kurfurst auf dem englischen Thron. Frankfurt a / M., 1982. S. 118–184.
- 20 См.: Jones J. Op. cit. P. 99.
- 21 Thomson G. M. Op. cit. P. 284.
- 22 Ibid. P. 285–286.
- 23 Murray G. Op. cit. Vol. II. P. 308 ; English Historical Documents / ed. by A. Browning : in 12 vols. L., 1953. Vol. VII. P. 822–825.

УДК 94 (410) «1875»

«ПОСТОРОННИЕ В ПАРЛАМЕНТЕ!»: ПРОЦЕДУРНЫЙ КАЗУС 1875 ГОДА (из истории политической культуры викторианской Англии)

Н. В. Дронова

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
E-mail: Dronova_n@mail.ru

Статья посвящена истории периодической печати в Великобритании в контексте эволюции демократических институтов британского общества. Проблема рассматривается на примере одного из ярких эпизодов истории британского парламентаризма 1875 г. Работа построена на материалах британского парламента, прессы, мемуаров.

Ключевые слова: история Великобритании, парламент, пресса.

«Strangers in Parliament!»: the Procedural Incident of
1875 (from History of Political Culture of the Victorian
England)

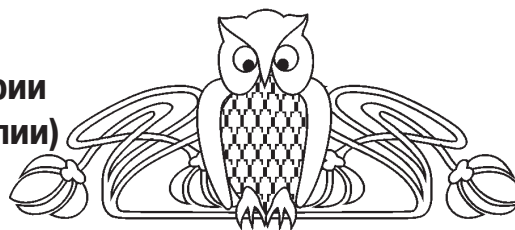
N. V. Dronova

The article is devoted to history of periodicals in Great Britain in a context of evolution of democratic institutes of the British society. The problem is considered on an example of one of bright episodes of history of the British parliamentarism of 1875. Work is based on materials of the British parliament, the press, memoirs.

Key words: history of Great Britain, parliament, periodicals.

9 апреля 1875 г. две ведущие столичные газеты – «Таймс» и «Дейли ньюс»¹ – опубликовали текст письма гондурасского посланника в Париже, адресованного председателю парламентского комитета по внешним делам Роберту Лоу. В нем излагались нелицеприятные факты, связанные с деятельностью одного из парламентариев – капитана Бедфорда Пима. Это не прошло незамеченным – уже 13 апреля вопрос стал предметом обсуждения в нижней палате².

Любые документы, оглашаемые заседаниях комитетов или предлагаемые членам палат, имели конкретных адресатов – парламентариев. Для публикации в прессе они не предназначались. С 1837 г. публиковать какую-либо информацию, рассматриваемую комитетами, было категорически запрещено любому частному лицу включая и членов самого комитета. Такое право относилось к числу привилегий самого парламента³. Поэтому, с одной стороны, публикация названного письма в «Таймс» и «Дейли ньюс» была очевидным нарушением прерогатив парламента и внесение на рассмотрение нижней палаты резолюции с требованием признать публикацию в газетах «нарушением прав парламента» было вполне юридически правомерным⁴. С другой стороны, сложилась практика, согласно которой репортеры постоянно

присутствовали в помещениях, где работают члены комитетов, имели там свои привычные места и даже хранили канцелярские принадлежности. Стало быть, председатель комитета не мог не понимать, что услышанное репортерами в тот же день станет достоянием гласности⁵. Требование парламентской традиции, таким образом, вошло в противоречие с изменившейся жизнью.

Описанная в письме история была очень не красивой: фигура нечистого на руку депутата-корыстолюбца наносила ущерб престижу и страны, и представительного учреждения. Состоялись шедшие несколько недель бурные дебаты, в ходе которых даже была забыта церемонная корректность парламентского слога и использовались малоизящные в респектабельной обстановке древнего учреждения эпитеты вроде «партия тупиц» (stupid Party) и «партия головотяпов» (blockheaded Party)⁶ в адрес правящих в ту пору консерваторов.

Премьер-министр Великобритании Б. Дизраэли высказал недовольство тем, что непроверенная информация, затрагивающая честь и достоинство одного из депутатов, была сделана достоянием гласности: это наносило ущерб и самому парламенту⁷. Но уже очень скоро вопрос приобрел более масштабную постановку, утратил первоначальное определение как вопрос о «привилегиях парламента». Он получил развитие как вопрос о «прессе и парламенте» и был оценен как «самый серьезный из вопросов общественной жизни Англии»⁸. Эта эволюция отразила главный содержательный стержень обозначившейся проблемы. К ответу были призваны издатели газет⁹.

Дебаты по этому вопросу приобрели острый характер. В течение полутора месяцев он приковывал к себе внимание обеих палат. Важность проблемы и острота полемики побудили выступить 52 оратора. Ему было посвящено двенадцать заседаний. Он не сходил со страниц самых солидных лондонских газет. Страсти накалились. Самым непримиримым оппонентом оказался премьер-министр Дизраэли, которого поддерживали парламентарии-консерваторы. Ему противостояла оппозиция, меньшая по численности, но очень решительно настроенная и столь же активно действовавшая во главе с Джозефом Биггаром и Александром Салливаном.

Джозеф Биггар¹⁰ был человеком достаточно известным. Будучи ирландцем, он занимал последовательную и радикальную позицию по вопросу о гомруле. Биггар вошел в историю как виртуозный оратор и мастер парламентской об-

струкции. Именно он несколькими днями раньше блестяще использовал старинное правило давать неограниченную возможность высказываться по любому вопросу любому члену парламента и заставил депутатов в течение нескольких часов слушать себя. А двумя годами позднее – 12 апреля 1877 г. – он вместе с Ч. Парнеллом вынудил парламент заседать без перерыва уже двадцать шесть часов при обсуждении резолюции об аннексии Трансвааля. Формальный повод был тот же – освященный традицией запрет прерывать обсуждение вопроса, пока есть желающие как угодно пространно излагать свои соображения. Во многом именно Биггару современные парламенты обязаны тем, что ныне словоохотливость депутатов жестко ограничивается регламентом, равно как и пониманием того, что парламентская процедура может быть эффективным средством политической борьбы.

Другим героем этой истории был Александр Салливан – журналист, издатель, юрист. Он тоже был ирландцем, сторонником гомруля, пользовался заслуженной к тому времени репутацией бунтаря¹¹. Салливан сформулировал свое видение ситуации четко: «имеющие место в настоящем отношения между палатой общин и публичной прессой в вопросе о публикации материалов публичных слушаний в парламенте и комитетах» ненормальны. Их надо пересмотреть, с тем чтобы «избавить от постоянной угрозы публичную прессу, делающую полезное дело для парламента и страны»¹². По сути, Салливан формулировал вопрос в оптимистическом ключе: репортеры в парламенте – люди не праздные и уж совсем не посторонние. Дизраэли инициативу Салливана отверг. В ответ раздалось обещание – начиная со следующего дня требовать удаления из зала заседаний «посторонних»¹³.

Формула «Посторонние в парламенте!» не слишком часто, но звучала в британском парламенте времен королевы Виктории. Она была не нова, освящена долгой традицией ее применения и вполне укладывалась в контекст выработанной к этому времени парламентской процедуры. Ею не злоупотребляли: требование удалить из зала заседаний «посторонних», то есть лиц, находившихся во время дебатов на галерее для публики, раздавалось нечасто. Обычно это было сопряжено с обсуждением важнейших вопросов состояния армии, внешней или религиозной политики, обсуждать которые было уместно в узком кругу посвященных лиц, проблем, которые, по мнению парламентариев, могли «нанести урон общественной нравственности» или «поджечь общественные страсти».

Состав присутствовавших на галерее для публики обычно бывал пестрым. Это могли быть праздные и не праздные любопытствующие, включая политиков, не являющихся парламентариями. Заметную часть «посторонних» составляли дамы, из разных соображений наносившие ви-

зит в парламентское заседание. Здесь можно было находиться дипломатам иностранных государств. Там же позволялось находиться репортерам газет, которым по долгу службы вменялось в обязанность готовить информацию о ходе парламентских дебатов. Они и были самыми привычными обитателями галереи.

Внесение кем-либо из депутатов ходатайства об удалении из зала «посторонних» влекло за собой специальную процедуру, которая, впрочем, упростилась за несколько веков. К эпохе королевы Виктории она уже не предполагала перерыва в заседании палат на время обхода подземелий с целью поиска потенциальных злоумышленников. К 30-м гг. XIX в. заседание парламента возобновлялось сразу после того, как сторонняя публика покидала галерею, а по окончании «закрытого» заседания «посторонним» предлагалось вернуться.

Заседание палаты общин 27 апреля 1875 г. шло в обычном порядке. Исключение составляло, пожалуй, несколько большее, чем обычно, оживление на галерее для гостей. И вот здесь Джозеф Биггар, обращаясь к спикеру, произнес процедурную формулу «Посторонние в парламенте!»¹⁴. Это было абсолютно неожиданно. Под сводами палаты общин повисла тишина. После небольшой паузы спикер переспросил Биггара, действительно ли тот «видит посторонних». Биггар ответил утвердительно. В зале заседания стал нарастать необычный для этого учредения шум. Забеспокоились присутствовавшие на заседании члены кабинета. Процедура была соблюдена: спикеру ничего не оставалось, кроме как обратиться к «посторонним», которых в этот день было особенно много, с предложением удалиться.

Как только закрылись двери за последним из удаленных «посторонних», поднялся премьер-министр Бенджамин Дизраэли, встреченный оглушительными приветственными возгласами. Не излагая мотивов, он заметил, что выдворение «посторонних» не всегда общественное благо. «Сегодня как раз такой случай», – подчеркнул он. Дизраэли обратился к парламентариям, назвав их «ассамблеей английских джентльменов», с призывом «не потакать капризу» одного из членов палаты, дискредитирующего всех, и на этот раз процедуру не применять¹⁵. Слова Дизраэли были встречены громкими возгласами одобрения. Его решительно поддержал влиятельный политик из противоположного лагеря либералов маркиз Хардингтон¹⁶. Следом поднялся один из старейших членов палаты общин Чарльз Ньюдегейт, потребовавший у Биггара объяснения «его из ряда вон выходящему и позорному поступку»¹⁷. Но эти попытки переломить ситуацию успеха не имели.

В этот день в парламенте обсуждались вопросы о британском судоходстве, арктической экспедиции, очистке фабричного дыма, убийстве мало кому известного лейтенанта, кораблекрушении у Золотого Берега, уточнялись рутинные детали бюджета. И вот здесь-то и раздалось

требование «удалить из зала посторонних», что, в соответствии с регламентом, и было сделано. Естественно предположить, что за этим должен был последовать какой-то неординарный вопрос как раз их тех, которые составляли государственную тайну или могли нанести урон общественной нравственности. Но речь дальше пошла о состоянии британского племенного коневодства¹⁸. В течение ближайших двадцати минут до сведения членов палаты общин было доведено, что продолжительный экспорт кровных лошадей грозит подорвать престиж британского коневодства, и правительству было предложено озаботиться этим обстоятельством. Закончивший говорить о лошадях оратор – депутат Чаплин – обратился к Биггару с напоминанием о том, что тот, похоже, «забыл, что его допустили в общество джентльменов»¹⁹.

После этого «посторонние» вновь были приглашены в зал заседаний, что они – по большей части репортеры – не замедлили сделать. Среди возвратившихся первыми шли наследник престола принц Уэльский и германский посол, находившиеся на галерее²⁰. Стоит уточнить, что среди публики, которую попросили удалиться, находилось еще и несколько титулованных особ – пэров Англии, которых привлек в число зрителей один из ожидаемых в повестке дня вопросов – как раз о коневодстве. Становится совершенно очевидно, что запрос об удалении «посторонних» был осуществлен явно демонстративно, с учетом высокого ранга посетителей галереи для гостей. Об этом прямо и заявил герой дня: этим он хотел привлечь внимание к «неудовлетворительным отношениям», сложившимся между прессой и парламентом²¹.

Дж. Биггар и А. Салливан вдвоем и сыграли спектакль с «удалением посторонних» в течение ближайшего месяца неоднократно. Всем было понятно, что напрямую к ирландскому вопросу, как можно было бы предположить исходя из принадлежности обоих депутатов к гомрулерам, эта ситуация отношения не имела. Более того, она встретила осуждение ирландцев: один из них – Джордж Брайен – прокомментировал ее так: «Человек должен сначала быть джентльменом, а лишь затем патриотом»²².

Со следующего дня события, развернувшиеся в парламенте, стали «горячей новостью» ведущих английских газет. Изложение произошедшего было подробным. Но самый большой интерес, пожалуй, представляла его оценка. Наиболее ярко мысль была сформулирована в «Морнинг пост»: «Если публика лишится полноценной возможности знать, что происходит в стенах палаты общин, то палата перестанет представлять народ»²³. Самыми часто употребляемыми для оценки имевшего место положения дел были слова «абсурд» и «глупость»²⁴. Впрочем, образ, предложенный «Экономистом», был еще более колоритен: имеющий место обычай изгонять «по-

сторонних» заставляет вспомнить о «бронзовом или даже каменном ноже»²⁵. Александр Салливан обратился к редактору «Таймс» с письмом, опубликованным 29 апреля, в котором подробно излагал свою позицию, обещал быть стойким и выражал надежду на то, что разум возобладает (The Times. 1875. April 29. P. 6).

Развернулась оживленная парламентская дискуссия по поводу права репортеров присутствовать в зале заседаний парламента. Мнения разделились. Маркиз Хартингтон, выступая 4 мая 1875 г., добавил уточнение о праве газет помещать информацию о ходе парламентских дебатов²⁶. Он заметил, что времена изменились. Если при Карле I для парламента было жизненно важно скрыть свои намерения в условиях развивающегося конфликта с королевской властью, то теперь дело обстоит совершенно иначе. Публикация материалов дебатов служит на пользу и обществу, и парламентау²⁷. Но существующим порядком в любой момент репортеры могут быть поставлены в ложное положение. Поэтому необходимо урегулировать условия деятельности, права и обязанности сторон. Либеральная оппозиция настаивала на том, что запрет публикаций на парламентские темы устарел. Как выразился Роберт Лоу, которому в качестве главы комитета как раз и было адресовано злополучное письмо, послужившее причиной скандала, пресса – «это сила, с помощью которой мы можем эффективно влиять на страну»²⁸. «Все мы зависим от прессы», – вторил ему коллега-парламентарий Эдвард Хорсман²⁹. Они сходились в мысли, что нужно что-то делать.

Жесткую позицию занял премьер-министр, лидер консервативной партии Бенджамин Дизраэли: «Эти привилегии относятся к общим правам парламента. Они выработаны опытом многих поколений ..., даже веков. Ими будет результат опыта многих поколений. Если заложенная в них мудрость в настоящее время не очевидна, то рано или поздно она покажет себя в действии». Дизраэли предложил подтвердить безоговорочное право парламента выдворять «посторонних»³⁰. Критику Дизраэли в адрес Салливана в редакционной статье «Таймс» от 6 мая 1875 г. расценили как несправедливую, имевшую место практику как абсурдную, а Салливана – как своего рода героя, в одиночку сражающегося с монстром³¹. В редакционной статье «Экономиста» позиция Дизраэли была прямо названа «грубой ошибкой»³². А сам возмутитель спокойствия Александр Салливан резюмировал: журналисты больше не будут выказывать «позорное терпение»; «солнце в последний раз закатилось над рабством прессы»³³.

Парламентская дискуссия закончилась победой консервативного большинства, которое подтвердило старинные привилегии парламента.

Самым важным результатом парламентского казуса, пожалуй, была постановка вопроса о механизмах взаимодействия парламента и прессы в меняющемся обществе, за которым стояли другие

вопросы – о полноте публикуемой информации, о праве на нее общества, о правовых гарантиях деятельности журналистов и издателей. Проблема назрела. Процедурный казус 1875 г. послужил своеобразным пусковым моментом важного процесса. Несколькими годами позднее – в 1878, 1879 и 1880 г. – издателями и журналистами, количество которых среди депутатов парламента неуклонно возрастало (в 1868 г. 3 владельца газет, в 1880 уже 11³⁴), была предпринята новая попытка законодательного урегулирования отношений прессы и парламента. По их инициативе в течение ряда лет специально созданный комитет разрабатывал проект закона «О наказании за клевету в печати». Действовавший к тому времени в Британии «Закон против клеветы» не имел четких юридических очертаний, что давало обеим сторонам – властям и издателям – возможность его вольного толкования. В такой ситуации конфликт был неизбежен – это показал рассмотренный казус 1875 г. Более того, он должен был обрести черты постоянства.

Билль обсуждался в течение ряда лет и, в конечном итоге получив одобрение нижней палаты, так и не стал законом, закончив свое существование в палате лордов. В этом была своя логика – сопротивление принятию «Закона о наказании за клевету в печати» было явным продолжением той же линии, которая просматривалась в удалении из парламента «посторонних». Произвольность трактовки закона расширяла поле для политического маневра и обеспечивала широкие возможности воздействия на единственные в ту пору средства массовой информации. Впереди были новые баталии.

Примечания

- 1 См.: The Times. 1875. April, 9 ; The Daily News. 1875. April, 9.
- 2 Great Britain Parliament. The Hansard's Parliamentary Debates. 3 Series (далее – HC Deb.). L., 1875. Vol. 223. 13 April. P. 787–811.
- 3 Ibid. P. 788.

- 4 Ibid. P. 794.
- 5 Ibid. P. C.795.
- 6 HC Deb. 1875. Vol. 223. 16 April. P. 1148.
- 7 HC Deb. 1875. Vol. 223. 13 April. P. 795–796.
- 8 Ibid. P. 800.
- 9 HC Deb. 1875. Vol. 223. 13 April. P. 810–811 ; Vol. 223. 16 April. P. 1116.
- 10 См.: Dictionary of National Biography. Suppl. I. L., 1901. Vol. 1. P. 195–196.
- 11 Ibid. Vol. 55. P. 157–159.
- 12 HC Deb. 1875. Vol. 223. 22 April. P. 1451.
- 13 Ibid.
- 14 HC Deb. 1875. Vol. 223. 27 April. P. 1692.
- 15 Ibid. P. 1693.
- 16 Ibid.
- 17 Ibid. P. 1693–1694.
- 18 Ibid. P. 1694–1735.
- 19 Lucy H. A Diary of Two Parliaments. 1874–1880. L., 1885. P. 85.
- 20 Ibid. P. 84–85.
- 21 HC Deb. 1875. Vol. 223. 27 April. P. 1694.
- 22 Lucy H. Op. cit. P. 84.
- 23 The Morning Post. 1875. April 28. P. 4.
- 24 The Times. 1875. April 28. P. 11 ; 1875. April 30. P. 9 ; The Daily News. 1875. April 26. P. 5.
- 25 Parliament and the Press // The Economist. 1875. May 8. P. 546.
- 26 HC Deb. 1875. May 4. Vol. 224. P. 48–49.
- 27 Ibid. P. 50–51.
- 28 Ibid. P. 84.
- 29 Ibid. P. 92.
- 30 Ibid. P. 50–51.
- 31 The Times. 1875. May 5. P. 9.
- 32 Parliament and the Press // The Economist. 1875. May 8. P. 546.
- 33 HC Deb. 1875. 4 May. Vol. 224. P. 89.
- 34 Thomas J. A. The House of Commons. 1832–1901. A Study of its Economic and Functional Character. Cardiff, 1939. P. 14–15.

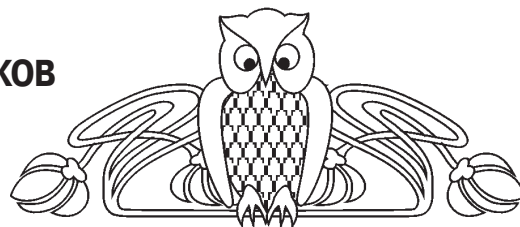
УДК 94(420).081+929Новикова

ОЛЬГА НОВИКОВА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Н. В. Бородавкина

Саратовский государственный университет
E-mail: tash_19@mail.ru

Статья посвящена изучению жизни и деятельности О. А. Новиковой, русской писательницы, жившей в Лондоне во второй половине XIX в. Особое внимание уделяется рассмотрению взаимоотношений Ольги Новиковой и представителей интеллектуальной и политической элиты Великобритании, в частности лидера либеральной партии У. Гладстона. Автор анализирует позицию

современников относительно той роли, которую Ольга Новикова играла в общественной и политической жизни Великобритании, в развитии англо-русских отношений.

Ключевые слова: социальная история Англии, Викторианская эпоха, политическая элита Великобритании, Ольга Новикова, У. Гладстон, У. Стэд.

Olga Novikov, through the Eyes of Her Contemporaries

N. V. Borodavkina

The article deals with the life and activity of Russian writer and publicist Olga Novikov, who lived in London in the second half of the XIX century. Special attention is given to Olga Novikov's relationship with the eminent British statesmen and intellectuals, particularly with the leader of the Liberal party W. Gladstone. The author analyses the views of Olga Novikov's contemporaries on the role she played in the social and political life of Great Britain and in the development of the Anglo-Russian relations.

Key words: English social history, Victorian Epoch, British political elite, Olga Novikov, W. Gladstone, W. Stead.

В 1880 г. в Лондоне была опубликована книга «Россия и Англия», которая сразу привлекла внимание британской общественности. Книга была подписана инициалами «О. К.», но личность автора ни для кого не была секретом. «Россия и Англия» представляла собой собрание статей и писем, написанных за последние несколько лет О. А. Новиковой, русской писательницей, жившей в это время в Лондоне.

Книга вызвала неоднозначную реакцию в обществе. В политических кругах ей были даны противоположные оценки, что неудивительно, учитывая содержание книги и обстановку, в которой она была опубликована. Книга появилась накануне всеобщих выборов и содержала резкую критику в адрес политики лидера консерваторов Б. Дизраэли, что дало возможность либералам использовать ее как своеобразный документ предвыборной кампании. Кроме того, книга касалась весьма злободневного вопроса – отношений России и Англии.

Во второй половине XIX в. взаимоотношения двух держав носили весьма сложный характер. Столкновение экономических и политических интересов в Средней Азии, события Крымской войны оказали серьезное воздействие на общественное мнение в Великобритании. Под влиянием этих противоречий в английском обществе получили широкое распространение антирусские настроения. Еще больше обострились противоречия в связи с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.

Именно в этот период О. А. Новикова начала активную публицистическую деятельность. В конце 1870-х гг. мало кто привлекал к себе столько внимания лондонской общественности, как Ольга Новикова. Ее имя было окружено многочисленными слухами и легендами, отношение современников к «русской леди» было диаметрально противоположным: она вызывала восторг и часто сталкивалась с резкой критикой в свой адрес. В этой связи небезынтересно сравнить отношение к О. А. Новиковой ее сторонников и оппонентов, рассмотреть особенности восприятия ее личности и деятельности в английском обществе.

Жизни и деятельности О. А. Новиковой в зарубежной историографии посвящено мало работ.

Женщина, личность которой вызывала огромный интерес в конце XIX в., долгое время не привлекала внимания исследователей. Наиболее подробной и полной стала работа о жизни О. А. Новиковой, написанная британским журналистом У. Стэдом¹. Двухтомная работа под его редакцией, содержащая, помимо биографических сведений, обширную переписку Новиковой, является прекрасно документированным исследованием.

В начале XX в. в Лондоне были изданы воспоминания Ольги Новиковой с краткой вступительной статьей Стефана Грэхема, который охарактеризовал ее как яркую, известную личность. По мнению Грэхема, она заслужила уважение и восхищение не только потому, что была одной из «самых интересных женщин в европейских дипломатических кругах», но и потому, что она внесла значительный вклад в развитие дружеских отношений между Россией и Англией².

На протяжении XX в. появились немногочисленные работы, посвященные отдельным аспектам деятельности О. Новиковой³.

В отечественной историографии личность О. Новиковой рассматривалась только в контексте англо-русских отношений в работах общего характера⁴. Таким образом, очевидно, что жизнь и деятельность О. Новиковой слабо освещена как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

Между тем она, безусловно, являлась личностью, заслуживающей внимания. О. Новикова сыграла заметную роль в изменении тех стереотипов восприятия России и русских, которые сложились в английском обществе. В данной статье предпринята попытка выявить позицию современников относительно той роли, которую О. Новикова играла в общественной и политической жизни Англии, в развитии англо-русских отношений.

Ольга Алексеевна Новикова, урожденная Киреева, родилась 29 апреля 1840 г. в дворянской семье в Москве. Ее отец Алексей Киреев, офицер русской армии, участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг. За храбрость, проявленную на поле боя, он был удостоен ордена Св. Георгия. Алексей Киреев был близок к славянофилам и привил своим детям Александру, Николаю и Ольге патриотические убеждения. Крестным отцом Ольги Алексеевны и ее братьев был Николай I. Мать Ольги Новиковой Александра Васильевна Алябьева, умная, тонкая, красивая женщина, была хозяйкой литературного салона в Москве. Частыми посетителями ее салона были выдающиеся музыканты, литераторы, ученые. Безусловно, та обстановка, в которой росла и воспитывалась Ольга Алексеевна, оказала значительное влияние на ее развитие.

О. А. Новикова получила блестящее домашнее образование и в совершенстве владела английским, французским и немецким языками, что помогло ей в публицистической и просветительской деятельности. Многие ее корреспонденты от-

мечали прекрасное владение английским языком, ясный и свежий стиль изложения. С юности проявляя интерес к истории, литературе, искусству, она была разносторонне развитой личностью.

В возрасте девятнадцати лет Ольга Алексеевна вышла замуж за Ивана Петровича Новикова, чиновника министерства народного просвещения, который впоследствии получил чин генерал-лейтенанта и стал попечителем Петербургского учебного округа. На втором году замужества родился их единственный сын Александр. Но семейная жизнь Ольги Алексеевны не сложилась. Супруги оказались слишком разными людьми. Иван Новиков был на двадцать лет старше своей жены. Ольга Алексеевна была молодой жизнерадостной девушкой. Живая и деятельная, она хотела быть в центре внимания. Поскольку Александр был ее единственным сыном, у нее было достаточно свободного времени. Ее интересовала жизнь во всех ее проявлениях: она обожала музыку, искусство, литературу, интересовалась вопросами политики и религии. Очень точно в этой связи высказался Александр Кинглейк, английский писатель и историк, близкий друг Новиковой, с которым она вела переписку в течение двадцати лет и который обращался к ней не иначе как «моя дорогая Мисс». Однажды он заметил ей: «Я думаю, что вы черствая замужняя дама, и я рад, что это не так. Отныне я буду называть вас Мисс»⁵.

События, связанные с Польским восстанием 1863 г., произвели на Ольгу Алексеевну сильное впечатление. С тех пор она стала живо интересоваться проблемами международной политики. Большое влияние на ее политические взгляды оказало и общение с британским послом в России лордом Непиром. В 1868 г. О. Новикова впервые прибыла в Лондон и сразу же получила приглашение посетить русское посольство, поскольку российский посол в Англии барон Ф. И. Бруннов был лично знаком с ее матерью. С этого времени она ежегодно проводила зиму в Лондоне. В начале 1870-х гг. Ольга Алексеевна некоторое время жила в Вене. Поскольку брат ее мужа Евгений Петрович Новиков был послом России в Австрии, она имела возможность встречаться с выдающимися государственными деятелями, в частности в то время у нее завязались дружеские отношения с премьер-министром Фр. Бойстом.

О деятельности О. А. Новиковой в начале 1870-х гг. практически ничего не известно. Ее первые визиты в Лондон длились не более нескольких месяцев, остальное время она проводила с семьей. Свою литературно-публицистическую деятельность Ольга Алексеевна начала в конце 70-х гг. XIX в. в Лондоне. Образованная, остроумная и общительная, она быстро завела широкий круг знакомств. Лондонский салон Новиковой считался одним из лучших в столице и стал влиятельным центром политических дискуссий. Здесь собирались многие выдающиеся политики и ученые, среди которых можно выделить фило-

софа Т. Карлейля, историка А. Кинглейка, лорда Кларендона, публициста М. Арнольда, историка Дж. Фруда и др. И хотя они разделяли далеко не все убеждения Ольги Новиковой, безусловно, их объединяла личность хозяйки салона. Красивая и умная женщина с «открытой русской душой»⁶, тактичная и обаятельная, обладавшая чувством юмора, она, естественно, привлекала людей. Поэтому неудивительно, что у нее был широкий круг знакомств среди представителей интеллектуальной и политической элиты. В разные годы она поддерживала дружеские отношения со многими выдающимися писателями, политиками своего времени. Среди ее постоянных корреспондентов были И. С. Тургенев, А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев, Ф. М. Достоевский, К. П. Победоносцев и многие другие.

Стэд полагал, что благодаря антикатолическим убеждениям Ольги Алексеевны у нее было много сторонников среди английских общественных деятелей, прежде всего либералов. Действительно, большая часть ее знакомых в Великобритании принадлежала к либеральным кругам, хотя важно отметить, что среди ее друзей были и консерваторы, как, например, лорд Стэнхоп.

Особую страницу в жизни О. Новиковой составили отношения с У. Гладстоном – выдающимся государственным деятелем, лидером либеральной партии, четыре раза возглавлявшим правительство Великобритании. Они долгое время вели переписку, обсуждая политические, а также религиозные вопросы. Интерес к вопросам веры и религии был одной из причин их дружеских отношений. Их переписка началась с обсуждения вопроса о старокатоликах⁷, и последние письма Новиковой к Гладстону в основном касались той же темы. Нужно отметить, что переписка велась в весьма доброжелательном тоне, это были письма единомышленников, причем объединял их не только интерес к религиозным вопросам – Ольга Новикова была сторонником Гладстона и в политических делах.

Любопытно, что среди близких друзей О. Новиковой встречались не только те, кто относился к России с симпатией. Многие из них принадлежали к совершенно противоположному лагерю, как, например, писатель и историк Александр Кинглейк.

С конца 1870-х гг. Ольга Новикова заявила о себе как активно пишущий публицист. Ее статьи стали появляться в различных британских печатных изданиях, а также в русских периодических изданиях «Московские ведомости», «Русское обозрение» под инициалами О. К. Она переводила произведения русских литераторов на английский и французский языки. Выбор произведений Новиковой был, естественно, не случайным. Среди ее работ можно отметить перевод «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского, «Чем люди живы» Л. Н. Толстого. Она перевела на английский язык и способствовала распространению памфлета А. А. Киреева, написанного им после проведения

межконфессиональной конференции в Бонне и посвященного вопросу о роли православной церкви. Новикова содействовала публикации на английском языке книги К. П. Победоносцева «Размышления русского государственного деятеля» и сама написала предисловие к ней.

Другой гранью ее деятельности было знакомство русских читателей с британскими знаменитостями. Примером такого рода стала публикация в Москве ее работы «Несколько слов о Карлейле». Обращалась Новикова и к проблемам международным, волновавшим в равной мере (хотя и с разных позиций) как британскую, так и российскую общественность. На злободневную тогда балканскую тему была работа «Кризис в Сербии».

Но международный резонанс получили ее статьи, изданные в Лондоне и посвященные проблемам русско-британских отношений и восприятия всего русского в Британии. В книгах и статьях «Ошибается ли Россия?», «Друзья или враги?», «Россия и Англия» Новикова обращалась к английской общественности, пытаясь отстоять «историческую правомерность самих внутренних политических и общественных устоев России, к которым британцы традиционно относились весьма критически»⁸. Обращение к этой теме не было случайным. В 1876 г. в Сербии погиб брат Ольги Алексеевны, Николай Киреев. Это событие она расценивала как переломный момент в своей жизни. Причину своей личной трагедии она видела во вражде Англии и России, в частности в бескомпромиссной позиции Великобритании. Посчитав, что «именно Англия убила ее брата»⁹, она поставила перед собой четкую цель – познакомить англичан с настоящей Россией и истинными убеждениями русских и показать России настоящую Англию и истинные убеждения англичан¹⁰. За свою общественную и публицистическую деятельность Новикова приобрела репутацию «русского агента», «представителя неофициальной России»¹¹.

В книге «Россия и Англия», вызвавшей заметный общественный резонанс, вышедшей в период острой борьбы между либералами и консерваторами за лидерство в парламенте, отчетливо проявляется прогладстоновская позиция автора. В то же время статья Гладстона, посвященная этой книге, была не столько критическим отзывом, сколько своеобразным манифестом – Гладстон рассматривал ее именно как часть предвыборной кампании и даже упоминал о ней в своем выступлении перед избирателями во время поездок в Мидлотиане. Выступая не как частное лицо, а как государственный деятель, Гладстон руководствовался прежде всего политическими соображениями. Наиболее точно выразился по этому поводу К. Лиддон в письме Ольге Новиковой: «Мы должны быть прежде всего беспристрастны ... Оценивая публичных людей и их действия, необходимо помнить, что их современники не могут понять многого, что оказывает влияние на них...»¹².

Подобные дружеские отношения лидера либеральной партии и «русской леди» вызвали вполне понятную негативную реакцию политических противников. И если ярый сторонник Новиковой Уильям Стэд полагал, что ее сотрудничество с Гладстоном в 1876–1878 гг. подготовило возможность заключения соглашения 1907 г.¹³, то непосредственно в те дни, как впоследствии вспоминала Новикова, дело доходило до того, что некоторые издания начали высмеивать Гладстона, называя его «Гладстонофф» (полагая, что все русские фамилии заканчиваются на «офф»), и даже намекали на то, что он был оплачиваемым агентом России¹⁴.

Это не было секретом для Гладстона. В своем письме Ольге Новиковой в январе 1880 г. он замечал: «Любое ваше вежливое слово будет истолковано джингоизмом – который все еще существует, хотя и потерял свое значение – как подтверждение дьявольского заговора»¹⁵. Кроме того, подобное отношение в обществе давало Гладстону повод для иронии. «Меня расстраивает Ваша неизменная любезность по отношению ко мне, – писал он в феврале 1880 г. после выхода книги Новиковой «Россия и Англия», – и я надеюсь, что во втором издании Вы напишете что-нибудь язвительное»¹⁶.

В целом Гладстон высоко оценивал роль Новиковой не только с политических, но и с нравственных позиций. Публицистическую и просветительскую деятельность Ольги Алексеевны он рассматривал как «бесспорную услугу человечеству»¹⁷. Нужно признать, что Ольга Новикова действительно имела определенное влияние на Гладстона, хотя ее роль в предвыборной кампании либералов не стоит преувеличивать.

Одним из самых последовательных сторонников Ольги Новиковой в Лондоне был британский журналист Уильям Стэд, редактор «Северного эха», где часто появлялись статьи Новиковой. Впоследствии он написал ее биографию, но будучи одним из ее близких друзей и активным сторонником, не смог избежать идеализации своей героини. Он разделял многие ее убеждения, особенно в вопросе русско-английских отношений, и зачастую переоценивал роль Новиковой в общественно-политической жизни Англии. Сразу после своего появления эта книга была переведена на русский язык. У. Стэд с восхищением относился к Новиковой и категорически заявлял, что она «не была ничьим агентом, она была русским патриотом»¹⁸. Но не только патриотизм, живой ум и широкий круг интересов восхищали Стэда в ней. Его привлекали и ее личные качества: дружелюбие, способность сопереживать, выслушать, стремление помочь своим друзьям¹⁹.

Стэд признает «некоторую долю правды» в том, что зачастую Новиковой не удавалось убедить английскую общественность согласиться с ее взглядами, и даже более того, часто она раздражала тех, кого старалась примирить. Стойко защищая Россию, она вызывала враждебность. Но и эти

недостатки он склонен был оправдывать, видя только сильные стороны в ее демонстративной откровенности и бескомпромиссной позиции²⁰. Оценивая роль Новиковой в общественной и политической жизни Англии, ее влияние на развитие российско-британских отношений, Стэд явно склонен к преувеличению.

Не менее интересными и ценными являются и критические оценки личности и деятельности Ольги Новиковой. Они не только отражают анти-российские настроения, господствовавшие в то время в британском обществе, но и являются яркими характеристиками ее личности.

В политических кругах было немало противников ее деятельности. Многие не принимали стремления Новиковой играть определенную роль в политической жизни страны. После выхода нее «Россия и Англия» либеральная пресса не скупилась на похвалы. Значение данной книги особо подчеркнул Гладстон, опубликовавший отзыв на книгу в журнале «Найтингсен сенчери». Кинглейк также весьма высоко оценил роль Ольги Алексеевны в ходе предвыборной кампании, но при этом со свойственной ему иронией заметил в письме Новиковой 2 апреля 1880 г.: «Небеса благоприятствуют Вашим козням в нашей стране, поскольку ход выборов развивается таким образом, что шарлатан потеряет власть»²¹.

Консервативная пресса, однако, не разделяла энтузиазма либералов. «Пэл-Мэл Газет» язвительно замечала, что Гладстон «превозносит г-жу Новикову за ее выдающиеся способности справляться с политическими дебатами. Некоторые из нас полагают, что будет правильнее воздать должное ее выдающимся способностям управлять политиками»²². Кроме того, многих возмущала некоторая бесцеремонность, которую позволяла себе Новикова, критикуя политику Дизраэли. Подобное откровенное выражение ее позиции в отношении лорда Биконсфилда было неудивительно. Новикова крайне отрицательно относилась не только к проводимой Дизраэли политике, но и к нему лично. Она называла его экспертом в искусстве лести²³ и даже писала, что существует две Англии: «...Англия с душой и сердцем и Англия, которая заботится только о своем кармане. Другими словами, есть Англия м-ра Гладстона и Англия лорда Биконсфилда»²⁴. С ее точки зрения, два политических деятеля не просто возглавляли противоборствующие партии, но являлись воплощением, олицетворением своей страны, ее светлых и темных сторон.

Интересно, что знакомство Новиковой с Гладстоном и Дизраэли произошло в один и тот же вечер в 1873 г. Одному было суждено стать близким другом, человеком, который, по ее собственным словам, «оказал ей сильную поддержку в ее попытках сблизить Россию и Англию»²⁵, другой стал объектом неприятия. Со своей стороны и Б. Дизраэли не остался в долгу. В конце 1870-х гг. он назвал Ольгу Новикову «членом британского

парламента от России»²⁶. Тем самым злоязычный остроумец старался уколоть не столько «русскую леди», сколько ее английских друзей. В то время это было явным проявлением недружелюбия, тем не менее по прошествии десятилетий Ольга Новикова уже могла расценивать его как своеобразный комплимент. В своих воспоминаниях она отмечала, что считала себя представителем русского народа в Англии и всегда гордилась этим почетным званием²⁷.

Ольга Алексеевна прекрасно осознавала, что отношение к ней в британском обществе конца 1870-х гг. было явно враждебным²⁸. Ее называли «пресловутым агентом русского посольства в Лондоне»²⁹, а некоторые недоброжелатели прямо указывали на то, что собрания в ее салоне были просто «хитроумной ловушкой» с целью получить нужную информацию и передать ее в Россию³⁰.

Характерно, что когда политическая ситуация изменилась в начале XX в., кардинально изменились и отзывы прессы, которые теперь демонстрировали иной взгляд на роль Новиковой в установлении дружеских отношений между двумя странами. Газета «Дэйли телеграф» отзывалась о Новиковой как об «одной из самых выдающихся женщин своего поколения»³¹. «Дэйли ньюс» признавала право Новиковой вписать свое имя в историю, поскольку «почти десять лет она оказывала, вероятно, большее влияние на ход национальной политики, чем любая другая женщина»³².

Ольга Алексеевна Новикова была одной из немногих, кто в период обострения англо-русских противоречий призывал к диалогу. Ей приходилось вести свою деятельность в обстановке, когда представления англичан о России и русских были в основном крайне враждебными. Новикова отмечала, что англичане склонны видеть в каждом русском скрытого врага, плетущего интриги против английских интересов³³. Один из ее корреспондентов К. П. Победоносцев писал ей в 1877 г.: «Удивляюсь, как вы переносите жизнь в Англии, где самый воздух, кажется, заражен ненавистью к нам, и где – что ни говори – самые друзья наши делают всегдашнюю оговорку о нашем варварстве»³⁴.

Тем важнее была роль Ольги Новиковой и других немногочисленных представителей России, постоянно живущих в Англии, поскольку они имели возможность повлиять не только лично, но и через своих друзей в стране на представления англичан о России.

Не только ее деятельность, но и личные качества вызвали неоднозначную реакцию современников. Стремление Новиковой быть в центре общественно-политической жизни вызывало у них смешанные чувства. Некоторых ее чересчур активная позиция явно раздражала. Так, И. А. Гончаров, несколько лет поддерживавший с ней переписку, в сентябре 1866 г. писал И. С. Тургеневу о своей ссоре с Новиковой, в которой его отталкивала «суета – со всеми познакомиться, со

всеми и обо всем поговорить, со всеми переписываться – без внутреннего живого интереса»³⁵. Гончаров расценивал ее потребность общаться и переписываться с известными людьми «без всякой надобности, а так только, чтоб поговорить», как «своего рода моральное блудовство в женщине...»³⁶. Можно предположить, что за этим неодобрением кроется чисто человеческое неприятие стремления к активности со стороны человека, который не просто был автором «Обломова», но и сам был близок к этому человеческому типу. А кроме того, в этом неодобрении стремления представительницы «слабого пола» к общественной деятельности прослеживается маскулинная позиция, господствовавшая в XIX в., согласно которой место женщины – у домашнего очага.

Там, где писатель Гончаров отмечал лишь «суету без всякой надобности», другие современники видели настойчивость Новиковой в достижении определенной цели – «добиться искреннего взаимопонимания между Англией и ее родиной», что, напротив, вызывало восхищение³⁷. Новиковой удалось завоевать уважение своих оппонентов даже в то время, когда противостояние было особенно острым, а ее деятельность вызывала немало критики. В газетах появлялись положительные оценки ее способностей и личных качеств даже со стороны бескомпромиссных русофобов: «Что касается г-жи Новиковой, то просто невозможно оценить услуги, которые она оказала своей стране. Весь дипломатический корпус империи, все Великие Князья не сделали для России столько, сколько эта женщина, которая с 1877 г. с большим умением руководила русской кампанией в Англии»³⁸.

Важно отметить, что как положительные, так и крайне негативные оценки ее деятельности были преувеличены, хотя Новикова, несомненно, имела определенное влияние на представителей своего английского окружения. Этому во многом способствовали ее личные качества, образованность, такт, обаяние, неумный интерес, стремление быть в центре событий и в центре внимания.

Вклад Новиковой в развитие англо-русских отношений нельзя недооценивать, тем не менее приходится признать, что ни ее публицистическая деятельность, ни личное знакомство с государственными и общественными деятелями не могли изменить укоренившегося восприятия России в Англии. Но ее заслуга состоит в том, что она пыталась изменить подобное стереотипное восприятие своей страны.

Возвращаясь к меткому ироничному эпитету, которым охарактеризовал Новикову Дизраэли, можно отметить, что его слова недалеки от истины: будучи «членом британского парламента от России», она стремилась защитить перед британской общественностью интересы не правительства, а народа. Неординарная, безусловно талантливая разносторонняя личность, она приложила немало усилий, чтобы устранить непонимание и преубеждение англичан по отношению

к государственному строю России и религиозным убеждениям русского народа.

Примечания

- 1 См.: The M. P. for Russia, Reminiscences and Correspondence of Madame Olga Novikoff / ed. by W. T. Stead : 2 vol. L., 1909.
- 2 См.: *Novikoff O.* Russian Memories. L., 1917. P. 1.
- 3 См.: *Baylen J. O.* Madame Olga Novikov, Propagandist // *American Slavic and East European Review*. 1951. Vol. 10, nr. 4. P. 255–271 ; *Baylen J. O.* Bishop Strossmayer and Mme. Olga Novikov : Two Unpublished Letters, 1879 // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26, nr. 3. P. 468–473.
- 4 См.: *Зашихин А. Н.* Британская Россия второй половины XIX – начала XX вв. Архангельск, 1995 ; *Якубовская И. В.* Россия и общественное мнение Англии в мемуарах и публицистике О. А. Новиковой // *Россия глазами мемуаристов : анализ неизвестных и малоизвестных мемуаров*. СПб., 2004 ; *Она же*. Трансляция либеральных ценностей и диалог культур в исторической науке Англии и России второй половины XIX в. // *Эволюция политической и правовой культуры России. Региональные особенности и влияние европейского фактора : в 3 ч. Ч. 1. Россия – Запад : истоки политической и правовой культуры*. Великий Новгород, 2006. С. 51–82.
- 5 *Tuckwell R. W. A. W.* Kinglake, a Biographical and Literary Study. L., 1902. P. 100–101.
- 6 *Novikoff O.* Op. cit. P. 3.
- 7 Старокатоликами называли представителей католического духовенства, которые не приняли решений первого Ватиканского собора 1869–1870 гг. и отделились от Римской католической церкви.
- 8 Цит. по: *Якубовская И. В.* Трансляция либеральных ценностей и диалог культур. С. 60.
- 9 *Novikoff O.* Op. cit. P. 39.
- 10 Ibid. P. 42.
- 11 The M. P. for Russia. Vol. I. P. 1–2.
- 12 Ibid. Vol. II. P. 49.
- 13 Имеется в виду Англо-русское соглашение 1907 г., завершившее складывание Антанты (The M. P. for Russia. Vol. I. P. viii.).
- 14 *Novikoff O.* Op. cit. P. 55.
- 15 The M. P. for Russia. Vol. II. P. 65.
- 16 Ibid. P. 67.
- 17 Ibid. P. 99.
- 18 Ibid. Vol. I. P. vii–viii.
- 19 Ibid. Vol. II. P. 437.
- 20 Ibid. P. 445.
- 21 Ibid. P. 83.
- 22 Ibid. P. 63.
- 23 *Novikoff O.* Op. cit. P. 24.
- 24 The M. P. for Russia. Vol. II. P. 78.
- 25 *Novikoff O.* Op. cit. P. 24.
- 26 Ibidem.
- 27 Ibidem.
- 28 Ibid. P. 48.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibid. P. 102.

³¹ Ibid. P. 8.

³² Ibidem.

³³ См.: Russia and England from 1876 to 1880 : A Protest and an Appeal by O. K. 2nd ed. L., 1880. P. 186.

³⁴ Цит. по: Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев и общественно-политическая жизнь Великобритании (1870-е

– начало 1900-х годов) // Константин Петрович Победоносцев : мыслитель, ученый, человек. Материалы междунар. юбил. науч. конф. СПб., 2007. С. 87.

³⁵ И. А. Гончаров – И. С. Тургеневу, 15/29 сентября 1866 г. // Гончаров И. А. Собр. соч. : в 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 320.

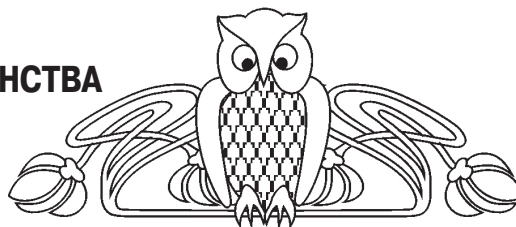
³⁶ Там же. С. 320–321.

³⁷ Tuckwell R. W. Op. cit. P. 93.

³⁸ The M. P. for Russia. Vol. I. P. 1–2.

УДК 325.36+94(71)

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВА ИМПЕРСКОГО ЕДИНСТВА У АНГЛОКАНАДСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 70-е ГОДЫ XIX ВЕКА (по материалам канадской учебной литературы)

М. А. Гамидова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
E-mail: bess-new81@mail.ru

В статье оценивается комплекс идей, которые прививались англо-канадским школьникам на уроках истории в 70-е гг. XIX в., и исследуется процесс формирования у канадской молодежи представлений о внутреннем единстве жителей метрополии и колоний – чувства имперского единства.

Ключевые слова: история доминиона Канада, Британская империя, школа, образование, учебник.

An Education of Sense of Imperial Unity for British-Canadian Youth in 70s of XIX Century (Based on Materials of Canadian Education Literature)

М. А. Gamidova

The article is devoted to the estimate complex ideas which were schooled to the British Canadians schoolchildren during lessons of history in 70s of XIX century and the research process formation of the conception for Canadians youth about population's unity of mother country and colonies – imperial unity.

Key words: history of Dominion of Canada, British Empire, school, education, schoolbook.

Первой переселенческой колонией Великобритании, которая получила в 1867 г. новый политический, правовой и административный статус (доминиона) в рамках империи, была Канада. На основании статьи 93 акта «О Британской Северной Америке» от 1867 г., ставшего Конституцией Канады, законодательное собрание каждой провинции молодого доминиона могло принимать законы в области образования¹, не оглядываясь на Лондон, то есть контроль над системой образования был полностью отдан канадским провинциальным властям и последние, таким образом, получили возможность влиять на процесс воспитания молодежи.

Надзор за деятельностью администрации учебных заведений, сертификацией преподавателей, подготовкой учебных программ, а также за выпуском учебной литературы и ее содержанием после вступления в силу вышеупомянутого акта стал прямой обязанностью муниципальных учреждений провинций доминиона. Однако единства в организации и развитии системы образования Канады не было. Например, в провинции Онтарио к моменту образования доминиона система учебных заведений состояла из сети государственных школ, включающей детские сады, средние школы и ряд колледжей, и провинциального университета с отдельными школами для католиков и протестантов, белых и цветных. Все заведения курировались департаментом образования и его главой – министром образования². В то же время в соседней провинции Квебек государственные школы были редким явлением, а вмешательство государства в систему образования было сведено к минимуму – министерство образования в Квебеке просуществовало всего 8 лет, с 1867 по 1875 г., а затем было ликвидировано и все его полномочия перешли к протестантскому и католическому комитетам Совета народного просвещения³. Таким образом, школы в провинции Квебек полностью находились под контролем церкви. А в провинции Нью-Брансуик в начале 1870-х гг. процесс формирования сети государственных школ сопровождался борьбой государства и церкви за контроль системы образования, итогом которой стали компромисс провинциальных властей с церковью и закрепление государственного контроля школ⁴.

К учебной литературе властями провинции Онтарио, где система государственных школ была самой развитой, предъявлялись довольно жесткие требования: проводилась так называемая политика одного учебника⁵; школьная учебная литература подвергалась «некоторой цензуре» со стороны департамента образования провинции⁶;

все учебные пособия, за исключением учебников по чтению, каждые десять лет проверялись и при необходимости заменялись новыми⁷. Важно, что к созданию учебников власти провинции относились очень серьезно – для написания нового учебного пособия иногда даже назначалась экспертная комиссия⁸. В других провинциях доминиона требования к учебной литературе были не столь жесткими, хотя и в провинции Квебек, и в Нью-Брансуике также осуществлялся контроль качества литературы для учебных заведений.

Особый интерес для исследования первых шагов взаимоотношений доминиона Канада и Британской империи представляют материалы школьных учебников истории, выпущенных для провинций доминиона в 70-е гг. XIX в. Они позволяют оценить комплекс идей, которые должны были усвоить юные англоканадцы.

Так, в школьном курсе истории провинции Онтарио особое внимание должно было уделяться истории Канады – тому, как она управляется, ее отношениям с империей⁹. Поэтому учебник истории Канады, выпущенный в Торонто издательством «Джеймс Кампбелл и сын» в 1875 г., описывает политическую историю провинций доминиона. Его цель – «проследить основные этапы формирования канадской конституции» и «повторить основные и наиболее интересные события канадской истории»¹⁰.

История Канады преподавалась и в других провинциях доминиона. Для школ Нью-Брансуика специально по заказу департамента образования этой провинции в 1875 г. лондонским издательством «Нельсон и сыновья» в «Школьной серии Нью-Брансуика» было опубликовано учебное пособие по истории Канады. В следующем, 1876 г. дополнительный тираж учебника вышел в другой серии – «Школьная серия Нельсона», – предназначенная, видимо, уже не только для школ Нью-Брансуика. Особый интерес для нас представляет одно из приложений к этому учебному пособию – «Внутренний прогресс Канады с 1492 по 1867 г.». Этот раздел является дополнением к учебнику и дает представление об экономическом развитии страны.

Учебное пособие под названием «История доминиона Канада и других частей Британской Северной Америки», вышедшее в Монреале в издательстве «Ловелл» в 1876 г., предназначалось для протестантских школ провинции Квебек. Помимо материалов по истории провинций Британской Северной Америки, этот учебник содержит довольно подробный и обстоятельный обзор состояния дел в провинциях на момент публикации книги.

В каждом из учебников история Канады условно делится на четыре периода:

1. Открытие Канады.
2. «Новая Франция», или период французского владычества.
3. Канада – британская колония.

4. Период ответственного правительства¹¹.

Иногда выделяется также период доминиона¹².

Такое деление обоснованно хронологически, хорошо отражает динамику развития Канады: каждый этап – новая ступень прогресса страны.

На страницах учебников период британского владычества в Канаде постоянно сравнивается с периодом «Новой Франции», благодаря чему Великобритания предстает перед читателями в безусловно положительном свете. Показательна статистика роста населения североамериканских провинций. Так, в 1713 г., когда Канада еще была французской колонией, ее население составляло 20 000 человек. За сорок лет после заключения Утрехтского мира, по условиям которого часть территории провинции перешла от Франции к Великобритании, ее население увеличилось с 20 000 до 50 000 человек¹³. «В 1760 г. население Канады составляло 80 000 человек, из которых 8 000 были индейцы»¹⁴, – констатируется в учебнике. В начале же XIX в., как следует из учебника, ситуация была такова: «В Канаде тогда было около 1 090 000 человек (из которых 625 000 были жителями Нижней провинции, и 461 000 – Верхней провинции)...»¹⁵. Таким образом, у канадских школьников не должно было остаться сомнений, что с момента перехода территорий Канады под власть Великобритании для североамериканских провинций начались новые, лучшие времена.

Другим показателем бурного внутреннего развития североамериканских провинций в период британского господства являются изменения, произошедшие в канадской экономике за это время. Со страниц учебников юные англоканадцы узнают, что «во время войны правительство Франции тратило (на Канаду. – М. Г.) много денег, но они не обогащали страну, а шли на военные операции, и часть их была обманом присвоена чиновниками. В результате завоевания Канада стала банкротом»¹⁶. «С началом британского правления, – пишется в учебнике далее, – в Канаде наблюдался рост народонаселения, сельского хозяйства и торговли. Ощущался переход от ... репрессивной формы правления к мягкой и справедливой. Люди больше не были придавлены суровыми поборами коррумпированных интендантов, не были вынуждены нести неоплачиваемую военную службу. Их не трогали, чтобы они могли спокойно возделывать поля»¹⁷.

Еще одним свидетельством увеличения темпов внутреннего роста Канады в период, когда она была британской колонией, являются приведенные в учебнике данные о развитии системы внутренних коммуникаций. Дороги и мосты – первая необходимость для страны – сооружались посредством общественных работ. «Деньги на их строительство, – доводилось до сведения читателей, – выделялись законодательными учреждениями всех провинций в виде ежегодных грантов (annual grants), которые распределялись между

несколькими округами»¹⁸. Кроме дорог и мостов, строились каналы, и средства на их сооружение частично также выделялись имперским правительством¹⁹. В итоге у канадских школьников при изучении истории должно было сформироваться убеждение, что Великобритания, в отличие от Франции, которая относилась к североамериканским колониям потребительски, больше заботилась о благополучии своей колонии.

Следующий этап – период «ответственного правительства» – отмечен активным развитием Канады уже не только в экономическом, но и в политическом плане. Еще с 1791 г., согласно «Конституционному Акту 1791 г.», в провинциях Верхняя и Нижняя Канада были заложены основы представительного правления²⁰. А с началом периода ответственного правительства, утверждается в учебнике, «Канада (добилась. – М. Г.) замечательных достижений в области внутренних реформ. Конституционные вопросы и вопросы феодального землевладения и привилегий духовенства были окончательно урегулированы. Система образования была поставлена на прочную основу. Было завершено (строительство. – М. Г.) системы каналов, заложены основы железнодорожной системы. Муниципальные учреждения, которые дали людям контроль над местными делами своих городов, деревень и поселков, были созданы как в Верхней, так и в Нижней Канаде. Была введена система налогообложения для поддержания школ, дорог, мостов и ряда других объектов сферы услуг...»²¹. Таким образом, у канадских школьников определенно должно было сформироваться убеждение, что Канада всецело обязана своим процветанием Великобритании. И то, что канадские провинции являются частью Британской империи, – несомненное благо для них.

Но вот ощущали ли юные англоканадцы себя частью британской имперской нации? Вопрос сложный, и однозначного ответа на него нет. Думается, что англоканадские школьники в 1870-е гг. воспринимались прежде всего как граждане доминиона Канада. Один из первых исследователей школьной системы образования провинции Онтарио Джордж Росс утверждает, что преподаванию истории Канады власти провинции уделяли особое внимание²². Важно и то, что все учебники по истории Канады, выпущенные в это время, обязательно содержали информацию об основах канадской государственности²³.

Тем не менее при получении аттестата о среднем образовании требовалось знание не только канадской истории, но и истории Британской империи. В предисловии к учебнику У. Ф. Кольера, который был выпущен в 1870-х гг. в Торонто издательством «Джеймс Кемпбл и сын» специально для школ Британской Северной Америки, указывалось, что «материал, который содержится в этом учебнике, является достаточным минимумом для получения сертификата о среднем образовании»²⁴.

Юные англоканадцы изучали и историю Англии. Учебник с одноименным названием²⁵ был издан в Торонто в 1878 г. Британский исследователь Джон Мак-Кензи, проанализировавший материалы английских учебников, изданных в 1870-е гг., отмечал, что все они были одинаковыми по структуре: материал в них излагался в хронологическом порядке²⁶. В этом смысле учебники Уильяма Френсиса Кольера и Эдит Томпсон, предназначенные для школ провинции Онтарио, отвечали духу времени, описывая историю Англии «от правления к правлению» английских монархов²⁷.

Преподавание истории Англии и Британской империи в провинции Онтарио к 1870-м гг. стало уже традицией – учебная литература на эту тему выпускалась в Торонто еще с 30-х гг. XIX в.²⁸ Тем не менее сам факт публикации «Истории Британской империи» и «Истории Англии» для школ провинций Канады в 1870-е гг. свидетельствует о том, что при помощи приобщения канадской молодежи к истории Британской империи власти стремились привить молодому поколению англоканадцев чувство имперского единства. Оно должно было основываться на понимании того, что доминион Канада, а значит, и его жители, является частью Британской империи.

Таким образом, изучая историю Канады в 1870-е гг., школьники доминиона должны были усвоить две основные идеи. Первая – всеми экономическими и политическими достижениями Канада обязана Великобритании. Вторая – то, что Канада была и остается частью Британской империи, несомненное благо как для империи, так и для самой Канады. «Мы всегда должны быть благодарны Господу за то, что оказались здесь, – говорится во введении к одному из учебников, – за то, что сейчас можем пользоваться теми гражданскими и религиозными правами и свободами, за которые сражались наши отцы и которыми так отличается нация нашей Королевы»²⁹.

Все больше осознавая себя гражданами своей страны, канадские школьники одновременно являлись и должны были чувствовать свою причастность к Британской империи. Таким образом, учебники по истории, по которым учились канадские школьники в 70-е гг. XIX в., призваны были сформировать у англоканадской молодежи представление о внутреннем единстве жителей метрополии и колоний – чувство имперского единства.

Примечания

- 1 См.: The British North American Act, 1867 / Documents of the Canadian Constitution, 1759–1915 / ed. by W. P. M. Kennedy. Toronto, 1918. P. 677.
- 2 См.: Ross G. W. The school system of Ontario (Canada). Its history and distinctive features. N. Y., 1896. P. 24.
- 3 См.: Young D. C. The transition from denominational to linguistic school boards in Quebec. University of New Brunswick, 2000. P. 26–27.

- ⁴ См.: *Acheson T. W. King, George Edward* // Dictionary of Canadian Biography Online. URL : www.biographi.ca/009004-119.01-e.php?&id_nbr=6823 (дата обращения: 21.11.2011).
- ⁵ См.: *Ross G. W.* Op. cit. P. 164.
- ⁶ Ibid. P. 165.
- ⁷ Ibid. P. 167.
- ⁸ Ibid. P. 165–166.
- ⁹ Ibid. P. 63.
- ¹⁰ *Jeffers J. F.* A history of Canada. For the use of schools. Toronto, 1875. P. III.
- ¹¹ См.: *Archer A.* A history of Canada. For the use of schools. L., 1875. P. 447.
- ¹² См.: *Jeffers J. F.* Op. cit. P. VIII.
- ¹³ См.: *Archer A.* Op. cit. P. 448–449.
- ¹⁴ Lovell's history of the Dominion of Canada and other parts of British America. Montreal, 1876. P. 110.
- ¹⁵ *Archer A.* Op. cit. P. 453.
- ¹⁶ *Archer A.* Op. cit. P. 449 ; Lovell's history of the Dominion... P. 110 ; *Jeffers J. F.* Op. cit. P. 135.
- ¹⁷ *Archer A.* Op. cit. P. 449.
- ¹⁸ Ibid. P. 452.
- ¹⁹ См.: *Jeffers J. F.* Op. cit. P. 215.
- ²⁰ Ibid. P. 156.
- ²¹ *Archer A.* Op. cit. P. 453.
- ²² См.: *Ross G. W.* Op. cit. P. 63.
- ²³ См.: *Archer A.* Op. cit. P. 444–447 ; *Jeffers J. F.* Op. cit. P. 302–305; *Miles H. H.* A school history of Canada. For the use of elementary and model schools. Montreal, 1870. P. 301–305.
- ²⁴ *Collier W. F.* History of the British Empire. For the use of schools in British North America. Toronto, 1871. P. IV.
- ²⁵ *Thompson E.* History of England. Toronto, 1878.
- ²⁶ См.: *MacKenzie J. M.* Propaganda and Empire. The Manipulation of British Public Opinion, 1880–1960. Manchester University Press, 1984. P. 177.
- ²⁷ См.: *Collier W. F.* Op. cit. P. VVII ; *Thompson E.* Op. cit. P. IXX.
- ²⁸ См.: School Books Collection of the Archives of Ontario Library. URL : www.archives.gov.on.ca/english/about/library_118.aspx (дата обращения: 21.11.2011).
- ²⁹ Lovell's history of the Dominion ... P. 4.

УДК 94" 15/18"

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ «МУСУЛЬМАНСКОГО РЕНЕССАНСА» В БРИТАНСКОЙ ИНДИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

С. А. Богомолов

Ульяновский государственный университет
E-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

Данная статья содержит краткий анализ теоретических основ «мусульманского ренессанса» в Британской Индии в последней трети XIX в. Автор анализировал публикации У. С. Бланта, У. Г. Грегори, М. Р. Ахмада, Хаджи Гулам-ус-Саклайна по этой проблеме. Автор придерживается мнения, что британские политики и мусульманские интеллектуалы создали эффективную модель модернизации мусульманской общины в Британской Индии.

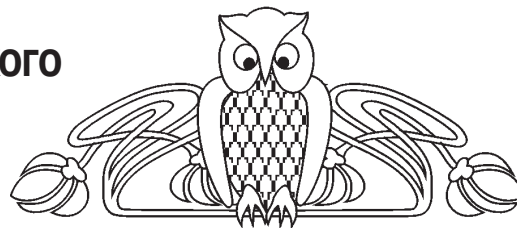
Ключевые слова: Британская империя, Османская империя, Индия, колония, ислам, «мусульманский ренессанс», Абдул Хамид II, У. С. Блант, У. Г. Грегори, М. Р. Ахмад, Хаджи Гулам-ус-Саклайн.

The Theoretical Bases of the «Mohammedan Renaissance» in the British India in Last Third of XIX Century

S. A. Bogomolov

This article contains the brief analysis of the theoretical bases of «Mohammedans Renaissance» in the British India in the last third of XIX century. The author analyzes the publications of W. S. Blunt, W. H. Gregory, M. R. Ahmad, Khawji Ghulam-us-Saqlain on this problem. The author is of the opinion that the British politics and Mohammedan intellectuals created the effective model of modernization of Mohammedan community in British India.

Key words: British Empire, Ottoman Empire, India, colonia,

Islam, «mohammedan renaissance», Abdul Hamid II, W. S. Blunt, W. H. Gregory, M. R. Ahmad, Khawji Ghulam-us-Saqlain.

Одной из главных проблем колониальной истории Индии является проблема зарождения и эскалации конфликта между индусской и мусульманской общинами. После подавления в 1857–1859 гг. Великого мятежа сипаев и ликвидации власти Моголов в Индии был нарушен межэтнический и межконфессиональный баланс, что привело к дестабилизации ситуации. Все попытки британской колониальной бюрократии нормализовать отношения индусов и мусульман провалились, что и привело в итоге к расколу Британской Индии на два независимых государства – Индийский Союз и Пакистан.

В отечественной литературе данной проблеме уделялось много внимания. А. А. Прусаускас отмечал, что до 60-х гг. XIX в. британцы стремились опираться на индусскую элиту, обеспечивая ее образование по европейским образцам, допуская к участию в колониальной администрации и экономике. В итоге мусульманская элита потеряла свои административные посты и сословные привилегии, что вызвало снижение уровня жизни и социальную деградацию всей уммы. Религиозный обскурантизм стал серьезной помехой для обучения мусульман в британских школах и

университетах, что, в свою очередь, блокировало их участие в модернизации колонии. Обострение межэтнических отношений заставило британцев принять меры к восстановлению баланса, т. е. начать протекционистскую политику по отношению к мусульманам. Так, по закону о муниципальных советах 1882 г. мусульмане получили специальные квоты для своих выборных представителей¹.

Включение в экономические, политические и социальные структуры колониальной Индии требовало комплексной модернизации индийской уммы. Ю. А. Пономарев считает основоположником этой модернизации Сайида Ахмад-хана, который основал в 1866 г. в Алигархе Ассоциацию Британской Индии. Одновременно он начал издавать «Алигархскую институтскую газету», а в 1877 г. открыл в Алигархе Англо-восточный мусульманский колледж. Модернизация мусульманских организаций началась не только в северо-западной, но и в южной Индии. В 1867 г. в Деобанде Мухаммед Касим организовал просветительскую организацию «Дар-ул-улум», а в 1881 г. в Бомбее – «Анджуман-и-ислам». Опираясь на эти центры, мусульманская элита выступила за переход от традиционного религиозного к современному светскому образованию, за просвещение всей уммы как необходимую предпосылку восстановления потерянного статуса².

Британский главнокомандующий Ф. Робертс утверждал, что «во время первых лет нашего правления в Индии индусы и мусульмане были расположены молчаливо с ним соглашаться – благословление отдыха и мира после длительных ссор и анархии было слишком реальным, чтобы не цениться, но время шло, и появилось новое поколение, которое забыло прошлые бедствия, которое было реально обижено и беспричинно недоволено, которое было готово предъявить обвинения за их реальные или выдуманные несчастья своим иностранным правителям». Генерал предостерегал против чрезмерного доверия к внешне лояльным мусульманам. «Мусульмане обращаются назад, к дням их империи в Индии, но отказываются вспоминать, как индусы взяли верх до тех пор, пока мы не разрушили державу маратхов. Их муллы учат их, что для истинного мусульманина законно подчинение правлению неверного, только если нет возможности для успешного восстания, и они ожидают шанса, когда снова станут способны восстановить исламское превосходство. Индусы, в свою очередь, не могут забыть, как они изгоняли мусульман, и они воображают, что судьба британского раджа может зависеть от их благодарности»³.

Губернатор Цейлона У. Грегори полагал, что лояльность индийских мусульман можно обеспечить только восстановив баланс интересов главных индийских конфессий. Мусульмане являлись основой правящего военно-политического слоя в период правления династии Моголов, и их влияние было в наибольшей степени подорвано

в ходе британской экспансии. Последовавшие после подавления восстания сипаев репрессии окончательно превратили индийских мусульман в дискриминируемое меньшинство. Чрезмерно усилившаяся индусская элита сознательно провоцировала мусульман на вооруженное сопротивление и беспорядки.

Автор не считал мусульман вечными врагами британской короны. Для представителей данного вероисповедания характерно уважение к силе, и поэтому британская военная мощь стала достаточным основанием как для легитимации новой власти, так и для осознания мусульманами своей зависимости от нее. Эта конфессия в Индии явно предпочитала иметь дело с британскими, а не индусскими чиновниками, которые относились к ним так же, как и к индусским низшим кастам. У. Грегори подчеркивал, что мусульманские газеты заметно отличались от индусских своим пробританским тоном. Хайдабад и другие города с преобладанием мусульманского населения были безопасными для европейцев в любое время суток. В свою очередь британцы должны сделать шаги навстречу индийским мусульманам. Грегори высоко оценил усилия вице-короля лорда Даффрина, допустившего мусульман к медицинской службе, организовавшего в университете Мадраса изучение арабского и персидского языков. Навстречу им пошла лондонская туристическая фирма Т. Кука, обеспечившая транспорт и питание для ежегодного хаджа 8–10 тысяч паломников в Мекку через порты Индии. Ф. Робертс использовал высокий уровень военной подготовки мусульман, комплектуя из них кавалерию для пограничной службы⁴.

У. Грегори полагал, что классическая имперская формула «разделяй и властвуй» устарела в Британской империи в конце XIX в., так как империей нельзя больше управлять, натравливая один ее народ на другой. Это управление больше не могло основываться исключительно на экономической эксплуатации или на военной силе, но требовало постоянного подтверждения превосходства уровня развития и эффективности британской администрации. Поэтому нельзя допускать проявлений грубости и необразованности европейских служащих и инженеров, которые подрывали бы престиж белой расы и разрушали уважение индийцев. «Наше управление Индией в сущности – это управление престижа, веры в наши огромные ресурсы, в справедливость, в способность управлять, и если эта вера будет разрушена, рука власти будет парализована»⁵.

Известный «исламофил» и критик британской имперской политики У. С. Блант различал две группы индийских мусульман. На западном побережье, в Бомбейском президентстве, и на Цейлоне осели потомки арабских мореплавателей и торговцев, которые выполняли «двойную миссию пропаганды веры и зарабатывания денег». Эти мусульмане отличались успехами в коммер-

ции, ремесле и были достаточно богаты, но в то же время «старомодны» и мало интересовались западными идеями. Другую часть индийской уммы составляли потомки тюркских завоевателей, которые проникали в Индостан с севера. Мусульмане внутренних дистриктов Мадрасского президентства были потомками «крайней волны завоеваний Моголов на юге». После ликвидации мусульманской власти эти военнослужащие из оккупационных гарнизонов, не способные ни к торговле, ни к ремеслу, изолированные от местного индусского населения, стали беднейшей общиной Южной Индии. Блант не видел перспектив для их «тяжелой, но неизбежной судьбы» и считал закономерным и естественным их превращение в безземельных батраков и подмастерьев⁶.

В отличие от своих южных единоверцев мусульмане северо-западной Индии готовы к борьбе за восстановление утраченных позиций. Блант видел их силу в сохранении «стандартов чести» и «гордых инстинктов», а слабость – в «предубеждениях и ординарности средств жизни». После британского завоевания и ликвидации туземных армий мусульмане потеряли возможность военной службы. Не имея письменных документов, они теряли права на землю, а не желая учиться в новых светских школах, не могли овладеть английским языком и теряли места в административных органах. Но мусульмане считали, что приняв титул императрицы Индии, королева Виктория тем самым приняла на себя ответственность за благосостояние своих мусульманских подданных. Они требовали исправления несправедливости британских чиновников, которые конфисковали земли, потому что ошибались в титулах землевладельцев. Мусульмане считали неприемлемым использование доходов с их бывших земель для финансирования школ, в которых учились только дети индусов. «Интеллектуально равные и морально превосходящие своих соседей мусульмане верхней долины Ганга не забыли, что совсем недавно администрация Индии была в их руках».

Блант считал «неумной» британскую политику дискриминации мусульман, которая увеличивала их «подавленную энергию». Он выступал против обвинения мусульман в фанатизме и требовал лучше учитывать особенности их мировоззрения. Мусульмане привыкли к авторитарной и в то же время патерналистской власти и поэтому, в отличие от британцев, ожидали от правительства заботы и внимания, воспринимая его как «фонтан авторитета и власти». Они воспринимали политические и религиозные институты как тождественные и поэтому не понимали индифферентности британской администрации и к своей, и к чужим религиям. Блант отстаивал необходимость рационального реформирования мусульманского права. Он различал среди реформаторов партии «крайних инноваций» и «умеренных действий», причем их соперничество становилось «знаками здоровой жизни». Блант оценил основание мусульманского

колледжа в Алигархе как доказательство возможности развития ислама в условиях интеллектуальной свободы, считая, что это «штаб-квартира новой школы ... величайшее и наиболее успешное образовательное учреждение, созданное чисто туземными усилиями»⁷.

В изменившихся условиях мусульманские интеллектуалы начали переосмысление настоящего положения и будущих перспектив развития индийской уммы. Хаджи Гулам-ус-Саклайн отметил тот парадоксальный факт, что в индийских владениях британской короны проживало 57 млн мусульман, что превышало население таких крупных мусульманских стран, как Турция и Персия. «Англия определенно христианская держава и ... в другом смысле величайшая мусульманская держава в мире». В «уникальной инстанции империи, которая охватывает все религии и расы на лице земного шара» европейский христианский элемент естественным образом управляет и доминирует, но при этом «мусульмане как народ – это наиболее важная часть тех бесчисленных масс людей в Индии, над которыми наша королева Виктория является полноправным сувереном»⁸.

Хаджи Гулам-ус-Саклайн был уверен в способности и желании индийских мусульман заимствовать идеи и ценности западной цивилизации. Очагом такого заимствования стал колледж в Алигархе. Его учащиеся – это «последователи Пророка, которые интеллектуально свободны и могут изучать любые науки и искусства, какие захотят; которые могут объяснять новые философские теории, развивать новые религиозные спекуляции или использовать новые идеи социальной жизни и которые могут безо всяких помех начать движение по пути прогресса и цивилизации». Автор подчеркнул, что, в отличие от своих единоверцев в Турции и Персии, мусульмане в британских владениях – в Индии и Египте – имели свободу вероисповедания, слова и печати, благодаря чему их объединяло чувство единой национальности и общественного духа. В основе новой мусульманской идентичности лежала новая литература: «... красноречивые сочинения и речи досточтимых сэра Сейида Ахмада Хана Бахадура и Нанаха Мохсин-уль-Мульк Махди Али и несравненные поэмы великого национального поэта Хали пробуждают во многих мусульманах новый дух». Другим выдающимся представителем мусульманских интеллектуалов автор считал Сейида Махмуда, члена Верховного суда Аллахабада, чей «гений законодателя и юриста сделал его имя знаменитым в юридическом мире»⁹.

В то же время «мусульманский ренессанс» был невозможен без активного использования достижений западной культуры. Инструментом процессов вхождения мусульман в «индийский мир литературы и политики» стали мусульманские образовательные конференции, которые регулярно проводились во всех частях Индии. По мнению Гулам-ус-Саклайна, индийские мусуль-

мане должны изучать английский язык, благодаря чему они получают возможность читать английскую литературу и политические документы. Овладев английским языком, они включаются в единую систему коммуникаций Британской империи и всей мировой цивилизации. Они перестают быть «молчащим» объектом и превращаются в «говорящего» субъекта как индийской, так и мировой политики. Уже сейчас «эти люди читают и восхищаются произведениями Теккерея и Карлейля, читают статьи Теннисона и Маколея, изучают работы м-ра Герберта Спенсера и Дарвина, трактаты м-ра Морли и Фреда Гаррисона. Некоторые из них следят за дебатами в парламенте и читают речи м-ра Гладстона, лорда Солсбери, лорда Розбери, сэра Уильяма Харкурта. Они могут понять курс английской политики и направление европейской дипломатии и они оценивают обычную английскую литературу так же, как англичане, которые читают свои утренние газеты и ежемесячные журналы ... Они внимательно читают и обсуждают все, что говорится в любой части «цивилизованного мира» о мусульманах, благодаря тому что пресса знакомит их с такими материалами. Они одобряют и осуждают, восхищаются и ненавидят, и каждый мусульманин в Британской Индии, который может читать и понимать диалект страны (урду), получает возможность выразить свое мнение даже в отдаленнейших уголках мира и формировать свои заключения по любым вопросам»¹⁰.

Хаджи Гулам-ус-Саклайн убежден в том, что индийские мусульмане лояльны к Великобритании на основании своих «убеждений и интересов», так как благодаря британской власти они получают гарантии безопасности и возможности прогресса, отсутствующие в других мусульманских странах. Но одновременно он предупреждает английских политиков об опасности «очень узкомыслящей и близорукой политики» конфронтации с исламским миром, которую демонстрирует Россия в ее стремлении уничтожить Турцию. «Крестовый поход ... христианских фанатиков в различных частях христианского мира против ислама и мусульман», заявления об «ошибочности и негуманности» исламской религии являются элементами «кампаний оскорблений ... расовых и религиозных предрассудков». Автор продемонстрировал обычный британский прагматизм: «...элементы христианской предубежденности и фанатизма необходимо полностью устранить из внешней политики Британии; естественная предубежденность и чувства христианского населения будут нейтрализованы равно сильным предубеждением мусульманского населения империи и поэтому вопрос необходимо оставить в сфере секулярной политики»¹¹.

Маулви Рафиуддин Ахмад обратился к проблеме роста национально-освободительного движения на фоне голода, чумы и других стихийных бедствий в Индии. Характерно, что мусульманский автор отметил активизацию

антибританских выступлений в индусских дис-триктах. Во время празднования бриллиантового юбилея Виктории в Пуне произошло скандальное убийство двух английских офицеров. Кроме того, британская администрация арестовала двух брахманов («браминов») по обвинению в заговоре против британского правления («раджа») и за публикацию антибританских статей в местной прессе. На другом краю Индостана, в Калькутте, местные мусульмане из низших каст строили мечеть на земле индусского «лендлорда» и отказались прекратить строительство по его требованию. С помощью полиции толпа была рассеяна, «незаконная оккупация» прекращена, порядок восстановлен¹².

Ахмад считал эти инциденты случайными и не связанными между собой. В Пуне англичан убили по мотивам личной мести за их произвольные жесткие действия во время ликвидации эпидемии чумы. Сопутствующая этому антибританская агитация в прессе не была слишком опасна и не связывалась с актами насилия. Пусть «брамины» Южной Индии ведут «конституционную агитацию против правительства ... некоторые из них пишут очень подстрекательские и призывающие к насилию статьи в своих газетах. Возможно, что их речи и сочинения наносят некоторый ущерб правительству, но я не верю, что их газеты или агитация в какой-то значительной степени повредят фундаменту британского правления в Декане». В Калькутте же имел место обычный в Бенгальском президентстве инцидент, который был «опрометчивым и фанатичным актом нескольких невежественных людей и не имел никакого политического значения». Автор считал ненужным «намордник» цензуры для индийских газет, там как доля «подстрекательских» статей в них сравнительно мала и не вызывает эффекта. Эти газеты не могут разрушить лояльности к британскому правительству индийских мусульман, которые «разделяют законную гордость с английскими гражданами за величие и процветание империи»¹³.

Для М. Р. Ахмада индийские мусульмане – это органическая часть мировой уммы, а «мусульманский Ренессанс» в Индии – это часть мирового исламского возрождения после «трех веков социального и политического декаданса». Политическое пробуждение индийских мусульман становилось важным фактором мировой политики, в частности отношений Великобритании и Османской империи. Автор возражал против обвинения мусульман в агрессивности и стремлении обратиться другие народы в свою веру. Он доказывал, что активизация мусульманских политических движений – это проявление «естественного чувства самосохранения и самоуважения», ставшее реакцией на антиисламскую и антитурецкую кампанию в британской прессе после «резни в Сассуне» (погрома армян. – С. Б.). По мнению Ахмада, «передовые либералы с партийным фанатизмом» и «тайной

ненавистью к исламу» развернули «поношение и неистовое обвинение турецкой расы, мусульманского права и главы мусульманской веры». Халиф Абдул Хамид II превратился в «Абдула Проклятого» и «Великого Ассасина»¹⁴.

М. Р. Ахмад предупредил о негативных последствиях конфронтации Великобритании с исламским миром, но при этом не собирался оправдывать уничтожения армян. «Эхо яростных обвинений ислама и его халифа в Англии достигло всех частей мусульманского мира ... многие мусульмане получили образование в Европе и достаточно компетентны, чтобы понять грубые просчеты армянской политики Высокой Порты, и более того, они не делают секрета из осуждения поведения самого султана». Но христианский ригоризм У. Гладстона и британских радикалов вместо осуждения мусульман-погромщиков превратил их в «патриотических героев ислама» и защитников мечети Святой Софии от «нового крестового похода».

Репутация Абдула Хамида в мусульманском мире была спасена «флибустьерской экспедицией» греческих войск на Крит, которые были разгромлены в «доминионе султана». По мнению Ахмада, «хладнокровная резня мусульман критскими христианами» стала для всех мусульман очевидным доказательством «несправедливости христиан к исламу». Очень немногие мусульмане знали истинную «силу греческого государства» и действительную боеспособность греческой армии, но зато все помнили, что в течение жизни многих поколений мусульмане не могли одержать военную победу над «неверными». «Глупость Греции» позволила войскам халифа разгромить христианские войска непосредственно в Европе. Турецкий генерал Хафиз-паша стал героем-шахидом. Во время сражения он был дважды ранен, но не покинул войск, продолжал ободрять солдат и был убит третьей пулей.

Во всех мусульманских странах в честь этой победы была зажжена праздничная иллюминация в домах и мечетях. Повсеместно проходил сбор средств для раненных турецких солдат. В «сердце Аравии» Хиджазе арабы забыли свою ненависть к угнетателям Османам и собрали 13 тыс. турецких фунтов. Это был общий праздник суннитов и шиитов, всех исламских сект. Младотурки прекратили свою обычную критику султана, сочтя его «патриотическим сувереном». Мусульманская пресса «комментировала европейский фанатизм с необычайной жесткостью». «Победа, патриотизм, выносливость турецких войск и поражение, коварство, паническое бегство греческих войск стало темой разговоров в мечетях, на рынках, во всех публичных и частных собраниях в исламском мире»¹⁵.

Мусульмане разделены океанами и народами, «диаметрально противоположными им в религии не менее, чем в политических делах». Мусульмане говорят на разных языках и придерживаются

разных политических идей. Они подчинены мусульманским монархам или немусульманским правительствам, часто недружественным к исламу. Но пророк Мухаммед заложил изначальную основу единства мусульманского мира, преодолев различие «ментальных квалификаций». Мусульмане ежегодно собираются в Доме Бога в Мекке для выполнения своего религиозного долга и «прославления имени Бога в универсальном хоре». В «истинной столице ислама» Мекке они «празднуют общее происхождение их религии и империи, обсуждают общую опасность, укрепляют взаимную связь и чувства последователей Пророка во всем мире». Ахмад полагал, что главной темой последних дискуссий во всех мусульманских странах стали «угрожающее отношение христианства к халифу», рост опасности для халифата, святых мест и самого ислама. Он сетует на невежество большинства мусульман в отношении христианских держав, но надеется на их правильную политическую ориентацию. «Все слышали про Англию и Россию ... Возможно, они знают мало о власти и влиянии отдельных стран, но они всегда верят, что Англия друг, а Россия враг султана и ислама». Свободные дискуссии мусульман разных национальностей «на языке арабского Пророка» превращают паломников в хаджи. «Каждый хаджи очищает сердца людей и делает их невинными подобно новорожденным детям, так истинно верующие забывают и прощают индивидуальные ошибки, сектантскую вражду и не думают ни о чем, кроме блага ислама и коллективного благополучия всех его детей». На второе место после хаджи Ахмад поставил мусульман со светским образованием, «ученых докторов ислама, истинных представителей мусульман независимо от касты, цвета кожи или страны»¹⁶.

М. Р. Ахмад подчеркнул особую важность дискуссий мусульман в Мекке, святом городе, куда запрещен доступ представителям других религий. «В соответствии с турецким обычаем в Мекке не было никаких политических митингов. Но неформальные собрания и частные встречи («чаты». – С. Б.) очень часто более далеко идут в своих последствиях, чем короткие и сухие резолюции, принятые официальными конгрессами Восточного мира». Ахмад ссылается на мнение Бланта, подтверждающего высокий уровень неформального влияния хаджи в Индии. После возвращения они сообщают своим друзьям и соседям новости из всех частей исламского мира, знакомят их с последними идеями и доктринами. Поэтому британская администрация должна чрезвычайно осторожно подходить к этому чувствительному для всех мусульман вопросу. Так, в 1896 г. правительство Британской Индии из-за эпидемии бубонной чумы запретило выезд паломников в Джидду через порты Карачи и Бомбея. Запрет был согласован с правительством халифа, но истолкован одним из религиозных лидеров пуштунских племен Хадда-муллоу как проявление «злой воли к исламу» со стороны британского правительства.

По мнению Ахмада, это «смешно» для индийских мусульман, но «воспринимается как истина неужественными афганцами».

М. Р. Ахмад увидел очевидные признаки «мусульманского ренессанса» в изменении внешней политики мусульманских государств. После длительного периода территориальных потерь эмир Афганистана Абдурахман-хан сумел завоевать Кафиристан (Страну язычников) на своей юго-восточной границе, переименовав его в Нуристан (Страна света. – С. Б.) и превратив горцев в мусульман. В 1895 г. персидский принц Шахзада Насрулла-хан посетил Лондон, а в 1896 г. ханы Хивы и Бухары присутствовали на коронации Николая II в Санкт-Петербурге. Это «впервые привело наиболее консервативных и замкнутых принцев Центральной Азии в соприкосновение с наиболее влиятельными столицами христианской Европы». Но самым главным является нормализация отношений между двумя ведущими мусульманскими державами – суннитской Турцией и шиитской Персией. Знаковым событием стало поздравление султаном Абдулом Хамидом II Наср-эд-дин-шаха с юбилеем. Из Константинополя в Тегеран со специальной миссией был отправлен «один из способнейших ученых и дипломатов Турции» министр для публичных поручений в правительстве Камил-паши Муниф-паша. В ответ шах отправил султану ценные подарки, причем посланцы имели «необычайно длительное интервью с султаном». После передачи поздравлений Муниф-паша остался в Тегеране в качестве постоянного посла. Одновременно с этим афганский эмир отправил «редкие подарки» в священные гробницы в Персии. Афганские послы посетили Константинополь, а турецкие – Кабул. «Братские отношения», демонстративные «симпатия и сердечность» наследников Константина и Дария стали основой «мусульманского тройственного альянса», *entente cordiale* «великих мусульманских монархов».

М. Р. Ахмад доказывал, что в интересах Великобритании необходимо стимулировать реформы во всех мусульманских странах, рассматривая их как части единого исламского мира. Ключевым звеном, соединяющим азиатскую и африканскую части мировой уммы, была Турция. Поэтому вредной и бесперспективной является антитурецкая политика правительства Гладстона и других либералов, которая неизбежно поощрит сближение Турции с ее злейшим врагом – Россией. В Петербурге понимали, что Константинополь можно захватить и без войны, если содействовать процессам внутреннего разрушения и в конечном счете добиться «коллапса турецкой администрации». Задачей Великобритании по-прежнему остается блокирование российской экспансии на юго-восток Европы. «Двадцать лет назад лорд Биконсфильд заставил Англию поверить, что Турция проведет реформу администрации, обеспечив ей достаточное время и мир. Сегодня Англия считает, что Турция не улучшается, и она

прекращает поддерживать ее». Но в британских интересах иметь в союзниках сильную Турцию. Для этого необходимо возобновить реформы, привести в порядок систему управления и устранить недовольство подданных султана. И это задача не только для британских политиков. «Долг всех думающих мусульман показать халифу зло его настоящей политики ... и также убедить министров королевы-императрицы восстановить сердечные отношения между своей страной и исламским миром ... Тройственный союз ислама может включать Англию ... Она союзник Афганистана, Турции и лучший друг Персии»¹⁷.

В последней трети XIX в. мусульманская умма Британской Индии прошла через кардинальную трансформацию. После поражения Великого мятежа сипаев индийские мусульмане потеряли политическую власть и традиционные сословные привилегии. Оказавшись в условиях британских реформ перед «вызовом», мусульманская элита сумела переосмыслить новую ситуацию и найти адекватный «ответ». Мусульмане осознали необходимость перехода от традиционного религиозного к современному светскому образованию, к изучению английского языка как средства знакомства и с британской культурой, и с новейшими достижениями западной цивилизации. Индийская умма осталась высокодифференцированной. Низшие мусульманские касты Бенгальского и Мадраасского президентств сохранили традиционный образ жизни и не смогли включить в процесс модернизации. Но мусульмане Пенджаба и Бомбея в кратчайшие сроки преодолели религиозные обскурантизм, предрассудки и стереотипы. Подчеркнутая лояльность к британскому «раджу» позволила мусульманским политикам начать восстановление своих позиций в государственном аппарате, а интеллектуалам через публикации в британских периодических изданиях получить каналы влияния на принятие решений в области индийской и внешней политики.

Примечания

- 1 См.: *Празаускас А. А.* Этнос, политика и государство в современной Индии. М., 1990. С. 32–35.
- 2 См.: *Пономарев Ю. А.* История Мусульманской лиги Пакистана. М., 1982. С. 24.
- 3 *Roberts S.* Forty one years in India. From subaltern to commander-in-chief. L., 1900. 542 p.
- 4 См.: *Gregory W. H.* The Loyalty of the Indian Mohammedans // *The Nineteenth Century.* December 1886. P. 890–895.
- 5 *Ibid.* P. 899.
- 6 См.: *Blunt W. S.* Ideas about India : III. Mohammedan Question // *The Fortnightly Review.* November 1884. P. 629–631.
- 7 *Ibid.* P. 632–637.
- 8 *Ghulam-us-Saqlain Khawji.* The Mussulmans of India and the Armenian Question // *The Nineteenth Century.* June 1895. P. 927.

⁹ Ibid. P. 928.

¹⁰ Ibid. P. 929.

¹¹ Ibid. P. 931.

¹² Ahmad M. R. Is the British «Raj» in danger? // The Nineteenth Century. September 1897. P. 497.

¹³ Ibid. P. 498, 500.

¹⁴ Ahmad M. R. A Moslem's View of the Pan-Islamic Revival // The Nineteenth Century. October 1897. P. 518.

¹⁵ Ibid. P. 519–520.

¹⁶ Ibid. P. 522.

¹⁷ Ibid. P. 524–526.

УДК 94(420)''16'': 930.1(47)

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА В ОСВЕЩЕНИИ М. М. КОВАЛЕВСКОГО

А. В. Афонюшкина

Воронежский государственный университет
E-mail: medieval@hist.vsu.ru

В статье рассматривается проблема освещения и оценки английской революции середины XVII в. видным российским историком, принадлежавшим к «русской школе» в изучении новой истории. Анализируется подход М. М. Ковалевского в объяснении предпосылок и причин революции; показано, что его исследования готовили почву для последующего изучения социальной истории Англии и революционной проблематики в целом российскими университетскими учеными второй половины XIX в.

Ключевые слова: российская либеральная историческая мысль, изучение английской революции середины XVII в., историография.

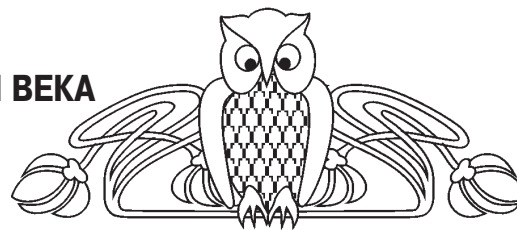
Interpretation of English Revolution of the XVII Century by M. M. Kovalevsky

A. V. Afonushkina

The article is concerned with the contribution of one of the most famous Russian liberal scientists to the history of English revolution research – the important problem of European modern history. It was the first contribution to scientific elaboration of this subject in Russia.

Key words: English revolution research, scientific thought, historiography, Russian liberal science.

Максим Максимович Ковалевский (1851–1916), крупнейший представитель «русской школы» историков, был первым в России исследователем социальной истории Англии. Он учился на юридическом факультете Харьковского университета, после окончания которого был оставлен при кафедре государственного права, а в 1872 г. выехал за границу для подготовки магистерской диссертации. Эта поездка сыграла важную роль в формировании взглядов молодого ученого. Он жил в Лондоне, работал в Британском музее. В 1874 г. познакомился с К. Марксом что оказало влияние на развитие его научных интересов. Сам Ковалевский писал в 1909 г.: «Очень вероятно, что без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы, и сосредоточил бы своё внимание в большей степени на ходе развития политических

учреждений, тем более что такие темы прямо отвечали преподаваемому мною предмету»¹.

По возвращении на родину в декабре 1876 г. М. М. Ковалевский стал одним из наиболее популярных профессоров Московского университета, заняв кафедру государственного права европейских государств. Ни одна университетская аудитория не вмещала его слушателей, и Ковалевский читал лекции в актовом зале. Предмет, преподаваемый им, казался «опасным», и в 1887 г. Ковалевского уволили, обвинив в «отрицательном отношении к русскому государственному строю», которое вытекало из «неуместного сравнения» английских порядков с русскими, подкрепленного соответствующей «интонацией»².

М. М. Ковалевский уехал за границу, 17 лет занимался там научными исследованиями и читал лекции во Франции, Англии, США, Италии, Швеции, был одним из организаторов Русской высшей школы общественных наук в Париже. Вернувшись в Россию в 1904 г., М. М. Ковалевский стал участником общественно-политической жизни. Он был членом Государственной думы и Государственного совета, читал лекции в университете, на Высших женских курсах и др. Академия наук избрала его ординарным академиком. Он стал председателем Русского отделения Международного общества мира и Русско-английского общества, был представителем Первой Государственной думы на Межпарламентской конференции мира в Лондоне. По приглашению английского правительства М. М. Ковалевский был членом Верховного трибунала для разрешения споров между США и Канадой, членом многих научных учреждений за границей.

Умер М. М. Ковалевский в 1916 г., завещав свою огромную библиотеку Академии наук и Московскому университету, а свой капитал – Московскому и Харьковскому университетам на выплату стипендий.

Как ученый М. М. Ковалевский интересовался многим. Он был юристом, историком, экономистом, этнографом и социологом широкого диапазона, занимался сравнительной историей права, экономической историей, историей полити-

ческих учений и общественной мысли, эволюцией государственных учреждений, историей культуры. Сам Ковалевский говорил, что считает себя более историком, нежели юристом.

По своим теоретическим взглядам М. М. Ковалевский всю жизнь оставался позитивистом, однако в 70-х гг. XIX в. испытал сильное влияние К. Маркса (что было отмечено его современниками) и стал большое внимание уделять экономическому фактору развития общества.

В 70-х гг. XIX в. российские ученые более всего интересовались Французской революцией конца XVIII в. М. М. Ковалевский, отдав дань этому увлечению, много времени посвятил также изучению английской истории, в частности, истории английской революции середины XVII в.

Объяснить интерес Ковалевского к английской истории пытались П. Г. Виноградов и Н. И. Кареев. Они отмечали, что М. М. Ковалевский с большой симпатией относился к Англии, так как ценил склад британского характера, отношение англичан к науке, что, будучи противником произвола, Ковалевский видел в Англии законченное выражение гражданской свободы, связанной с юридическими гарантиями³.

Взгляды М. М. Ковалевского на историю английской революции рассматривались в историографических обзорах Е. А. Косминским⁴, В. М. Лавровским и М. А. Баргом⁵. В трудах петербургского исследователя «русской школы» историков С. Н. Погодина этой проблематике также не уделено достаточно внимания⁶.

Несомненно, М. М. Ковалевский был поклонником английских порядков. Именно в английской истории он искал ответ на вопросы, которые волновали российскую буржуазию, представителем и выразителем настроений которой он являлся. Ковалевский изучал политический опыт английской буржуазии. Научную деятельность Ковалевского невозможно понять вне связи с общественно-политической жизнью российского общества конца XIX – начала XX в.

Первые работы М. М. Ковалевского, созданные в 70-х гг., были посвящены Англии: магистерская диссертация «История полицейской администрации в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда I» (1877), докторская диссертация «Общественный строй Англии в конце средних веков» (1880). В 1876 г. вышла его книга «Полиция рабочих в Англии и мировые судьи как судебные разбиратели споров между предпринимателями и рабочими». В 80-х гг. были опубликованы еще две статьи, посвященные Англии⁷. Этот «английский цикл» работ Ковалевского был замечен и в Англии.

В 90-х гг. XIX в. М. М. Ковалевский занялся исследованием проблем английской революции XVII в. Он планировал создать большой труд по её истории, но не довел работу до конца, хотя в течение 20 лет публиковал статьи по различным вопросам английской революции⁸. Материалы этих

статей (или статьи целиком) позже вошли в более крупные работы ученого⁹. Затем Ковалевский опубликовал статьи «Причины обезземеления крестьян в Англии» и «Мильтон как поборник народного самодержавия и автономии личности»¹⁰. Материалы исследований по английской истории профессор использовал также в своих многочисленных лекционных курсах¹¹. Многолетние исследования в области английской истории были обобщены им в большой работе «История Великобритании»¹². Все эти работы дают возможность воссоздать концепцию английской революции, разработанную Ковалевским.

М. М. Ковалевский утверждал, что всё подвержено эволюции. Однако эволюцию его собственных взглядов на отдельные проблемы истории проследить трудно. Ученый имел привычку свои ранние работы целиком или в сокращенном виде включать в более поздние труды без соответствующей редакции. Его концепция английской революции сложилась в 90-х гг. XIX в. и вошла в поздние работы вплоть до «Истории Великобритании» без изменений. Таким образом, и в первое десятилетие XX в. в книгах Ковалевского мы находим те выводы, которые были сделаны им в ранний период научной деятельности.

М. М. Ковалевский был отличным знатоком источников. Он знал языки – английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, латинь (классическую и средневековую), старонормандский и шведский – и никогда не пользовался источниками из вторых рук, а сам разыскивал их в архивах. В ходе работы над диссертацией им были изучены вотчинные протоколы и ренталии. Ковалевский изучил мемуары, письма, сочинения современников и участников революции. Он упоминает о сотнях томов коллекции памфлетов XVII в., хранившейся в Британском музее. Исследователь проанализировал памфлеты Лильберна и Уинстенли, донесения голландских резидентов из Лондона, а также сочинения английских мыслителей XVI–XVII вв. (Т. Мора, Ф. Бэкона и др.)

Внимание М. М. Ковалевского привлекали прежде всего предпосылки революции (социально-экономическое развитие Англии в XV–XVII вв.), аграрный вопрос и пути его решения, политическая борьба в годы революции, политическая программа левеллеров и ее историческое значение, движение диггеров.

Первую английскую революцию 40-х гг. XVII в. М. М. Ковалевский считал поворотным моментом в истории Англии. По этому поводу он высказывается ясно: «Период первой Английской революции потому только и может считаться поворотным моментом не в одной политической, но и в социальной жизни Англии, что он знаменует собою решительный разрыв с средневековым хозяйственным строем, с его системой мелкого производства для удовлетворения потребностей местного рынка. Производство на широкую ногу и для целей иноземного сбыта ... характеризует

собою ... одинаково сельскохозяйственную, индустриальную и торговую политику республики. Такая радикальная перемена сделалась возможной только под условием столь же решительного переворота во всех видах народного труда. Переворот этот сказывается в области сельского производства в расширении скотоводства в ущерб земледелию, в области городского – в развитии суконных мануфактур и вывозной торговли их продуктами. Все и каждое из перечисленных явлений были вызваны, несомненно, всем предшествующим ходом экономического развития страны и только ускорены в своем дальнейшем ходе тем отношением, в какое стало к ним правительство республики»¹³.

Из этого высказывания видно, как Ковалевский подходил к вопросу о предпосылках революции. Поскольку он утверждает, что республика только продолжала то, что началось ранее, и ускорила это развитие своей политикой, следует считать, что к революции призвал Англию весь предшествующий ход экономического развития страны. Этот процесс прослежен им достаточно подробно в ряде работ.

«Отправным пунктом» развития «современной Англии» М. М. Ковалевский назвал следующие факторы: рост торговли шерстью в XV в., развитие в связи с этим овцеводства и огораживание общинных земель, замену земледельческого хозяйства луговым¹⁴. Он отмечал, что крепостное право исчезло в Англии еще в XV в. (отмену крепостного права он рассматривал как процесс перехода от барщины к оброчному хозяйству). Это было последствием самопроизвольного процесса развития, источник которого лежал в экономических причинах. Ковалевский выделяет три такие причины: рост спроса на землю, рост ренты за землю, увеличение в ряде стран спроса на английскую шерсть. Но главное – все это происходило под влиянием естественного роста населения¹⁵.

По мнению М. М. Ковалевского, помещики заменили барщину оброком, так как «труд крепостных был мало продуктивен, как всякий вынужденный труд», а ликвидировав барщину, потеряли интерес к удержанию в поместьях лиц, платящих неизменную ренту. Они отказываются от труда крестьян и предпочитают заменить их фермером.

Этот процесс начался в XV в., но поворотным моментом в истории земледелия и сельских классов Англии Ковалевский (как и другие историки) называет XVI в., когда овцеводство вышло за пределы личных земель и стали огораживаться общинные пастбища. Он отмечает, что восстание Кета в Норфолке в середине XVI в. было вызвано уже обезземелением крестьян¹⁶.

М. М. Ковалевский подчеркивал значение этого процесса, поскольку огораживание общинных пастбищ вело к уходу из поместья копигольдеров. Он указывал, что «мелкое крестьянское хозяйство возможно лишь под условием существования, наряду с наделом, еще общинных угодий», на

которых крестьянин может кормить рабочий скот, корову и т. д., без общинных угодий крестьянин не может обрабатывать и надел.

Вечно-наследственная аренда крестьян, или копигольд, начинает уступать место фермерскому хозяйству. Крестьяне добровольно или насильственно покидают поместье, потому что во второй половине XVI в. произошли такие перемены «в системе народного хозяйства», которые сделали невыгодным для самих крестьян существование системы наследственного оброчного владения. Ковалевский отмечает, что копигольд становится убыточным для держателя, так как прогрессивно растет арендная плата за землю¹⁷.

М. М. Ковалевский подметил, что процесс «вымирания старых и нарождения новых хозяйственных порядков» был ускорен секуляризацией монастырской собственности, проведенной Тюдорами. Значение её Ковалевский сравнивал с аналогичным процессом во Франции 1789 г.: «Проектируемые реформы на практике получают то направление, какое дают им господствующие в обществе классовые интересы, а такими в Англии XVI века были интересы служилого сословия, как во Франции 89 г. интересы буржуазии»¹⁸.

Ковалевский прослеживает, как бывшие монастырские земли переходят в руки джентри и буржуазии, в руки молодого дворянства, созданного Тюдорами из выходцев из буржуазии. Новые владельцы имений стали усиленно проводить огораживание.

Все эти процессы (огораживание, рост арендной платы и т. д.) привели к тому, что место покинувшего землю крестьянина заняли денежные арендаторы, скупщики и торговцы скотом и шерстью. В народном хозяйстве произошел радикальный переворот: земледелие отступило на задний план, уступив первенство скотоводству. Изменился облик английской деревни.

Итогом обезземеления крестьянства явилось перемещение населения в стране. Крестьянство хлынуло в город и «доставило английским городским промыслам – мануфактуре и торговле – то громадное число рук, без которого в эпоху, когда машины ещё не были известны, английской промышленности и английской торговле отнюдь не удалось бы достигнуть такого быстрого преобладания над промыслами и торговлей других стран Европы»¹⁹. В то же время в Англии развилось бродяжничество и нищенство. В начале XVII в. было уже много бездомного люда, который использовали потом (в гражданской войне) обе стороны.

Таким образом, по мнению М. М. Ковалевского, основная общая причина серьезных преобразований в общественном укладе тудоровской Англии лежит в переходе от натурального хозяйства к меновому, сказавшемся в ходе аграрной революции.

Говоря о предпосылках революции, главное внимание Ковалевский уделил аграрному пере-

вороту в Англии. Гораздо меньше он говорил о развитии промышленности и торговли, однако отмечал, что и здесь в XVI в. происходят изменения (особенно при Елизавете).

В XVI в. в Англии растут промышленность и торговля. Ковалевский отмечал появление новых видов промышленности – производства стекла и мыла, – отмечал усовершенствование выделки шерстяных тканей. Усилилось кораблестроение вследствие того, что вывоз английских товаров стал возможен (при Тюдорах) только на английских судах. В XVI в. промышленность распространяется из города в село. Ковалевский подчеркивает, что в селах, где не было цехов, зарождается свободная от них промышленность, и потом она переходит в город, в кварталы, пользующиеся привилегиями и свободой от цехового гнета²⁰. Когда капиталист стал раздавать сырой материал семьям на дом, тогда было заложено основание крупного производства, создающего не только потребительные, но и меновые ценности²¹. Этот процесс Ковалевский прослеживает с XVI в.

При Тюдорах развивается торговля, особенно внешняя, морская. В XV в. Англия продавала преимущественно сырьё и ввозила мануфактурные изделия. В XVI в. англо-венецианская торговля перешла в руки англичан, затем в Лондоне была закрыта Ганзейская контора. Елизавета поощряла морскую торговлю и поддерживала колониальные компании: «Век Елизаветы положил прочные основы владычеству Англии над морями, обеспечил её развивающейся промышленности близкие и отдаленные рынки и дал стране возможность принять участие в разделе заморских материков и архипелагов»²². Такова была оценка М. М. Ковалевским результатов XVI в. для Англии.

Причины конфликта между королем и парламентом, приведшего к «междоусобной войне», Ковалевский видел в «несогласиях» по конституционным и церковным вопросам. В 12-й главе «Истории Великобритании» он подробно описывает правление первых Стюартов и показывает, что Яков I и Карл I вопреки практике ежегодного созыва парламента стремились править страной без него, поскольку парламент не давал королю денег, выдвигая свои требования.

М. М. Ковалевский прослеживает, как Стюарты изыскивали средства, необходимые для покрытия издержек управления, путем «оживления» средневековых форм вымогательства. Как глава феодальной организации король имел право опеки над малолетними вассалами, а также право постоя в домах своих вассалов. Эти права давали Стюартам широкие возможности для грабежа их подданных. При Якове I его агенты вели списки богатых купцов, которым король затем оказывал «доверие», брал «взаймы» суммы, необходимые для покрытия расходов, хотя эти насильственные займы были отменены еще Эдуардом III и Ричардом III. Король торговал вновь созданным титулом баронета. В 1628 г. Карл I обложил графства «ко-

рабельными деньгами», что сразу вызвало отпор в стране. Ковалевский рисует яркую картину подобных королевских деяний, чтобы показать всю степень ожесточения, охватившего население Англии к началу 40-х гг. XVII в.

Большую остроту принял также конфликт по церковным вопросам. Яков I был «энергичным противником пресвитерианства», выступавшего против епископской власти и не признававшего никакой церковной иерархии кроме избираемых священников. Ковалевский показывает, что Яков I увидел в этих порядках начала, непримиримые с монархией, и «связал судьбы английской монархии с сохранением епископской власти, а это решение привело его в столкновение с более передовыми течениями в области церкви»²³. Что касается Карла I, то его обвиняли в скрытой приверженности католицизму. Основываясь на исследовании С. Гардинера, Ковалевский, однако, убежден, что эти обвинения были необоснованными²⁴.

В целом, говоря о непосредственных причинах английской революции (которую принято было называть пуританской), М. М. Ковалевский, отметив религиозные споры, на первый план выдвигал конфликт в области экономических и политических отношений.

Обратившись к исследованию общественного строя Англии в период революции («в эпоху республики»), Ковалевский определил круг вопросов, на которые он считал необходимым ответить прежде всего: «Как отразился на судьбах владетельных и не владетельных классов английского общества процесс замены натурального хозяйства денежным; в какой мере затронуты были им интересы крестьянского люда, насколько обусловленные им перемены в системах хозяйничания вызвали перемещение богатств в среде помещиков, арендаторов и сельских рабочих»²⁵.

Главное внимание Ковалевский уделял аграрному вопросу, ибо считал, что «историку, который желал бы представить картину внутреннего быта той или другой страны в ту или другую эпоху ее существования, необходимо остановиться прежде всего на вопросе о распределении в ней недвижимой собственности. Эта последняя всегда являлась... одним из материальных фундаментов всякого господства, общественного и политического»²⁶.

М. М. Ковалевский, проанализировав многочисленные работы «сельскохозяйственных писателей» XVII в., современников революции, делает вывод, что все они пишут о необходимости по примеру голландцев порвать со старинными традициями и поставить хозяйство на новую основу. Общее заключение Ковалевского: в середине XVII в. Англия только что вступила в процесс медленного перехода к более интенсивным системам хозяйствования. Переход этот задерживался слабым еще развитием луговодства, огородничества и льноводства и существованием наделной системы, в течение столетий неизменно приспособленной к чередованию озими, яра и пара. Ковалевский

останавливался на этих деталях, потому что считал: «Введение огородничества, льноводства и луговодства предполагает возможность перехода к более интенсивной форме севооборота, чем та, какую допускает трехпольная система, и которая господствовала в Англии триста лет, а к ней приурочена была вся надельная система общинных полей с ее конами и полосами»²⁷.

Первый чувствительный удар по этой системе нанесли в XVI в. успехи скотоводства и огораживание общинной пустоши. Но эта система еще продолжала держаться. Ковалевский подчеркивает, что все авторы XVII в. рекомендуют правительству «обязательный раздел общинных полей», пишут о выгоде огораживания, о возможности лучше обрабатывать землю и повысить доходность пахотной земли в 2–3 раза, а пастбищ – в 10 раз. Сто акров огороженной земли стоят четырехсот акров, лежащих вперемежку среди открытого поля. Все возражения, которые вызывает надельная система, сводятся к одному – «невозможности производить затраты на землю без уверенности в том, что эти затраты пойдут на пользу сделавшего их»²⁸.

В XVII в. захват общинных земель производился еще и путем осушения болот. Находились «капиталисты», которые брались вложить большие деньги в осушение болот, но при условии, что затрата капитала будет вознаграждена обращением лучшей части утилизированной земли в их пользу. М. М. Ковалевский рассказывает о случаях столкновений таких компаний «капиталистов» с местными крестьянами. Осушение болот для крестьян было равносильно огораживанию, и они разрушали шлюзы.

М. М. Ковалевский выяснил, что в годы революции обезземеление крестьянства усиленно продолжалось путем «добровольных соглашений» и насильственного захвата общинных полей. Лендлорды сносили целые селения. Землевладельцы пользовались тем, что права общинников опирались на давность владения и не могли быть засвидетельствованы письменными актами. Особенно упорными в проведении этой политики были «недавние приобретатели» конфискованных у кавалеров и распроданных поместий.

В связи с этим М. М. Ковалевский ставил вопрос, чем обусловлена в середине XVII столетия «перемена в отношении владетельных классов к общинному землевладению», и отвечал на него: «...нам необходимо будет остановиться на мысли, что быстрый рост населения, увеличивши запрос на землю, повел к возрастанию платимой за нее ренты, а это обстоятельство должно было обусловить собою более интенсивную систему хозяйничания, при которой общинное землевладение становится анахронизмом»²⁹. Таким образом, необходимость интенсификации сельского хозяйства (которую уже понимали землевладельцы) обусловила решение аграрного вопроса в ходе революции.

Центральным фактом в общественной жизни республиканской Англии Ковалевский называл «отмену феодализма». Он поднял вопрос, почему феодализм был отменен землевладельцами (т. е. феодалами), ведь в течение столетий «преобладание феодальной аристократии» было построено «на экономической и социальной зависимости от нее других классов общества»³⁰. По этому поводу М. М. Ковалевский говорил, что «история представляет не один пример тому, как учреждение, вызванное к жизни известными интересами, со временем обращается против этих интересов». Своим исследованием ученый доказывал, что феодализм был выгоден для собственника при системе наследственных держаний, когда он гарантировал получение постоянного дохода (неизменного из поколения в поколение). Но на протяжении XVII в. деньги упали в цене (после притока американского золота), а цены выросли и «наследственная аренда с её неизменной земельной рентой становится условием разорения». Феодализм становился с каждым поколением «все более и более отяготительным для интересов земельных собственников, так как препятствовал нормальному возрастанию их ренты»³¹.

Также М. М. Ковалевский отмечал «неудобства феодальных порядков». Помещик одновременно был вассалом короля и был обязан нести повинности и платежи, «однохарактерные с теми, исполнения которых он требует от свободных владельцев своего лена»³².

Стюарты пытались оживить платежи, вышедшие из употребления. Современники писали о тягости феодальных обязательств, о тяжелых «правах короны». Ковалевский отмечает единство парламента в этом вопросе. Когда палата общин в 1645 г. предложила отменить рыцарские держания, палата лордов сразу согласилась с этим.

Существование решения вопроса, предложенного землевладельцами, Ковалевский видел таким: «Кто знаком с социальным строем средневековой Англии, тот согласится с нами, что этот строй опирался на факт совладения помещика и свободных и крепостных обывателей его поместья, т. е. фригольдеров и копигольдеров. Их права на землю признаваемы были обычаем в такой же степени, как и права лендлорда, который поэтому не мог беспрепятственно согнать их с своей земли или произвольно повысить следуемые с них натуральные и денежные платежи»³³. Ковалевский подчеркивал, что это не особенность Англии – такие порядки были общими для феодального строя и во Франции, и в Германии.

М. М. Ковалевский показал, какую роль в процессе вымирания средневековых форм землевладения играла юридическая практика. Юристы объявили признаваемое обычаем право совладения не реальным, а договорным правом, источником которого является добрая воля помещика, нет соглашения и письменного документа – нет и прав на землю (у крестьян). На эту практику

указывают жалобы, которые получал протектор от арендаторов, согнанных с земли.

Таким образом, М. М. Ковалевский пришел к выводу, что средневековые порядки, «корень которых лежит в феодализме», стали невыгодны земельным собственникам. Одновременно они тяготились феодальными поборами в пользу короны. Этим и объяснял Ковалевский принятие акта 1656 г., которым «положен был конец феодальным и крепостным отношениям», и издан он был в интересах землевладельцев. Ковалевский подчеркивал, что эта сторона вопроса выступает с особенной наглядностью, если проанализировать текст акта 1656 г.

Были упразднены все платежи, которые получало правительство на правах верховного сюзерена: право опеки, право требовать рыцарскую присягу и платежи за утверждение лена за наследником и т. д. «Я полагаю, – писал М. М. Ковалевский, – что нечего настаивать на той мысли, что перечисленные мероприятия клонятся ... к выгоде собственников ... Но то, что следует, еще больше подтверждает нашу мысль». А следовало вот что. В акте оговаривалось, что все платежи в поместье продолжали существовать, но не упоминалось об обязательстве лендлордов сохранить за крестьянами своих поместий их общинные наделы: «Все земли поместья признаются неограниченной собственностью лендлорда, и права отдельных владельцев в них всецело опирающимися на свободном договоре или соглашении с помещиком. Обезземеление крестьянства, таким образом, было ускорено отменой феодализма...»³⁴. М. М. Ковалевский подводит итоги аграрной политики революции: «Если в заключение мы спросим себя, какое влияние революция 1648 года оказала на социальное положение земледельческих классов, нам придется ответить, что она не сделала ничего для улучшения быта ни крестьян-общинников, ни арендаторов»³⁵.

Исходя из анализа решения аграрного вопроса М. М. Ковалевский определял характер революции: «Таким образом, знакомство с социальными условиями землевладельческих классов в период республики и протектората не оставляет сомнения в буржуазном характере первой английской революции»³⁶. Российский исследователь в своих работах показал, что «интересы демоса» не были приняты революцией в расчет.

Стремясь раскрыть последствия этого для дальнейших судеб Англии, Ковалевский утверждал, что «прогресс Англии в мировой промышленности и мировом обмене имеет своим отправным пунктом обезземеление народных масс»³⁷. В аграрном перевороте он видел и причину быстрых успехов английского земледелия, так как огораживание удаляло с земли класс, которому свойственно держаться старинных способов обработки земли, и привело к интенсификации сельского хозяйства. В то же время Ковалевский отмечает и «менее радужные» социальные последствия.

Итогом эмансипации крестьян без земли, пишет он, было обезземеление большинства народа и развитие огромного городского пролетариата³⁸.

М. М. Ковалевский уделил большое внимание народным движениям в революции. Прежде всего его интересовали движение левеллеров и их политическая программа. Он выступил против мнения тех историков, которые утверждали, что «радикализм» возник в Англии в конце XVIII в. под непосредственным влиянием Французской революции. Эта точка зрения шла из Германии и поддерживалась некоторыми российскими учеными. Ковалевский поставил задачу опровергнуть данное мнение о возникновении радикализма: «Мы надеемся доказать, что он сложился в цельную систематическую доктрину почти за полтора десятилетия до начала французской революции и на английской почве»³⁹.

Свои выводы он основывал на мемуарах, письмах и многочисленных памфлетах середины XVII в. В памфлетной литературе 60-х гг. XVII в. обсуждался вопрос о наилучшем устройстве республики и часты были ссылки на государственный строй Голландии и Венеции, «образцовых республик этого времени». Ковалевский ставил вопрос, не сложилась ли политическая теория английского радикализма под влиянием этих иностранных образцов.

Просмотрев множество томов коллекции памфлетов в Британском музее, Ковалевский не нашел ссылок на порядки в Голландии или Венеции в эпоху, непосредственно предшествующую провозглашению республики, т. е. в период самого зарождения английского радикализма, что позволило ему сделать вывод: «В Англии стали изучать иноземный республиканский строй после установления республики не столько для того, чтобы представить образцы для подражания, сколько с целью подкрепить ссылками на всеми уважаемые порядки недавно совершившийся переворот в английских учреждениях»⁴⁰.

М. М. Ковалевский утверждал, что движение левеллеров возникло в Англии в период «междоусобной войны» между парламентом и королем Карлом I и что с самого начала теория английских «радикалов» чужда привнесенному извне. Она развивалась «на почве непосредственной критики английских государственных порядков». «Радикалы» последовательно развивали учение о «законном правительстве», которое в период «междоусобной войны» ставило волю парламента выше воли короля: «И на этот раз, как и в предшествующие эпохи, английская политическая мысль не опередила, а сопровождала собою политический переворот; она не столько подготовила события, сколько сама обусловлена была ими»⁴¹.

В 1892 г. Ковалевский решал вопрос о зависимости политической мысли от хода исторических событий. Религиозные преследования в первой половине XVII в. наводили пуритан на мысль о свободе личности и совести, на которую ни король,

ни парламент не могут посягать. Недовольство Звездной палатой и т. д. создало учение о суде присяжных: «Казнь Карла I и уничтожение палаты лордов являются, в свою очередь, исходными моментами для учений о подчиненности исполнительной власти законодательной и равенстве всех граждан по отношению к политическим правам»⁴².

«Поднятые временем социальные вопросы, в свою очередь, отражаются на общественной теории английских радикалов и побуждают их стать в ряды защитников полного уравнивания сословий, отмены феодализма, крепостного права и обусловливаемого ими различия рыцарского, свободного и оброчного держания. Таким образом, независимо от влияния каких-либо иноземных учреждений или на чужой стороне сложившихся теорий, под непосредственным воздействием политических и социальных движений их родины слагается учение английских радикалов середины XVII столетия»⁴³, – таково мнение М. М. Ковалевского.

Далее Ковалевский ставил вопрос о причинах, которые «благоприятствовали появлению подобного учения», и показывал, «какое теоретическое и практическое выражение нашло оно в эпоху английской республики», т. е. на какой основе возникло движение. Исходя из данных источников М. М. Ковалевский пришел к выводу, что движение левеллеров было вызвано к жизни преувеличенными ожиданиями, возлагаемыми на республику главными виновниками революции (т. е. народом), и неудовлетворенностью практическими результатами революции. В памфлетной литературе середины XVII в. Ковалевский обнаружил жалобы на то, что действительность не оправдала надежд; солдаты, участники революции, говорили, что не стоило проливать столько крови, что Ферфакс и Кромвель не выполнили обещаний основать свободнейшее государство. Многие офицеры чувствовали ответственность перед соотечественниками за неосуществление тех надежд, какие возлагались на революцию. Вот эта неудовлетворенность сложившимся положением и сознание падающей на нее ответственности подготовили республиканскую армию к восприятию радикальных теорий левеллеров⁴⁴.

Выясняя, почему армия стала очагом всего движения, М. М. Ковалевский принимает во внимание состав и характер ополчения Ферфакса и Кромвеля. Он показывает, что республиканская армия состояла из людей, объединенных религиозными и политическими целями. Пресвитериане и индепенденты были ее стержнем. По словам современников, все были проникнуты сознанием святости дела. Солдаты готовы были следовать за всяким политическим агитатором, который говорил о неосуществленности их программы, об опасности для их идеалов со стороны правительства. Отсюда следовал вывод Ковалевского: «Радикальное движение – не столько результат воздействия отдельных лиц, сколько выражение чувств и желаний народных масс»⁴⁵.

М. М. Ковалевский старался воспроизвести программу левеллеров, основываясь на содержании их петиций, памфлетов их идейного руководителя Джона Лильберна и «бумаг Кларка». В программе «радикалов» он различал политические, экономические и социальные требования. Больше всего внимания он уделил политическим требованиям, которые и проанализировал в ряде своих работ. Политическую программу левеллеров Ковалевский кратко сводил к следующим положениям: требование однопалатного парламента, созываемого ежегодно (или каждые два года), равномерное распределение избирательных прав, отделение исполнительной власти от законодательной.

Эти требования, сформулированные в декларациях левеллеров на имя Ферфакса, а также в памфлетах Лильберна, Ковалевский называет «систематическим конституционным проектом, первую по времени бумажную конституцией, охватывающей собой все основные вопросы государственного устройства, отличающейся единством плана и целостным проведением радикальной программы»⁴⁶.

М. М. Ковалевский обобщил характерные особенности этой конституции: сосредоточение законодательной власти в руках народного представительного однопалатного собрания; подчинение исполнительной власти законодательной; отделение судебной власти от законодательной; демократический способ замещения должностей (избрание во всех сферах управления); суверенитет нации (законодательное собрание не может посягать на основные права граждан – свободу личности и собственности, совести и печати, промышленной и торговой деятельности); демократический принцип народного ополчения; равенство всех перед налогом, обложение если не по доходу, то по имуществу; народные формы общинного землевладения и вечно-наследственная аренда⁴⁷.

Ученый считал, что левеллеры были новаторами в решении многих вопросов политического устройства страны. Как оригинальную черту в их учении он выделяет требование, чтобы народное представительство не было всемогущим, чтобы оно не могло посягать на неотъемлемые права граждан – свободу совести, равенство всех перед судом и подсудность только присяжным. На Путнейской конференции левеллеры впервые поставили вопрос о всеобщем голосовании, они делали, по словам М. М. Ковалевского, практические выводы из теории естественного права и утверждали, что парламент должен быть пропорциональным представительством всего народа без различия классов и состояний, в то время как Кромвель и Айртон говорили, что главное – свобода совести, а право голоса должно принадлежать только собственникам недвижимого имущества⁴⁸.

М. М. Ковалевский детально исследовал политическую программу левеллеров, так как считал, что это движение представляет значительный

интерес для последующей истории политической мысли. Хотя движение в самой Англии «имело неуспех», оно не было бесплодным, в нем скрывались задатки большого политического творчества. Политическая программа левеллеров оказала сильное влияние на XVIII в. В ней Ковалевский нашел зародыш учения французских просветителей о правах, предшествующих и превышающих всякий закон, об отделении исполнительной власти от судебной, теории смешанной монархии и разделения властей и др. Таким образом, по мнению Ковалевского, программа левеллеров на полтора десятилетия опередила американскую и французскую декларации прав⁴⁹.

Высоко оценив политическую составляющую программы левеллеров, М. М. Ковалевский разбирает и ее социальную сторону, указывая на их стремление к переменам в общественном строе Англии: «Они стремятся уничтожить в нем последние остатки феодализма, сохраняя в то же время неизбывные и исторически сложившиеся основы семьи и собственности»⁵⁰. Профессор подчеркивал, что «их отнюдь нельзя поэтому смешивать с одновременными им английскими социалистами, так как они требуют не переворота, а реформы». Левеллеры, по утверждению Ковалевского, не порывали с прошлым, а хотели устранить «все обветшалое в существующем общественном строе». Они выступали против крепостного права, за фригольд, свободу и полную собственность, против дворянских привилегий. Левеллеры провозгласили новое учение – «отмену сословий». «Отсюда, – подчеркивал Ковалевский, – самое их название “левеллеров”, т. е. “нивелираторов”, ставящих себе задачей подвести все классы общества под один уровень»⁵¹.

М. М. Ковалевский вновь и вновь подчеркивает мысль, что левеллеры не ставили целью уничтожить собственность, и говоря о майском 1649 г. восстании в армии, он снова утверждает, что социального переворота, что бы ни говорили на этот счет противники движения, восставшие полки не имели в виду. В одном из своих заявлений они прямо отрицают всякое намерение уравнивать состояния. Ближайшей задачей восставшие ставили устройство государства по образцу, данному Лильберном и его единомышленниками.

М. М. Ковалевский обращает внимание читателя на эту сторону агитации левеллеров, чтобы перейти затем к характеристике другой «партии», выступившей в революции, – диггеров. Отметив, что современники объединяли левеллеров и диггеров в одну «партию», Ковалевский старательно их разграничивает. Современники, как подметил Ковалевский, сводили к одному уровню весьма отличные друг от друга категории общественных и политических реформаторов: с одной стороны – радикалов, с другой – коммунистов⁵².

М. М. Ковалевский, разделяя обе «партии», старался снять с левеллеров обвинение в «коммунизме» и подчеркивал, что Лильберн и другие

лидеры левеллеров высказывались против всякого союза с теми, кто хотел «уравнять состояния», что левеллеры преследовали исключительно цели политической реформы. Диггеры же как «коммунистическая партия» шли дальше. Их задачи «были гораздо шире и несравненно менее осуществимы». Они шли наперекор веками установившимся воззрениям, задевали интересы всех владетельных классов, в том числе крестьян-общинников, и носили явно выраженную печать иностранного заимствования⁵³.

Поскольку М. М. Ковалевский был уверен в том, что английские порядки не могут породить коммунистической теории, он считал, что свое учение диггеры заимствовали Германии, в лагере анабаптистов в Мюнстере. С другой стороны, он признает, что диггеры постарались приспособить свое учение к существовавшему в Англии общественным отношениям, что они утилизировали для своих целей начавшуюся задолго до них борьбу против огораживания. «Коммунисты», не трогая поместий и ферм, приступили к захвату общинных пустошей, чтобы обратить их под пахоту.

М. М. Ковалевский отмечает, что своим действиям диггеры постарались дать историческое обоснование. Они подняли вопрос об отмене революцией всего предшествовавшего общественному строю Англии, созданного, по их мнению, норманнским завоеванием. Право на занятие неимущими общинной пустоши они называли «отменой норманнского ига над землей, возвращением ее прежним законным собственникам», английским коммонерам. Уинстенли, Эверард, Пальмер и другие предводители движения говорили, что Кромвель – орудие Бога – низверг норманнское иго и должен позаботиться, чтобы земля была возвращена угнетенным общинам.

М. М. Ковалевский утверждал, что агитация диггеров задела крестьян-общинников в их существенных интересах. Крестьяне не хотели примириться с учением, признававшим их сельские угодья общественным достоянием, и стали защищать свою собственность. Не дожидаясь правительственной помощи, они согнали смелых захватчиков со своих полей. Таким образом, Ковалевский не связывает движение диггеров с крестьянским движением.

Поскольку правительство Кромвеля решительно выступило против диггеров и «владетельные классы» (включая крестьян) решительно их не поддерживали, агитация диггеров «падает сама собой». К тому же «коммунисты» действовали в духе Святого Писания, относились враждебно ко всякому насилию и проводили на практике теорию «непротивления злу». Таким образом, единственным результатом движения диггеров Ковалевский называет несколько прокламаций и манифестов, в которых выразилось их учение.

Объяснив учение диггеров заимствованным из-за границы, М. М. Ковалевский отказывает в оригинальности и их идеологам. Анализируя

«политический катехизис» диггеров – памфлет Уинстенли «Закон свободы», – он прежде всего ставил вопрос, откуда заимствовал автор свою общественную теорию, и указывал на «Утопию» Т. Мора как ее ближайший источник. «Из этого богатого источника», по мнению Ковалевского, Уинстенли и черпал содержание задуманных им реформ: «Вся оригинальность его учения сводится к попытке примирить его с своеобразно понимаемыми им историческими основами английской гражданственности»⁵⁴.

О периоде протектората Кромвеля М. М. Ковалевский говорит очень бегло, отмечая лишь, что порядок, который водворился в Англии «в эпоху республики и протектората», не был демократическим. Республика Кромвеля представляла собой форму военной диктатуры, и вся его внутренняя политика была направлена на удержание происходившей в Англии революции в границах религиозно-политического переворота.

Однако М. М. Ковалевский отмечает и заслуги Кромвеля перед Англией: «К бессмертной славе лорда-протектора надо отнести его религиозную терпимость. При нем впервые обеспечена была свобода совести» (для протестантов. – А. А.). Кромвелю удалось, «правда, ценою крови и несправедливой конфискации земель у туземного населения, обеспечить прочное владычество англичан в Ирландии». При нем Англия заняла высокое положение в международных делах. Ему удалось обеспечить обладание Ямайкой в Вест-Индии и Дюнкирхеном в Северном море, что было необходимо для расширения английской торговли. Кромвель издал «знаменитый навигационный акт», поощрял развитие торговли и флота⁵⁵.

О перевороте 1688–1689 гг., о второй, или «Славной», революции М. М. Ковалевский говорит совсем коротко. Он отмечает, что Стюарты после реставрации пытались восстановить прежние порядки в стране, вернуть кавалерам конфискованное имущество. Карл II в последние годы проявил намерение править Англией неограниченно, без парламента. Эту политику продолжил Яков II, который попытался также ввести в Англию свободу совести, распространив её на католиков. Однако обнародование декларации о веротерпимости привело к тому, что Стюарты покинули Англию навсегда.

Концепция английской революции, разработанная М. М. Ковалевским в конце XIX в., была в целом прогрессивной. В то время когда ученые Западной Европы отрицали существование истории как науки, он считал, что история – не хаос событий, а закономерный прогрессивный процесс и всё в истории совершается закономерно и обусловленно. В основе общественного развития, по мнению Ковалевского, лежит хозяйственная эволюция, которая проходит определенные стадии. Так, феодальное хозяйство закономерно уступает место капиталистическому. Ковалевский считал первичным экономическое развитие Англии, ре-

лигиозная борьба отходит у него на второй план. Как позитивист он полагал, что смена хозяйственных форм происходит путем мирной эволюции. Революция наступает вследствие того, что правящие круги (в данном случае Стюарты) не видят назревших потребностей, управляют страной не считаясь с законами хозяйственной эволюции. Ошибки правителей приводят к неизбежности революций. Особенно отчетливо эта мысль Ковалевского проявилась в оценке диггеров, которых он охарактеризовал как оторванную от народа секту, очень быстро сошедшую со сцены.

Разработка Ковалевским важнейших проблем английской революции 40-х гг. XVII в. имела большое научное значение. Основным его вкладом в науку было исследование экономической истории Англии, изучением которой в те годы, кроме Ковалевского, занимался лишь Т. Роджерс. Российский ученый впервые показал историческое значение движения левеллеров, а также первым обратил внимание на движение диггеров.

Примечания

- 1 Ковалевский М. М. Две жизни // Вестник Европы. 1909. № 7. С. 19. О своих отношениях с К. Марксом Ковалевский писал в воспоминаниях : Ковалевский М. М. Моё научное и литературное скитальчество // Русская мысль. 1895. № I. С. 61–80.
- 2 Ковалевский Е. П. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям // М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917. С. 27–29.
- 3 См.: Ковалевский М. М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. С. 30–274.
- 4 См.: Английская буржуазная революция XVII века : в 2 т. М., 1954. Т. II. Гл. 25.
- 5 См.: Лавровский В. М., Барг М. А. Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. М., 1958. Гл. 1.
- 6 См.: Погodin С. Н. Русская школа историков : Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб., 1997 ; Он же. М. М. Ковалевский (1851–1916) // Новая и новейшая история. 1998. № 2. С. 166–167.
- 7 См.: Ковалевский М. М. Взгляд на историю и современное состояние местного самоуправления в Англии // Юридический вестник. 1886. № 6, 7 ; Он же. Секуляризация монастырской собственности в Англии и её ближайшие последствия // Русская мысль. 1888. № I.
- 8 Работы М. М. Ковалевского, посвященные английской буржуазной революции XVII в., написанные в 1891–1911 гг. : Общественный строй Англии в эпоху республики. Аграрный вопрос // Юридический вестник. 1891. № 12 ; Поворотный момент в истории землевладения и землевладельческих классов в Англии // Историческое обозрение. СПб., 1891 ; Родоначальники английского радикализма // Русская мысль. 1892. № 1, 2, 3 ; Кромвель и свобода совести

- в Англии // Киевский сборник. 1892 ; Кавалеры и круглоголовые (Опыт изучения их политических воззрений) // Северный вестник. 1892. № 7, 8 ; Два парламента (Отрывок из истории пуританских движений в Англии) // Русское богатство. 1894. № 2, 3.
- ⁹ См.: *Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии : в 4 т. М., 1895–1897 ; *Он же.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства : в 3 т. М., 1898–1903 ; *Он же.* Развитие народного хозяйства в Западной Европе. СПб., 1899 ; *Он же.* От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму : в 3 т. М., 1906.
- ¹⁰ См.: *Ковалевский М. М.* Причины обезземеления крестьян в Англии // Вестник Европы. 1909. № 4 ; *Он же.* Мильтон как поборник народного самоуправления и автономии личности // Вестник Европы. 1909. № 11, 12.
- ¹¹ См., напр.: *Ковалевский М. М.* История монархии и монархических доктрин. СПб., 1912 ; *Он же.* Демократия и ее политическая доктрина. СПб., 1913.
- ¹² См.: *Ковалевский М. М.* История Великобритании. СПб., 1911. (Оттиск из VIII и IX томов Энциклопедического словаря Товарищества братьев А. и И. Гранат).
- ¹³ *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в эпоху республики. Аграрный вопрос // Юридический вестник. 1891. № 12. С. 480 ; То же : История Великобритании. СПб., 1911. Ст. 1–2.
- ¹⁴ См.: *Ковалевский М. М.* Развитие народного хозяйства в Западной Европе. СПб., 1899. С. 166.
- ¹⁵ См.: *Ковалевский М. М.* Экономический рост Европы. Т. II. С. 701.
- ¹⁶ См.: *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в конце средних веков. С. 119.
- ¹⁷ *Ковалевский М. М.* История Великобритании. Ст. 529.
- ¹⁸ Там же. Ст. 505.
- ¹⁹ *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в конце средних веков. С. 132–133.
- ²⁰ См.: *Ковалевский М. М.* Развитие народного хозяйства в Западной Европе. С. 124–125 ; История Великобритании. Ст. 568.
- ²¹ *Ковалевский М. М.* Развитие народного хозяйства в Западной Европе. С. 117.
- ²² *Ковалевский М. М.* История Великобритании. Ст. 194.
- ²³ Там же. Ст. 591.
- ²⁴ Там же. Ст. 616 ; То же : *Ковалевский М. М.* История монархии и монархических доктрин. С. 176.
- ²⁵ *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в эпоху республики. Аграрный вопрос. С. 481.
- ²⁶ *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в конце средних веков. С. 1.
- ²⁷ *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в эпоху республики. Аграрный вопрос. С. 485.
- ²⁸ Там же. С. 488.
- ²⁹ Там же. С. 494.
- ³⁰ Там же. С. 503.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 505.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 509.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Ковалевский М. М.* Причины обезземеления крестьян в Англии. С. 759.
- ³⁸ См.: *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в конце средних веков. С. 134.
- ³⁹ *Ковалевский М. М.* Родоначальники английского радикализма // Русская мысль. 1892. № 1. С. 1.
- ⁴⁰ Там же. С. 6.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 11–12.
- ⁴⁵ Там же. С. 7.
- ⁴⁶ Там же. С. 49.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 3. То же в работах: Два парламента // Русское богатство. 1894. № 3 ; От прямого народовластия к представительному... Т. II. Гл. III ; История монархии и монархических доктрин.
- ⁴⁹ См.: *Ковалевский М. М.* Родоначальники английского радикализма // Русская мысль. 1892. № 2. С. 59.
- ⁵⁰ Там же. С. 5.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 61.
- ⁵³ Там же. С. 39.
- ⁵⁴ Там же. С. 47.
- ⁵⁵ См.: *Ковалевский М. М.* История Великобритании. Ст. 692.

УДК 940.2 (В)

ТРУДЫ ПО СОЦИАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ АНГЛИИ В ПЕРЕВОДАХ С ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

И. Р. Чикалова

Белорусский государственный педагогический университет
E-mail: irina_chikalova@mail.ru

В статье анализируется деятельность по включению в интеллектуальное пространство России зарубежных трудов по социальной истории Англии. Переводы на русский язык трудов крупнейших европейских историков, политологов, юристов, социологов стали важным и естественным ответом на общественную потребность в изучении западного, и прежде всего британского опыта, сопоставлении самобытного национального развития с достижениями других народов. Иностраные книги с заинтересованностью были встречены общественностью. Как показывается в статье, обзоры и рецензии на них в общественно-политических журналах свидетельствуют об этом.

Ключевые слова: социальное развитие, историография, Англия, переводы с иностранных языков, Россия.

The Works on the Social History of England Represented in the Translation from the Foreign Languages in Russia on the Eve of XIX–XX Centuries

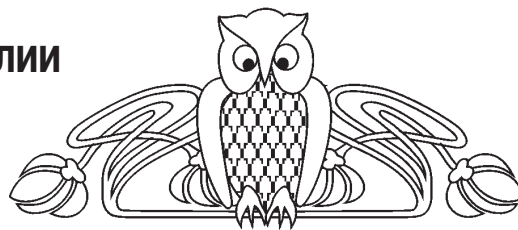
I. R. Chikalova

The activity on incorporation of the foreign works on social development of England into the intellectual space of Russia is analyzed in the article. The translations into Russian of the works of the outstanding European historians, political science specialists, lawyers, sociologists had become an important and natural respond to the social need in learning of the western and especially British experience, in comparison of the distinctive national development with the achievements of the other peoples. The foreign books were met by the publics with interest. As it is shown in the article their reviews published in the socio-political periodical journals evidence on this.

Key words: social history, historiography, England, Russia, translations from the foreign languages.

Общественная жизнь Англии

В ряду переведенных книг совершенно особое место занимает шеститомное издание «Общественная жизнь Англии»¹, написанное большой группой авторов во главе с *Г. Д. Трайлем*. Оно появилось в России в 1896–1899 гг. На него нельзя смотреть как на строго научное исследование, претендующее на новые выводы, новое освещение или объяснение явлений общественной жизни Англии. Это прежде всего популярная книга, популярное фактическое изложение развития разных сторон английской общественной жизни начиная с древнейших времен и кончая современной для читателя жизни Англии. Авторы книги не стремились к тому, чтобы дать полное объяснение явлений общественной

жизни Англии, представить цельную ее картину. Их цель была проще – написать взамен многотомной и местами устаревшей «Pictorial History of England» более сжатую и соответствующую успехам современного исторического исследования книгу. Шеститомник *Г. Д. Трайля* трудно классифицировать и найти ему точное место среди других работ в связи с его жанровой неопределенностью. Но можно обозначить его предмет следующим образом – развитие «английской цивилизации». Как декларировал Трайль, «мы можем излагать по возможности настолько кратко, насколько это допустимо без ущерба для ясности изложения, события войн, завоеваний, договоров и союзов, борьбы конституционных учреждений и борьбы династий; но зато мы будем излагать во всех мелких подробностях те различные ступени нашей английской цивилизации, которые отмечены эпохами нравственного и интеллектуального прогресса или которые можно проследить косвенно в том росте богатства, который, увеличивая комфорт и расширяя досуг, так сильно способствует интеллектуальному развитию, а в некоторой степени и нравственному усовершенствованию народов»².

Такой подход определил и структуру издания. Каждый из томов состоит из разделов, раскрывающих своеобразие социального развития в каждую из рассматриваемых эпох от норманнского завоевания до парламентских выборов 1885 г. Главы о политической истории раскрывают идею однородного и непрерывного развития, которое «идет постоянно и течение его при всех политических колебаниях и превратностях совершается в определенном порядке. В какой бы период мы от смутного подчас течения политической жизни не переходили к обозрению хода общественного прогресса, мы всюду видим ту же правильность безостановочного движения вперед»³. Широко показано развитие науки от времени, когда она являлась монополией монашеских орденов, до успехов естествознания в XIX в. Разделы о религии исходят из того, что католическая и протестантская формы христианской веры «существенно отличны одна от другой, что каждая из них способствует развитию совершенно отличных нравственных и интеллектуальных качеств и что тот народ, который окончательно избирает для себя одну из этих форм, совершает свой путь прогресса совершенно иным образом и по иной дороге, чем народ, избравший другую из этих форм»⁴. обстоятельно рассмотрен литературный процесс, за исходную точку которого взята древняя английская поэзия

VII в. Пройдя через века развития, литература «дошла до наших дней без перерывов упадка и регресса и проявилась в высшем развитии и чистоте в творениях известных романистов, у Фильдинга и Ричардсона, даже у небрежного Скотта, и от Скотта перешла к Диккенсу, Теккерею и Джоржу Элиоту»⁵. Во всех томах прослеживается прогресс промышленности и торговли и «неудачная судьба нашего земледелия». Трайль подчеркивает: «... нам придется ... иногда следить период за периодом за физическим благосостоянием массы английского народа, указать на воздействие естественных и искусственных причин, на веление Господа или повеления человека, на законы, в прямом значении этого слова и в фигуральном его значении, употребленном экономистами, на влияние войны, чумы, голода, уменьшавших население, останавливавших производство и изменявших промышленность, и наконец, указать на самые важные и влиятельные причины, – на применение к производству изобретательной способности человека, направлявшей промышленность по новому пути и оставившей в застое и приостанавливавшей другие пути, на новое направление, которое через несколько двадцатилетий может видоизменить работу веков и не только внешним образом пересоздать общество, но даже создать новый тип национального характера»⁶.

Сколько обширен по объему и разноплановости этот труд, столь же сокрушительна и критика его в российской печати. Появление каждого тома издания Трайля в России сопровождалось рецензиями и откликами в журналах. Так, в многостраничной рецензии «Мир Божий» совершенно не согласен с методологическим подходом Трайля и его соавторов: «Вопрос, как можно изложить историю культуры одной из передовых цивилизованных наций, сам по себе представляет тему для серьезнейшей работы философского и исторического характера. Трайль решил ее очень просто: разделить общий культурный поток, всю историческую многовековую сцену на несколько течений или полос и дать специалистам изложить свои мнения по поводу каждого из установленных отделов. Один будет изображать литературу, другой искусство, третий религию, четвертый нравы. Именно такие рубрики стоят в проекте Трайля. Уже одно перечисление их показывает, что читатели книги рискуют попасть в безвыходное положение на каждом шагу *относительно общей картины* общественного развития в ту или иную эпоху и испытать невыносимую скуку от *бесконечных повторений* одних и тех же фактов и мыслей в разных рубриках разными специалистами»⁷.

Для рецензента «Мира Божьего», откликнувшегося на появление первого тома, все это издание – «предприятие, задуманное с столь смутными или прямо ложными идеями и в результате столь мало полезное не только в английской исторической литературе, но даже и у нас»⁸. Не лучше оценка и второго тома: «...предназначение

сборника по-прежнему остается неопределенным – до такой степени разнохарактерны статьи, его составляющие. Одни – нечто иное, как конспекты, предполагающие у читателя обширные, общие и специальные сведения не только по истории, но и по искусству, военному делу. Другие, напротив, элементарны до умиленности, заключаются в хронологическом своде главнейших фактов с наивными обобщениями и, по-видимому, совершенно случайной “философией”»⁹.

Правда, «Русское богатство» не столь категорично в своих оценках книги: «Слабость введения ... не мешает остальным статьям быть вполне пригодными и полезными в смысле ознакомления фактического и в сжатом виде с историей развития различных сторон английской жизни... <...> В этом последнем отношении книга, бесспорно, может служить весьма полезным пособием при изучении истории Англии, да на это только она, как книга чисто описательного характера, и рассчитана»¹⁰.

Призрение бедных

Социальный вопрос во всех его проявлениях, остро заявивший о себе в России, искал своего разрешения. Проблемы бедности и борьбы с ней в европейских странах, вопросы развития законодательства об обязательном призрении бедных, в том числе в Англии, внимательно изучались в России. Издатели не могли не заметить и не отреагировать на насущную общественную потребность, в отсутствие собственно отечественных исследований на эту тему был переведен ряд зарубежных книг. В 1891 г. в России опубликовали работу создателя Армии спасения *Вильяма Бутса* «В трущобах Англии»¹¹. Показывая нищету, порочность, отчаяние «английского мрачного царства», Бутс призывает к спасению и облегчению участи обездоленных. Он высказывается против всякого насильственного пересоздания социальных условий и в то же время не верит в усилия государства. Помощь должна быть оказана немедленно, ждать нельзя, массы гибнут, им надо тотчас прийти на помощь. Переводчик книги Е. И. Сементовский в предисловии к ней подчеркнул, что «русский читатель с особенным интересом прочтет книгу Бутса ... Он поймет, <...> что средства к спасению гибнущих масс заключаются в самой цивилизации, и что если у нее и есть своя оборотная сторона, то у нее же есть и все необходимое для исцеления социальных недугов: наука, огромный запас опыта, чувство гуманности, которое не дает заснуть совести ввиду окружающих нас страданий»¹². На ее появление И. И. Янжул откликнулся очерком, лейтмотив которого – «Армия Спасения с ее службой для социального, морального и религиозного перерождения трущобного мира, с ее скромным, доходящим почти до полного бескорыстия, вознаграждением за свой тяжелый и подчас весьма неприятный труд, – является важным знаменем времени»¹³.

В 1899 г. была издана на русском языке

книга Томаса Велбенка Фауля (1835–1903) «Призрение бедных в Англии»¹⁴. Т. В. Фауль исходит из предположения, что «пауперизм может изменяться почти до бесконечности, но самая суть дела в той или другой форме должна оставаться всегда: среди нас всегда будут бедные». Отсюда для него очевидна обязанность государства заниматься общественным призрением бедных: тот кто видит в государственном призрении бедных только временное явление или нечто свойственное только Англии, обнаруживает непонимание значения этой задачи. Исходя из этого Т. В. Фауль, не касаясь частной и общественной благотворительности, концентрирует внимание на государственном законодательстве о призрении бедных, начиная от елизаветинского закона 1601 г. о бедных и реализации государственной политики в этой области. Поскольку изложение доведено до середины 70-х гг. XIX в., книгу вполне обоснованно сочли устаревшей, ценной лишь в своей исторической части. Но и она давала основания для определенных выводов. Рецензент под псевдонимом М. П-ов в «Мире Божьем» писал: «...критика системы призрения бедных в рабочих домах Англии шестидесятых и семидесятых годов может быть направлена до известной степени и против порядков, существующих в наших домах трудолюбия. Рассматривая состав их, проф. В. И. Герье отмечает то же явление: крайне смешанный состав обитателей рабочих домов и притом, главным образом, такой, который совершенно не отвечает задачам трудовой помощи. Здесь и дряхлые старики, и калеки, нуждающиеся в богаделенном содержании, дети, место которых в профессиональных приютах и школах, больные и алкоголики, которым необходима, прежде всего, врачебная помощь. Из этого положения вытекает необходимость той же классификации призремых и учреждения для них особых заведений, о которых говорил и Фауль»¹⁵.

Следующим внимания издателей удостоился труд о призрении бедных в Англии Поля Феликса Ашрота, который издал его сначала во Франции (1886), а затем в Англии (1888). Заметивший эту книгу российский Комитет попечительства о домах трудолюбия и работных домах внес ее в список сочинений иностранных авторов, появление которых в России признано желательным, и обратился к автору с просьбой дополнить книгу очерком о развитии призрения бедных в Англии после 1885 г. П. Ф. Ашрот согласился, повторно посетил Англию и на основе собранного материала написал новый раздел. Редакция журнала «Трудовая помощь» перевела рукопись и опубликовала ее в двух номерах журнала за 1898 г.¹⁶ Были дополнены такие параграфы книги, как о принципе работы «рабочих домов», устройстве рабочего дома, призрении бедных детей, больных и бродяг. В книге и журнальном дополнении к ней история призрения рассмотрена подробнейшим образом, но организации призрения на конец XIX в. уделена

большая часть объема, что позволило детально охарактеризовать формы оказания помощи неимущим, больным, детям, нищим и бродягам. В 1901 г. книга под заглавием «Призрение бедных в Англии. Историческое развитие и теперешнее состояние его» вышла в русском переводе¹⁷. П. Ф. Ашрот исходит из того, что «даже если бы удалось ввести страхование всех классов рабочих на случай болезни, несчастий, увечья и безработицы, все-таки нужно было бы заботиться о тех, которые вследствие природных недостатков и т. под. никогда не были работоспособны, или не были вполне работоспособны, а равно о многочисленном классе женщин и детей, впадающих в нужду вследствие смерти своего кормильца»¹⁸. Он продолжает: «Особенно важно организовать дело призрения бедных так, чтобы каждый ясно представлял себе преимущества собственной заботы о своем будущем пред обращением к общественной помощи по бедности. <...> Дело призрения бедных прежде всего должно быть организовано так, чтобы с оказанием помощи по бедности соединились ограничения, действительно чувствительные для получающих эту помощь, и чувствительные не с этической только точки зрения, могущие иметь полное действие лишь в высших классах, но такие ограничения, чтобы и простой человек считал нужным в своем интересе избегать их, принимая для того меры заблаговременно»¹⁹.

В 1900 г. дважды в разных переводах опубликовали книгу Джона Аткинсона Гобсона, заглавие которой в Петербурге перевели как «Проблемы бедности и безработицы», а в Киеве и Харькове как «Задачи бедности: Исследование промышленного положения бедных в Англии»²⁰. Автор сообщает, что его исследование в значительной части посвящено разбору фактов, заимствованных из книги Бутса «В трущобах Англии». Но Гобсон не ограничивает свою задачу пересказом того, что сообщил Бутс, а пытается показать нравственную сторону бедности, определить причины и социальные последствия безработицы, возможность ее преодоления экономическими методами, путем фабричного законодательства, создания кооперативного производства и общественных мастерских, выявляет роль тред-юнионов в объединении рабочих. В специальной главе раскрыто положение женщин в промышленности. Гобсон стремится доказать, что «безработица составляет одну из форм промышленного застоя <...> и установить, что непосредственной причиной этой промышленной болезни служит недостаточное потребление»²¹.

Положение рабочего класса и профессиональное движение

Российские издатели не обошли вниманием труды Г. Ностица, А. Кларка, Р. Ширарда и Ф. Энгельса, посвященные положению рабочих в Англии. По истории и современному положению

рабочего класса наиболее информативной представляется работа Ганса Ностица «Рабочий класс Англии в XIX столетии», в 1902 г. изданная на русском языке²². Хотя Г. Ностиц являлся немецким ученым, его труд в значительной части основан на оригинальных источниках, добытых в ходе шестимесячной поездки в Англию. В анализе рабочего класса как особой социальной группы Ностиц не замыкается в традиционной схеме – возникновение, количественный и профессиональный состав, организации, экономическая и политическая борьба. Все эти проблемы присутствуют, но они поданы в контексте общественно-политических процессов. В связи с этим Ностиц подробно рассказывает о политической системе Великобритании, в том числе о парламентских реформах, оказавшихся благоприятными для рабочих: «...во-первых, землевладельческое дворянство не только утратило свое полновластие в нижней палате, но и должно было уступить свое преобладание владельческим и вообще образованным классам; а во-вторых, рабочий класс, масса, начали стремиться к самостоятельной политической деятельности, начинают достигать этой цели»²³. Прогресс школьного и высшего образования, детально освещенный в книге, также имеет следствием важные социальные последствия: «Более широкая постановка дела начального образования немало способствовала появлению и развитию общей потребности к высшему образованию. К этому присоединяется и все более распространяющееся убеждение в значении образования для жизни промышленной и практической. Оба эти мотива руководят как мелкой буржуазией, так и рабочими»²⁴. Цели тред-юнионов, которым посвящен специальный раздел, состоят в защите профессиональных интересов рабочих в их трудовых отношениях с работодателями, материальном обеспечении в случае нужды, наконец, «цели общего характера» – гражданскому, нравственному и умственному развитию рабочих. Впрочем, констатирует Г. Ностиц, «часто упомянутые в программах цели суть простые пожелания, осуществление которых откладывается до лучшего будущего и к которым союз совсем не намерен стремиться в настоящем или путем переговоров, или путем революционным, или посредством законодательства»²⁵. Улучшение положения рабочих Г. Ностиц усматривает в развитии касс взаимопомощи и кооперативных обществ; нашли отражение и вопросы заработной платы и рабочего времени. Относительно стачек Г. Ностиц полагает, что «прогресс в условиях труда никоим образом не может объясняться исключительно, или даже только преимущественно, одними стачками, или рабочими союзами; но вполне установлено, что они были существенными вспомогательными средствами не только для приобретения того или другого преимущества, но в особенности для предупреждения регресса»²⁶. При этом он высоко оценивает «непосредственные переговоры рабочих и работодателей по конфликтным вопросам

при участии посредников или третейских лиц». В системе посредничества и третейского урегулирования споров Г. Ностиц видит инструмент уничтожения или смягчения межклассовой вражды, а с другой стороны – существование этой системы способствует признанию предпринимателями равноправия рабочих.

В 1904 г. перевели книгу «Фабричная жизнь в Англии» Аллена Кларка²⁷. Автор, выходец из рабочей семьи и сам рабочий, сумевший получить образование и стать учителем, написал ее на основе личных впечатлений и официальных парламентских материалов. Показав общие черты развития английской промышленности в XIX в., А. Кларк охарактеризовал развитие фабричной системы на примере крупнейших промышленных городов графства Ланкашир. Его выводы удручающи. Природа разрушена, вместо деревьев возвышаются одни высокие фабричные трубы, молодое поколение вырастает, не зная ни цветов, ни пения птиц, ни зелени лугов, ни красоты деревьев. Фабричная жизнь своей монотонностью превращает людей в машины, усиливает болезни, сокращает жизнь человека. Особенно вредно воздействие фабрики на нравственность и здоровье женщин, поколение за поколением фабричное население вырождается и производит все худшее потомство. Законы об ограничении детского труда не достигают цели, так что дети и плохо работают, и плохо учатся. Кларк отрицает саму возможность смягчения пороков фабричного производства увеличением заработной платы. При ее повышении продуктивность труда несоизмеримо увеличивается. Кларк сомневается в позитивном значении роста фабричной промышленности для развития страны. Поскольку фабричная система себя не окупает, пример Англии должен стать предостережением другим странам, которым не стоит торопиться с форсированием развития промышленного производства. Высоко оценивая критический потенциал труда Кларка, академик И. И. Янжул, написавший предисловие к его русскому изданию, отметил, что А. Кларк «не везде прав в своем крайнем и последовательном пессимизме ... Англия, создавшая современный Ланкашир с колоссальной промышленностью, не может – увы! – вернуться опять к земледельческой идиллии доброго старого времени!»²⁸. На утопичность социальных рецептов Кларка указал и рецензент журнала «Мир Божий» А. Рыкачев: «У автора очень хорошие намерения: он ненавидит современную фабричную жизнь, требует облегчения участи фабричных рабочих, особенно женщин и детей, а в качестве радикального средства против зол фабричной системы предлагает полное ее уничтожение и возвращение к патриархальному земледельческому быту. Книжке вредит не то, что автор ее предает несбыточным мечтам, а то, что он не умеет найти необходимых границ между правами мечтателя, обязанностями добросовестного исследователя и задачами учителя-реформатора»²⁹. В дальнейшем развитии фабричного законодательства и самодее-

тельности рабочих союзов и обществ заключается надежда рабочего класса на лучшее будущее.

В один год с книгой А. Кларка (1904) появилась на русском языке работа известного английского журналиста *Роберта Ширарда* «Белые рабы Англии»³⁰, описывающая тяжелые условия труда и быта не вовлеченных в тред-юнионы рабочих наименее оплачиваемых производств (например, по изготовлению соды, свинцовых белил, гвоздей и цепей) и профессий (башмачников, портных, шерсточесальщиков). Р. Ширард не претендовал на некие новые открытия – положение рабочих было описано много раз прежде. Но он считал своим нравственным долгом «кричать» до тех пор, пока хоть один житель Британских островов будет прикрывать неведение свое равнодушие к безобразиям, «благодаря которым каждому из нас стыдно носить имя англичанина». Именно нравственный протест против социальной несправедливости побудил российского издателя выпустить книгу. «Русская мысль» рассуждала в связи с описанными в книге картинами трудного положения рабочих Англии: «...если уж следует стыдиться такого положения вещей, то никак не одним англичанам, так как условия жизни рабочих и в большинстве других стран не лучше, а даже хуже. Заработная плата, на которую автор указывает как на самую низкую, у нас в России считалась бы высокою». Заложенный в книге императив к искоренению несправедливости позволяет ей «принести свою скромную долю пользы, в пределах своих сил более наглядному представлению о существующем зле и более энергичному стремлению к борьбе с ним»³¹.

В 1905 г. сразу в двух переводах опубликовали работу *Фридриха Энгельса* «Положение рабочего класса в Англии»³². Определяя актуальность этой проблемы, Ф. Энгельс отмечал: «...положение рабочего класса является действительной основой и исходным пунктом всех социальных движений современности, потому что оно представляет собой наиболее острое и обнаженное проявление наших современных социальных бедствий <...> в своей завершенной классической форме условия существования пролетариата имеются только в Великобритании и именно в самой Англии»³³. Однако создается впечатление, что в момент издания в России книга осталась незамеченной крупными либеральными общественно-политическими и литературными журналами. Впервые изданная в Германии в 1845 г., она утратила политическую актуальность для российского читателя.

Наращение организованного рабочего движения вызвало интерес к трудам об организациях трудящихся, методах и целях их деятельности, в частности к книге *Поля Рузье* «Профессиональные рабочие союзы в Англии». В 1895 г. парижский «Социальный музей», библиотека которого обладала наиболее полной коллекцией документов и периодических изданий по английскому рабочему движению, поручил группе ученых исследовать современное состояние английского

тред-юнионизма. Рузье в сотрудничестве с Карбонселем, Фести, Флери и Вилельмом в итоге издал книгу «Профессиональные рабочие союзы в Англии»³⁴, буквально сразу же переведенную на русский язык. Авторы представляют французскую науку, но их труд не является плодом кабинетных изысканий, обработки литературных источников. Рузье сообщает: «Мы посещали мастерские, опрашивали рабочих, выдающихся вождей юнионизма и предпринимателей, наблюдали за действием ассоциаций, проникали в семьи рабочих, присутствовали на конгрессах и собирали сведения из самых разнообразных источников, стараясь проверить их одни другими»³⁵. Это позволило показать объективные предпосылки образования профсоюзов, которые становятся массовыми и успешными, когда рабочие достигают определенной зрелости, а во главе их становятся просвещенные и нравственные, часто на религиозной основе, руководители. В отдельных главах рассмотрены состояние и деятельность тред-юнионов таких отраслей, как строительство, земледелие, судостроение, машиностроение, текстильная промышленность, союзы докеров, углекопов, будущее профсоюзов в связи с появлением «новых тред-юнионов». В этой части книги приведен массив фактических данных, не имевших на то время аналогов в других трудах.

В рецензии на книгу П. Рузье «Мир Божий» подчеркивал буржуазно-либеральный подход авторов к рассматриваемому предмету³⁶. Об этом говорил и автор предисловия П. Б. Струве: по его словам, все, что выходит за пределы тред-юнионизма, а также его значение в общей картине социально-экономического быта и развития Англии рассматривается с буржуазно-либеральной точки зрения³⁷. Не сочло универсальным опыт английского тред-юнионизма и «Русское богатство», констатировавшее: «...уместно поставить вопрос: доказано ли в книге французских авторов, что во всех странах, где развивается крупное производство, имеются в наличии условия, благодаря которым английские рабочие могли ввести в практику систему коллективного договора, предполагающую сильную организацию рабочего класса? Мы полагаем, что на этот вопрос можно ответить только отрицательно». И вообще, «статьи французских авторов не выдерживают никакого сравнения с исследованиями Веббов “История тред-юнионизма” и “Промышленная демократия”. В издании “Социального музея” мы не встречаем ни того детального, исчерпывающего знакомства с предметом, ни того мастерского анализа и критики, которыми отличаются труды английских авторов»³⁸. Эта критика тем более может быть отнесена и к небольшой по объему и популярной по характеру брошюре французского историка *Франсуа Фаньо* «Рабочее профессиональное движение в Англии»³⁹. Однако, будучи издана в России в революционный 1906 г., она все же достигала своей цели – донести до рабочих дух, способы борьбы и достигнутые результаты

английских тред-юнионов, поскольку в Англии профессиональное движение «является более давним, более жизнедеятельным и могучим, чем где бы то ни было»⁴⁰.

В России знакомство с трудами по истории и практике рабочего и тред-юнионистского движения супругов *Сиднея* и *Беатрисы Веббов* состоялось в 1893 г. – тогда вышла написанная С. Веббом в соавторстве с *Харольдом Коксом* книга «8-ми часовой рабочий день»⁴¹. Ее публикация дала повод «Русскому богатству» саркастически заметить: «Интересно бы знать, что сказали бы английские рабочие, если бы их заставили работать 14–16 и даже 18 часов, как это делается в некоторых наших промышленных заведениях». Журнал обратил внимание и на предлагаемые авторами способы достижения восьмичасового рабочего дня: «... авторы рассчитывают только на законодательный путь: ни добровольные уступки фабрикантов, ни давления рабочих союзов не могут установить максимального рабочего дня вполне твердо»⁴².

Следующей в 1899 г. была опубликована брошюра С. Вебба «Положение труда в Англии за последние 60 лет»⁴³. «Русское богатство» отозвалось на нее рецензией, в которой отмечалось преобладание в ней мысли «о наличности в современном обществе прогресса, но прогресса “незначительного”, “частичного”», которая «проходит красной нитью через всю брошюру, составляя и вообще основную и излюбленную идею автора, проводимую им и во всех других произведениях»⁴⁴. В. В. Леонович (псевдоним В. Ангарский) в рецензии на брошюру С. Вебба в «Образовании» также отмечает подобную особенность взглядов автора, но при этом указывает на явные противоречия в его рассуждениях: «Вот тут и разберитесь: то “большой прогресс”, то “частичный”. Чему же верить? И это не случайные противоречия автора. <...> И так, в общем итоге, несмотря на полное благодушие автора, выводы получаются безотрадные. Глядя на них, если и можно говорить о каком-нибудь прогрессе, то разве лишь о прогрессе... бедности. Для доказательства верности этого положения – достаточно данных, имеющихся в рассматриваемой брошюре»⁴⁵.

В том же 1899 г. издали и «Историю тред-юнионизма» – первую совместную работу супругов Веббов, которую в Англии они опубликовали в 1894 г. Однако в русском переводе она появилась под названием «История рабочего движения в Англии»⁴⁶. Издание не прошло мимо внимания крупных журналов – «Образования»⁴⁷, «Русской мысли» и «Мира Божьего»⁴⁸. По общему мнению рецензентов, книга Веббов не нуждалась в рекомендациях, «она во многих отношениях “была откровением для подавляющего большинства английских читателей – даже для самих членов рабочих союзов”». На континенте же Европы ее признали классическим исследованием по истории тред-юнионизма»⁴⁹. В то же время в своей рецензии в журнале «Образование» И. Степанов критикует

неудачное русское название книги, которое «не совсем соответствует ее содержанию. Супруги Вебб с полной определенностью заявляют, что они пишут не историю английского рабочего движения, а “историю рабочих союзов”»; на это указывает и английское название книги»⁵⁰. «Русская мысль» с большой похвалой отозвалась о переводе, выполненном В. И. Лениным: «Владимир Ильин дал перевод образцовый»⁵¹. Высоко оценивает журнал и содержание книги: «В настоящее время, когда рабочее движение всего мира стоит на распутье, глубоко задумавшись над выбором чисто профессиональной английской формой и политической, нашедшей себе наиболее яркое выражение в Германии, – книга супругов Вебб, плод шестилетнего труда людей беспристрастных, посвятивших всю свою жизнь изучению положения трудящихся, является незаменимым пособием, неоцененным материалом для суждения о самых серьезных, самых основных вопросах грядущего»⁵².

Спустя год последовала изданная в двух томах «Теория и практика английского тред-юнионизма»⁵³. Таким образом, все классическое исследование С. и Б. Веббов, включая и опубликованную ранее его историческую часть⁵⁴, стало доступным для русского читателя. Для «Мира Божьего» это тоже «солидное и прекрасное сочинение», в котором главы, «касающиеся нормального уровня заработной платы, нормального рабочего дня, санитарных условий и безопасности производства и проч., дают полное и обстоятельное изложение тех условий труда, в которых находится рабочий класс в современной Англии, тех способов, которыми он их поддерживает, и тех улучшений, которых добивается»⁵⁵. Оценивая творчество Веббов, журнал заключил: «... приходит время, когда без знакомства с ними многое может остаться непонятным в развитии английского общественного строя»⁵⁶.

Кооперативное движение и английская социалистическая мысль

Опыт последователей Р. Оуэна, организовавших в 1844 г. в Рочдейле потребительский кооператив «Общество справедливых пионеров», попытался обобщить *Джордж Джекоб Холиок*, который в 1857 г. выпустил посвященную ему книгу. К семидесятилетию основания кооператива и спустя почти 60 лет после издания книги Холиока в Англии в 1914 г. она появилась в переводе на русский язык под названием «История рочдельских пионеров»⁵⁷. Затем Холиок неоднократно дополнял и переиздавал книгу (в России перевели ее 10-е английское издание). Эта книга, по форме сборник статей, раскрывает различные стороны начинания ткачей из Рочделя, на примере «рочдельских пионеров» стремится показать эффективность кооперативной организации трудящихся, хотя и ограничивается только начальной

стадией кооперативного движения в Англии. В 1915 г. в Москве и в 1918 г. в Петрограде вышла книга Холиока под названием «Современное кооперативное движение», на этот раз с предисловием известного специалиста в этой области В. Ф. Тотоманца⁵⁸. О развитии кооперативного движения российский читатель мог составить представление и по другим работам, в частности по книге уже упоминавшегося Г. Ностица, посвятившего ему специальную главу⁵⁹.

В этом же ряду находится книга Беатрисы Вебб «Кооперативное движение в Англии», считавшаяся классическим исследованием истории британской кооперации в XIX в.⁶⁰ Как отмечали критики, «богатство материала и умелая группировка фактов ... одни эти качества, самые драгоценные во всяком исследовании общественно-экономического характера, делают ее сочинение необходимым пособием при изучении кооперативного движения». Но и не все положения книги были восприняты. По утверждению Б. Вебб, соединение тред-юнионистского и кооперативного движения должно привести к сплочению рабочего класса как условию улучшения положения тех, «кто производит, не потребляя своей полной доли». Это вызвало возражения автора рецензии в «Мире Божьем»: «... „английский социализм“, несмотря на свою ограниченность, очень склонен давать распространительное толкование частичным улучшениям в материальных современных условиях жизни рабочего класса. Эта склонность ведет к тому, что некоторое „поднятие социального уровня“ рабочего класса легко квалифицируется как всеобщее уравнивающее распределение богатств, как постепенное уничтожение социальных перегородок и социального гнета»⁶¹. «Русское богатство» привлек другой аспект работы: «Читатель Уэбб без труда выяснит себе, почему русское кооперативное движение обречено безрезультатно толкаться на пустом месте. <...> Оказывается, что кооперация по самому своему существу – явление глубоко демократическое, и на Западе оно достигало силы и развития только в тех случаях, когда оно было конструировано на истинно демократических началах»⁶². Во второй половине XIX в. кооперативное движение начало широко распространяться в европейских странах, в том числе и в России.

Читатели в России смогли ознакомиться с идеями преобразования общества на социалистических началах, популярных в Англии, благодаря выходу на русском языке с большим временным интервалом двух крупных работ в этом направлении (в порядке очередности) – преподавателя Парижского свободного колледжа социальных наук *Альбера Метена* «Социализм в Англии: современные тенденции и пропаганда»⁶³ и составленного Сиднеем Веббом сборника статей английских социалистов «Социализм в Англии»⁶⁴, – а также совместной брошюры *Генри Джорджа* и создателя Социал-демократической федерации

Англии *Генри Гайндмана* «Единый налог или социализм для блага народа»⁶⁵. Последняя в силу малого размера, в отличие от названных книг, не вызвала интереса со стороны критики. Что касается книги Метена, то в ней рассматривается не только идеология представителей социалистической мысли – Р. Оуэна, В. Морриса, социал-демократов, фабианцев, – но и сюжеты, связанные с анализом взглядов Т. Карлейля, Дж. Рескина, чартистов, тред-юнионистов и даже анархистов. Поэтому, собственно, ее название не вполне соответствует ее содержанию. В связи с этим, по справедливому замечанию «Русского богатства», «...это не история социализма, а история разных умственных течений <...>. В ней вы найдете и собственно социализм, и анархизм, и этическую школу Рескина, враждебную современному индустриальному строю»⁶⁶.

В свою очередь, составленный С. Веббом сборник был ориентирован не на русского, а на немецкого читателя (он и был переведен с немецкого языка) и благодаря помещенному в нем предисловию С. Вебба давал представление об отличии английского социалистического движения от немецкого. С. Вебб так характеризовал различия между ними – английский социализм не носит классового характера: «Значительная часть английских социалистов принадлежат к средним классам ... миллионы же рабочих не только подают голоса за консерваторов, но и очень консервативно настроены». Что же касается этого социализма средних классов, своего рода внеклассового социализма, то его своеобразный характер достаточно ярко выясняется из того, что в «каждом правительственном учреждении есть социалисты, принадлежащие к обществу фабианцев, но это не мешает им двигаться по служебной лестнице»⁶⁷. На сборник появились рецензии в журналах «Образование» и «Современный мир». Рецензенты и в одном, и в другом случае вполне искренне полагали, что современный социализм в Англии уже не соответствует той картине, «которая вырисовывается из чтения сборника», поскольку «самой свежей из статей, помещенных в сборнике, – десять лет с лишним»⁶⁸. Ф. Г. Сиротский (псевдоним Л. Герасимов) в «Современном мире» солидарно с анонимным коллегой из «Образования» называет слова С. Вебба о консервативном настроении английских рабочих анахронизмом⁶⁹. В свою очередь рецензент в «Образовании» не сомневается, что «резкий поворот в настроении рабочего класса в Англии, обнаружившийся в восьмидесятих годах прошлого столетия, и быстрые успехи социал-демократии все усиливались и постепенно сближали классовую тактику английского пролетариата с тактикой их континентальных товарищей. Своеобразие английского социализма по мере роста нового движения стало исчезать. <...> Между тем сборник в общем, главным образом, и настаивает на этом отходящем в прошлое своео-

бразии»⁷⁰. История все точки зрения расставила по своим заслуженным местам.

* * *

Общественную значимость трудов о различных аспектах британской истории подчеркивает факт участия в них в качестве авторов вступительных статей и редакторов переводов виднейших российских историков, социологов, правоведов, экономистов. «Легальный марксист» П. Б. Струве составил предисловие к книге П. Рузье «Профессиональные рабочие союзы в Англии», а также приложил статью о безработице к российскому изданию книги Дж. А. Гобсона «Проблемы бедности и безработицы». Академик И. И. Янжул написал предисловие к книге А. Кларка «Фабричная жизнь в Англии». Профессор В. Ф. Тотомианц отредактировал перевод и написал предисловие к книге Дж. Холиока «Современное кооперативное движение». Профессор Д. М. Петрушевский отредактировал перевод книги У. Ризона «Университетские и социальные поселения». Известный российский юрист В. Ф. Дерюжинский принимал самое серьезное участие в работе по общественному призрению в России, редактировал журнал «Трудовая помощь». Ему принадлежит опубликованная в этом журнале статья об английском законодательстве о призрении бедных⁷¹. Крупнейшим же специалистом в этой области был В. А. Гаген – автор книг «Право бедного на призрение»⁷² и «Западноевропейский бедняк»⁷³ (обе они – его магистерская и докторская диссертации). Гаген принимал участие в международных конференциях и конгрессах социальной проблематики, в частности был участником первого международного конгресса в Брюсселе, посвященного охране детства.

Благодаря переводам книги зарубежных авторов о различных аспектах и эпохах английской истории, в том числе и ее социальной истории, вошли в российское интеллектуальное пространство и с заинтересованностью были встречены общественностью. Их обзоры и рецензии на них в общественно-политических журналах свидетельствуют об этом.

Примечания

- 1 См.: *Трайль Г. Д.* Общественная жизнь Англии : религия, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи в их историческом развитии от древнейшего периода до настоящего времени : в 6 т. / пер. с англ. П. Николаева. М. : Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1896–1899.
- 2 *Трайль Г. Д.* Указ. соч. Т. I. М., 1896. С. 2.
- 3 Там же. С. 11.
- 4 Там же. С. 14.
- 5 Там же. С. 25.
- 6 Там же. С. 29.
- 7 Мир Божий. 1897. № 1. С. 72, 75.
- 8 Там же. С. 75.
- 9 Мир Божий. 1897. № 9. С. 64–65.
- 10 Русское богатство. 1897. № 2. С. 56.
- 11 См.: *Бутс В.* В трущобах Англии : пер. с англ. / под ред. и с предисл. Е. И. Сементовского. СПб. : Изд. Ф. Павленкова, 1891. XVI, 340, VI с.
- 12 *Сементовский Е. И.* Предисловие переводчика // Бутс В. В трущобах Англии. СПб. : Изд-во Ф. Павленкова. 1891. С. XII.
- 13 *Янжул И. И.* В трущобах Англии // Янжул И. И. В поисках лучшего будущего. Социальные этюды. СПб. : Изд-во Н. П. Карбасникова., 1893. С. 206.
- 14 См.: *Фауль Т.* Призрение бедных в Англии / пер. с англ. А. М. Белова. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 211 с.
- 15 Мир Божий. 1900. № 1. С. 97.
- 16 См.: *Аирутт П. Ф.* Развитие призрения бедных после 1885 г. // Трудовая помощь. 1898. № 7. Май. Отдел II. С. 1–25 ; № 8. Июнь. Отдел II. С. 103–115.
- 17 См.: *Аирутт П. Ф.* Призрение бедных в Англии. Историческое развитие и теперешнее состояние его / пер. М. Краснов. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. 616 с.
- 18 Там же. С. III–IV.
- 19 Там же. С. IV–V.
- 20 См.: *Гобсон Дж.* Проблемы бедности и безработицы / пер. с англ. Л. Гурвич ; под ред. Л. Зака и С. Франка. С приложением статьи П. Струве о безработице. СПб. : Изд. О. Н. Поповой, 1900. 366 с. ; *Гобсон Дж.* Задачи бедности : Исслед. пром. положения бедных в Англии / пер. с англ. М. В. Лучицкой ; под ред. И. В. Лучицкого. Киев : Ф. А. Иогансон ; Харьков : Тип. И. И. Чоколова в Киеве, 1900. 228 с.
- 21 *Гобсон Дж.* Проблемы бедности и безработицы. С. XIV.
- 22 См.: *Ностиц Г.* Рабочий класс Англии в XIX столетии : Из общественной истории нашего времени / пер. с нем. П. Николаева. М. : Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1902. 741 с.
- 23 Там же. С. 82–83.
- 24 Там же. С. 178.
- 25 Там же. С. 223.
- 26 Там же. С. 511.
- 27 См.: *Кларк А.* Фабричная жизнь в Англии / с англ. пер. А. Н. Коншин ; с предисл. акад. И. И. Янжула. М. : Изд. «Посредник», 1904. 116 с.
- 28 *Янжул И.* Предисловие // Кларк А. Фабричная жизнь в Англии. М. : Изд. «Посредник», 1904. С. 11–12.
- 29 Мир Божий. 1904. № 4. С. 128.
- 30 См.: *Ширард Р.* Белые рабы Англии / пер. с англ. А. Н. Коншина ; с 28 рис. худ. Г. Пиффарда. М., 1904. 106 с.
- 31 Русская мысль. 1905. № 1. С. 21–22.
- 32 См.: *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии : пер. с нем. СПб. : Молот, 1905. 240 с. ; *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии : пер. с нем. Е. К. и И. Н. Леонтьевых. СПб. : Обществ. польза, 1905. 319 с.
- 33 Цит. по: *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения : в 9 т. М. : Политиздат, 1984. Т. 1. С. 227.

- ³⁴ См.: Рузье П. Профессиональные рабочие союзы в Англии / пер. с франц. под ред. и с предисл. П. Струве. СПб. : Изд. О. Н. Поповой, 1898. VIII, III, 340 с.
- ³⁵ Там же. С. 1.
- ³⁶ См.: Мир Божий. 1898. № 12. С. 74.
- ³⁷ Струве П. Предисловие к русскому переводу // Рузье П. Указ. соч. С. I–II.
- ³⁸ Русское богатство. 1898. № 11. С. 91, 92.
- ³⁹ См.: Фаньо Ф. Рабочее профессиональное движение в Англии. Краткий исторический очерк / пер. с фр. Вл. Эльцина ; под ред. И. Гольденберга. СПб. : Изд-во Т-ва «Знание», 1906. 72 с.
- ⁴⁰ Там же. С. 3.
- ⁴¹ См.: Вебб С., Кокс Х. 8-ми часовой рабочий день / пер. Д. Л. Муратова. СПб. : Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1893. 312 с. ; 2-е изд. СПб. : Изд. и тип. Т-ва «Общественная польза, 1904.
- ⁴² Русское богатство. 1893. № 8. С. 64.
- ⁴³ См.: Вебб С. Положение труда в Англии за последние 60 лет. СПб. : Изд. Н. И. Березина и М. Н. Семенова ; Типо-литогр. Я. Кровицкого, 1899. 32 с.
- ⁴⁴ Русское богатство. 1899. № 2. С. 67.
- ⁴⁵ См.: Ангарский В. Рецензия на книгу : Сидней Вебб. Положение труда в Англии за последние 60 лет // Образование. 1899. № 12. С. 66.
- ⁴⁶ См.: Вебб С. и Б. История рабочего движения в Англии / пер. с англ. Г. А. Паперна. СПб. : Ф. Павленков, 1899. 363 с.
- ⁴⁷ См.: Авилон В. Рецензия на книгу : С. и Б. Уэбб. Теория и практика английского трэд-юнионизма. Т. 1 // Образование. 1900. № 1 ; Степанов И. Рецензия на книгу : С. и Б. Уэбб. Теория и практика английского трэд-юнионизма. Т. 2 // Образование. 1900. № 12.
- ⁴⁸ См.: М. П-в. Рецензия на книгу : С. и Б. Уэбб. История рабочего движения в Англии // Мир Божий. 1900. № 7.
- ⁴⁹ Степанов И. Рецензия на книгу : С. и Б. Уэбб. Теория и практика английского трэд-юнионизма. Т. 2.
- ⁵⁰ Там же. С. 68.
- ⁵¹ Русская мысль. 1899. № 12. С. 464.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ См.: Вебб С. и Б. Теория и практика английского трэд-юнионизма / пер. с англ. Владимира Ильина [В. Ульянова-Ленина]. Т. 1–2. СПб. : О. Н. Попова, 1900–1901.
- ⁵⁴ В 1904 г. она была опубликована снова, но уже с правильным названием «История трэд-юнионизма» (СПб. : Изд. Павленкова, 1904).
- ⁵⁵ Мир Божий. 1900 № 1. С. 90, 94.
- ⁵⁶ М. П-в. Указ. соч. С. 107.
- ⁵⁷ См.: Холиок Дж. Дж. История рочдэльских пионеров / пер. с 10 англ. изд. С. Цедербаума ; под ред. прив.-доц. В. Ф. Тотомианца. М. : Труд, 1914. 216 с.
- ⁵⁸ Холиок Дж. Дж. Современное кооперативное движение / пер. с англ. Ю. Вес[еловс]кого; под ред. [и с предисл.] В. Тотомианца. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. 156 с. ; Он же. Современное кооперативное движение / пер. с англ. Ю. Веселовского : под ред. (и с предисл.) проф. В. Тотомианца. Пг. : [«Мысль»], 1918. 150 с.
- ⁵⁹ См.: Ностиц Г. Рабочий класс Англии в XIX столетии : Из общественной истории нашего времени. М., 1902. С. 291–326.
- ⁶⁰ См.: Уэбб Б. Кооперативное движение в Англии / пер. с англ. Н. и С. Алексеевых. СПб. : Изд. И. Балашова, 1905 ; Вебб Б. Кооперативное движение в Великобритании / пер. с англ. С. И. Цедербаум. М. : Моск. союз потреб. о-в, 1917. 164 с.
- ⁶¹ Л. Б. Рецензия на книгу : Б. Уэбб. Кооперативное движение в Англии // Мир Божий 1905. № 8. С. 131.
- ⁶² Русское богатство. 1905. № 6. С. 85.
- ⁶³ См.: Метен А. Социализм в Англии : современные тенденции и пропаганда, Р. Овен и чартисты, Карлейль, Рёснин, Вильям Моррис, христианство и социализм, национализация земли, социал-демократы и фабианцы, трэд-унионы и независимая рабочая партия, анархия : пер. с фр. СПб. : Л. Ф. Пантелеев, 1898. 370 с.
- ⁶⁴ См.: Социализм в Англии : Сборник статей английских социалистов [Вильяма Морриса, Сиднея Вебба, Х. В. Гайндман и др.]. Сост. С. Веббом / пер. с нем. изд. [и предисл.] д-ра Г[анс] [Курелла]. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. 232 с.
- ⁶⁵ См.: Джордж Г., Гайндман Х. В. Единый налог или социализм для блага народа / пер. с англ. Бакша ; под ред. В. В. Битнера. СПб. : «Вестн. знания» (В. В. Битнера), 1910. 32 с.
- ⁶⁶ Русское богатство. 1898. № 11. С. 89.
- ⁶⁷ Вебб С. Предисловие // Социализм в Англии : Сборник статей английских социалистов [Вильяма Морриса, Сиднея Вебба, Х. В. Гайндман и др.]. Сост. С. Веббом / пер. с нем. изд. [и предисл.] д-ра Г[анс] [Курелла]. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. С. 7.
- ⁶⁸ Л. Б. Рецензия на книгу : Социализм в Англии // Образование. 1907. № 7. С. 139.
- ⁶⁹ См.: Сиротский Ф. Н. Рецензия на книгу : Социализм в Англии // Современный мир. 1907. № 4. С. 88.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ См.: Дерюжинский В. Ф. Призрение бедных в Англии // Трудовая помощь. Февраль 1906 ; Дерюжинский В. Ф. Призрение бедных в Англии. СПб. : Гос. тип., 1906. 49 с.
- ⁷² См.: Гаген В. А. Право бедного на призрение. Т. 1. История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии. СПб. : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1907. С. 397–587.
- ⁷³ См.: Гаген В. А. Западноевропейский бедняк. Варшава : Тип. Варш. учебн. округа, 1912. 736 с.

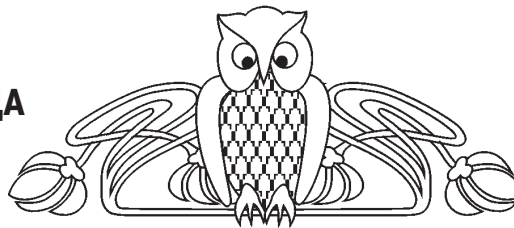

УДК 94(415)

НА ПОРОГЕ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ: АНГЛО-ИРЛАНДСКИЙ ДОГОВОР 1921 ГОДА

С. В. Акимов

Самарский государственный университет
E-mail: s.v.akimov87@gmail.com

В статье рассматриваются события, предшествовавшие подписанию Англо-ирландского договора 1921 г. Особый акцент сделан на анализе переписки премьер-министра Великобритании Дэвида Ллойда Джорджа и президента непризнанной республики Ирландии Имона Де Валеры. Анализ документов демонстрирует целый спектр противоречий как внутри правительства Великобритании, так и среди ирландских националистов.

Ключевые слова: Южная Ирландия, республиканская партия «Шинн Фейн», мирная конференция в Лондоне 1921 г., Англо-ирландский договор 1921 г.

On the Threshold of the Peace Conference: English-Irish Treaty of 1921

S. V. Akimov

The article deals with the events preceding the signing of the Anglo-Irish Treaty in 1921. Particular emphasis is placed on the analysis of correspondence between the British Prime Minister David Lloyd George and President of the unrecognized Republic of Ireland, Eamon De Valera. Analysis of the documents shows a spectrum of conflicts both within the UK government, and among Irish nationalists.

Key words: Southern Ireland, republican party Shin-Fain, Peace Conference in London of 1921, English-Irish Treaty of 1921.

В начале декабря 2011 г. Ирландская республика праздновала одну из важнейших дат своей истории, а именно 90-летний юбилей подписания Англо-ирландского договора, по которому 26 графств, традиционно объединенных под названием Южная Ирландия, получили статус доминиона. Юбилейные даты, как правило, всегда вызывают некоторый ажиотаж как среди населения, так и в научной среде. К юбилейным торжествам вновь открыли общий доступ в сети Интернет к архивным материалам по событиям 1919–1921 гг., а также создали новые ресурсы, на которых были выложены оцифрованные материалы из ведущих архивов Ирландской республики, посвященные событиям лета – начало зимы 1921 г. Опубликование новых данных заставляет вновь обратиться к теме подписания Англо-ирландского договора 1921 г.

В советской историографии вооруженный конфликт Ирландии и Великобритании трактовался как яркий пример антиимпериалистической борьбы ирландского народа, проходившей под влиянием Октябрьской революции в России¹. В современной отечественной исторической науке крайне мало исследований, посвященных англо-ирландскому противостоянию. В британской и

ирландской историографии подход к изучению ирландского вопроса в политике Великобритании определяется, во-первых, идеологической ориентацией исследователей, во-вторых, отношением исследователей к проблеме национализма².

В настоящее время с развитием средств коммуникации становится возможным использование документов, хранящихся в архивах Ирландии, по интересующей нас проблеме. Имеющиеся в распоряжении документы, а именно переписка премьер-министра Великобритании Ллойда Джорджа и президента непризнанной Ирландской республики Имона Де Валеры³, а также стенограмма мирных переговоров⁴, позволяющая проанализировать подготовку и ход мирных переговоров, результатом которых стало подписание Англо-ирландского договора 1921 г.

Опубликованные в последние годы архивные данные позволяют проследить и проанализировать острые противоречия сторон при подготовке нескольких мирных конференций, а также «гибкость» позиций правительства Великобритании и представителей Южной Ирландии.

В январе 1919 г. в Дублине ирландские республиканцы, набравшие большинство голосов в ирландской партии на всеобщих выборах в имперский парламент, приняли декларацию о независимости Ирландии. Это послужило причиной англо-ирландского вооруженного противостояния 1919–1921 гг., которое имело характер партизанской войны. К лету 1921 г. обеим сторонам становится понятно, что эта затянувшаяся война не приносит политических дивидендов ни одной из сторон, каждая из которых стремится начать переговоры. Результатом переговоров должен был стать договор, который положил бы конец многовековому противостоянию ирландских националистов и Великобритании.

В британской и ирландской историографии нет единого мнения о том, кому принадлежала инициатива начала мирных переговоров, Часть исследователей считает, что его инициировал Георг V⁵, поскольку прологом для начала мирных переговоров стала речь короля Соединенного Королевства в Белфасте 22 июня 1921 г. на открытии первой сессии парламента Северной Ирландии⁶. Безусловно, эта речь стала сигналом не только правительству, но и ирландским националистам о стремлении Англии положить конец кровопролитию в Южной Ирландии.

В своей речи король призывал ирландцев «протянуть друг другу руки, простить и забыть, объединиться, ради того чтобы на их любимой родине воцарился мир, согласие и добрая воля... От всего сердца я молю Бога, чтобы мой сегодняшний приезд в Ирландию стал первым шагом на пути к прекращению вражды между населяющими ее людьми, к какой бы расе или религии они не принадлежали»⁷.

Георг V высказывал надежду, что вскоре по примеру Северной Ирландии в оставшихся 26 графствах Южной Ирландии также будет создан парламент.

Представители другого направления британской и ирландской историографии считают, что инициатива мирного урегулирования англо-ирландского конфликта принадлежит премьер-министру либералу Ллойд Джорджу⁸, так как речь короля была написана его личным секретарем⁹ и не вызывает сомнения, что Ллойд Джордж был прекрасно осведомлен о ее содержании. Учитывая эти обстоятельства, можно считать, что инициатива исходила в равной степени от короля и его правительства.

Мирным конференциям предшествовала обширная переписка между британским правительством, лидером Ольстера Джеймсом Крейгом и непризнанным президентом Южной Ирландии Имоном Де Валерой, которая на данный момент имеется в полном объеме в нашем распоряжении¹⁰. При анализе этой переписки вскрываются основные противоречия участвовавших в ней сторон, и именно эти противоречия и вызывают наибольший интерес.

После открытия парламента Северной Ирландии 24 июня 1921 г. премьер-министр Великобритании направил письмо президенту непризнанной Ирландской республики Имону Де Валера с приглашением на мирную конференцию¹¹. Ллойд Джордж выдвинул только два условия: во-первых, на конференции должен присутствовать премьер-министр Северной Ирландии Джеймс Крейг для максимального изучения возможностей урегулирования конфликта, во-вторых, Имон Де Валера вправе взять с собой любых других представителей Ирландии, которым Великобритания предоставит гарантии безопасности. Аналогичное письмо было направлено в правительство Ольстера.

Имон де Валера ответил премьер-министру Великобритании 28 июня: «Мы искренне желаем содействовать установлению прочного мира между народами двух островов, но не видим возможности, с помощью которых оно может быть достигнуто, если вы отрицаете единство Ирландии и принцип национального самоопределения. Прежде чем ответить более полно на Ваше письмо, я прошу дать мне время для проведения совещания с некоторыми представителями политических меньшинств»¹². В письме излагается позиция президента непризнанной Ирландии о необходимости участия в переговорах единого

представителя от всего Ирландского острова, который должен был бы выражать волю большинства ирландской нации. Имон Де Валера не признавал правительства Северной Ирландии, и когда он просил времени для проведения совещания с политическим меньшинством Ирландии, то имел в виду именно протестантов Ольстера, поскольку в тот же день отправил письмо Джеймсу Крейгу, который в ответном письме от 29 июня 1921 г. написал о том, что для него неприемлемы какие-либо встречи с представителями ирландских националистов и что он уже принял приглашение Ллойда Джорджа¹³.

В период с 4 по 8 июля в Дублине проходило совещание между политическим большинством и меньшинством, на котором выработывалась позиция ирландской делегации и корректировались политические разногласия¹⁴. Имон Де Валера писал в письме к Джеймсу Крейгу: «Ирландские делегации не должны быть разобщены, а должны действовать как единое целое на некоторых общих принципах»¹⁵. Позиция Имона Де Валеры заключалась в следующем: в переговорах должна участвовать объединенная делегация ирландского народа, это предотвратит разделение Ирландии на две административные единицы.

Результатом совещания стало официальное заявление, в котором говорилось, что невозможно будет вести переговоры с какой-либо надеждой на достижение удовлетворительных результатов, если не будет прекращено кровопролитие в Ирландии¹⁶. После этого заявления в Ирландии объявляется о перемирии и прекращаются активные боевые действия. Мирные переговоры начались не с перемирия, а с выдвигания условий возможного мирного процесса, и кровопролитие было остановлено только спустя несколько недель после начала предварительных консультаций по вопросу о мирном урегулировании вооруженного конфликта.

После соглашения о перемирии Имон Де Валера соглашается приехать в Лондон для участия в мирной конференции, которая была назначена на вторую половину июля 1921 г. Четыре встречи (14, 15, 18 и 21 июля) проходили в резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит, 10.

За день до последней встречи, 20 июля, участникам конференции были предоставлены «Предложения правительства Великобритании для ирландского урегулирования», в которых ирландцам предлагалось самоуправление на основах доминиона, в том числе автономия в области финансов, налогового обложения, полиции и вооруженных сил. Предложение сопровождалось шестью условиями. Четыре из них касались морских и военных вопросов, суть которых заключалась в том, что Великобритания намерена использовать как морские порты и пути, так и воздушное пространство Ирландии для осуществления связей с Северной Америкой. Одно условие требовало запрещения покровительственных пошлин при

торговле между обоими островами, а последнее заключалось в том, что Ирландия должна принять на себя определенную долю общенационального долга¹⁷.

Имон Де Валера отверг весь документ, поскольку был не согласен с главной его частью, а именно со статусом доминиона в составе Британии, и провозгласил принцип полной независимости, отвергнув всякое подчинение британской короне. В ответ на это Ллойд Джордж заявил, что правительство Великобритании не может обсуждать плана, который основывается на принципе отказа Ирландии от свободного и равноправного участия в Британском содружестве народов, подчиненном единому монарху.

В процессе переговоров сложилась патовая ситуация: с одной стороны, правительство Великобритании на могло предоставить Южной Ирландии независимости, так как при всем желании либералов подобный договор не получил бы поддержки в имперском парламенте, где большинство было у юнианистов, и правительству пришлось бы уйти в отставку из-за сложившегося бы тогда кризиса коалиционного правительства¹⁸. С другой стороны, Имон Де Валера не мог принять статуса доминиона для Южной Ирландии, поскольку неоднократно заявлял, что Ирландия является независимым государством.

Уинстон Черчилль, глава военного министерства, считал, что у Великобритании есть только два пути выхода из сложившейся ситуации: или вновь пригласить президента Ирландской республики на конференцию, или вместе с ним пригласить других ирландских представителей, которые могли бы повлиять на принятие решения¹⁹. Необходимо подчеркнуть, что в среде ирландских республиканцев начинала складываться открытая оппозиция президенту Ирландии по вопросу о возможности заключения мирного соглашения на условиях широкой автономии. Данная идея получила поддержку во все более широких политических кругах. В правительстве Великобритании не обсуждался вопрос о том, что какая-либо часть Ирландского острова получит статус независимого государства.

Следующая попытка начать конструктивные мирные переговоры датируется началом сентября 1921 г., когда президенту Ирландии было направлено еще одно приглашение на конференцию для выяснения вопроса о том, «каким образом связь Ирландии с сообществом наций, известным под именем Британской империи, можно лучше всего примирить с национальными ирландскими стремлениями»²⁰. Предлагалось 20 сентября провести конференцию в Инвернесе. В этом приглашении содержалось только одно условие – Ирландия останется частью Британской империи. 12 сентября Ллойд Джордж получил письмо от Имона Де Валеры следующего содержания: «Наша нация формально провозгласила свою независимость и признает себя суверенным государством. Лишь в

качестве представителей этого государства и его избранных руководителей мы можем действовать от имени нашего народа»²¹. Естественно, после подобного ответа Ллойд Джордж был вынужден отказаться от проведения конференции.

Том Боден в своем исследовании «Ирландское подполье и война за независимость»²² описывает, что за крепко закрытыми дверями национального собрания Ирландии, почти непрерывно заседавшего в Дублине, и на совещаниях республиканской партии «Шинн Фейн» намечалось определенное и решительное движение против занятой Де Валерой позиции. Артур Гриффит, руководитель республиканской партии «Шинн Фейн», представители которой имели весомое преимущество в непризнанном парламенте Южной Ирландии, и Майкл Коллинз, руководитель Ирландской республиканской армии, были, пожалуй, самыми яркими сторонниками проведения мирной конференции и заключения мира на условиях доминиона.

Учитывая сложившуюся внутривнутриполитическую ситуацию в Южной Ирландии, в последующих письмах, адресованных премьер-министру Великобритании, Де Валера избрал гораздо более примирительный тон. Он разъяснял, что он и его друзья вовсе не хотели связывать британское правительство какими бы то ни было предварительными условиями²³. Де Валера высказывал надежду, что договор между Великобританией и Ирландией навсегда положит конец спорам и даст обеим нациям возможность идти своим собственным путем и в то же время дружественно работать сообща в вопросах, касающихся их обеих. Он также спрашивал, считает ли британское правительство отказ партии «Шинн Фейн» от их принципиальной позиции непременным предварительным условием мирного процесса или Ллойд Джордж согласен начать конференцию без всяких предварительных условий, связывающих обе стороны²⁴.

Данное письмо имеет исключительную важность, поскольку в нем впервые предложение о проведении конференции исходит от ирландской стороны и характеризует изменение позиции Де Валеры под давлением внутренней оппозиции. В этом письме президент Де Валера перекладывает всю ответственность за срыв переговоров на республиканскую партию «Шинн Фейн» и ее лидера Артура Гриффита, тем самым заранее негативно настроивая Ллойда Джорджа по отношению к тому, с кем он вскоре встретится на мирных переговорах.

21 сентября 1921 г. состоялось заседание кабинета министров Великобритании, на котором обсуждался ирландский вопрос и было составлено очередное пригласительное письмо на мирную конференцию²⁵. Планировалось созвать 11 октября в Лондоне конференцию, на которой переговоры проходили бы в расширенном составе.

Приглашение было принято ирландской стороной, и 11 октября встреча состоялась. В

британскую делегацию входили Ллойд Джордж, Остин Чемберлен, лорд Биркенхед, сэр Лемминг Вортингтон-Эванс, сэр Гамар Гринвуд и Уинстон Черчилль, в составе ирландской делегации были Артур Гриффит, Майкл Коллинз, Гаван Деффи, Бартон и Дуган.

Весьма примечательным является тот факт, что президент непризнанной Ирландской республики отказался приезжать в Лондон. Решение Де Валеры было продиктовано нежеланием взять на себя ответственность за подписание мирного договора и тем самым лишиться возможности политического маневра в будущем.

На этой стадии мирного процесса многое зависело от позиции отдельных представителей британской делегации. Либералам и сторонникам гомруля было легко поддержать предоставление Ирландии самого широкого самоуправления, но представителям юнионистской партии, вся политическая карьера которых была связана с борьбой против гомруля, приходилось решить неприятную и весьма рискованную с политической точки зрения задачу. Главная ответственность в сложившейся ситуации лежала на плечах Остина Чемберлена – лидера юнионистской партии, которая после выборов 1918 г. имела большинство в парламенте.

Была важна позиция лорда Биркенхеда, занимавшего на тот момент пост канцлера казначейства. За все время своей деятельности Биркенхед энергично и последовательно противился введению самоуправления в Ирландии. Он был тесно связан с сэром Эдуардом Карсоном, некогда лидером ирландских протестантов, и они не отступили перед угрозой гражданской войны в Ирландии в 1914 г., когда в силу должен был вступить акт о самоуправлении Ирландии 1912 г. Сопrotивление намеченному проекту разрешения ирландского вопроса никому другому не принесло бы столь большой личной выгоды, как лорду Биркенхеду, а поддержка этого шага ни на ком другом не отразилась бы так тяжело, как на нем. Тем не менее вопреки своим прошлым традициям и интересам своей будущей карьеры он оказался самым решительным сторонником гомруля – наиболее решительным из всех консерваторов. В этот критический момент независимость и бесстрашие лидера юнионистской партии Остина Чемберлена сыграли немалую историческую роль.

В течение нескольких недель обе стороны держались на строго официальной ноте. Обсуждение вопросов затруднялось не только тем, что приходилось касаться неясных и малоопределенных пунктов, но и тем, что сплошь и рядом всплывали запутанные детали, грозившие сорвать весь ход переговоров.

Открытые и закрытые заседания в рамках мирной конференции продолжались два месяца. Каждый дальнейший шаг сопровождался усилением внутренней борьбы в консервативной партии и бурными сценами в ирландском национальном собрании²⁶.

Переговоры продолжались уже больше полумесяца, но подписание мирного соглашения в ближайшее время не предвиделось. Британская делегация постепенно выходила из себя. Как сообщает в своих воспоминаниях Черчилль, «в первых числах ноября желание подать в отставку было столь сильным, что ни на один день нельзя было поручиться за существование кабинета. Тем не менее среди либеральных членов британской делегации существовала точка зрения, что необходимо довести дело до конца и не отступить до тех пор, пока правительство не отстранят от власти или пока не будет достигнуто соглашение с ирландской делегацией или пока не возобновятся военные действия в Южной Ирландии»²⁷.

Ответственность за подобное затягивание переговоров Черчилль возлагал исключительно на ирландскую делегацию. Дело в том, что ирландские делегаты каждый день отправляли корреспонденцию в Дублин, где Ирландский национальный совет обсуждал каждое предложение британской стороны²⁸. По большому счету, именно нерешительностью ирландских делегатов, которые не имели полномочий подписывать какие-либо соглашения без согласования с Ирландским национальным советом, можно объяснить затягивание переговоров.

5 декабря 1921 г. премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж предъявил ирландским делегатам ультиматум: «Мы не можем делать дальнейших уступок и не будем продолжать дальнейшего обсуждения. Вы должны решить вопрос немедленно и либо подписать соглашение о заключении договора в той форме, которую вы получили, или уехать обратно. В случае неподписания соглашения обе стороны могут снова приступить к активным военным действиям»²⁹.

В ответ на полученный ультиматум лидер ирландской делегации Артур Гриффит заявил: «В девять часов вечера я передам ответ ирландских делегатов; что касается меня лично, г-н премьер-министр, то я подпишу это соглашение и буду рекомендовать сделать то же самое моим соотечественникам». Ллойд Джордж переспросил: «Должен ли я вас понять в том смысле, что вы подпишете соглашение даже в том случае, если все прочие ирландские делегаты откажутся это сделать?». «Да, именно так, г-н премьер-министр», – отвечал глава республиканской партии Ирландии³⁰.

Ирландская делегация покинула зал заседаний и вернулась за полночь. Артур Гриффит заявил: «Г-н премьер-министр, ирландская делегация готова подписать соглашение, но остается несколько деталей, о которых следовало бы, по моему мнению, мне теперь упомянуть»³¹.

Подписанное соглашение предусматривало, что Ирландия должна иметь тот же самый конституционный статус, как и доминионы (Канада, Содружество Австралии, Новая Зеландия, Союз Южной Африки), с парламентом, имеющим

полномочия принимать законы, назначать правительство Ирландии и руководителя, ответственного перед этим парламентом. Государство должно именоваться Ирландское Свободное государство³².

Анализ переписки вскрыл целый спектр противоречий. С одной стороны, это традиционные для англо-ирландских отношений недоверие и взаимная неприязнь. С другой стороны, подготовка к мирным конференциям выявила противоречия внутри кабинета министров Великобритании, которые премьер-министр Ллойд Джордж сумел преодолеть для установления мира на Ирландском острове.

В итоге можно сказать, что позиция ирландских националистов оказалась более «гибкой» во многом благодаря личной позиции создателя и лидера республиканской партии «Шинн Фейн», в то время как позиция либерала Ллойд Джорджа оказалась негибкой с самого начала переговоров.

Примечания

- 1 См.: Сапрыкин Ю. С. История Ирландии. М., 1980 ; Крылов Л. С., Осипова Т. С. Ирландцы против британских колонизаторов // Вопросы истории. М., 1981. № 5. С. 01–111 ; Крылов Л. С. В огне ирландских восстаний // Вопросы истории. М., 1971. № 12. С. 200–204 ; Зимулина Л. А. Ирландская республиканская армия // Вопросы истории. М., 1973. № 8. С. 103–108.
- 2 См.: Delaney E. Irish in Post war Britain. Oxford, 2007 ; Boyse G. Nationalism in Ireland. N. Y., 2004 ; Howe S. Ireland and Empire. Oxford, 2005 ; Hart P. The Social Structure of the Irish Republican Army 1916–1923 // The Historical Journal. 1999. Vol. 42, № 1. P. 207–231.
- 3 Documents on Irish Foreign Policy : in 6 vols. Dublin, 1998. Vol. I. 1919–1922. URL: http://www.difp.ie/documents/volume1/vol1_1921.pdf (дата обращения: 14 декабря 2009 г.).
- 4 Ibidem.
- 5 Darby J. Northern Ireland : The background to the Peace Process. URL : <http://www.cain.ac.uk> (дата обращения: 10 октября 2010 г.).
- 6 См.: Кеннет Р. Король Георг V. М., 2005. С. 135.
- 7 Там же. С. 139.
- 8 См.: Гривз Д. Ирландский кризис. М., 1974 ; Джексон Т. А. Борьба Ирландии за независимость. М., 1949.
- 9 См.: Кеннет Р. Указ. соч. С. 137.
- 10 Official Correspondence relating to the Peace Negotiations June–September, 1921 (Eamon de Valera and David Lloyd George). URL : <http://www.nli.ie/documents/officialcorrespondencerelatingtothepeacenegotiationsjune-september,1921> (eamondevaleraanddavidlloydgeorge.pdf (дата обращения: 14 декабря 2009 г.).
- 11 Ibidem.
- 12 Ibidem.
- 13 Ibidem.
- 14 Dáil Éireann Cabinet minutes (1919–1922). URL: <http://www.treaty.nationalarchives.ie> (дата обращения: 7 марта 2011 г.).
- 15 Official Correspondence relating to the Peace Negotiations June–September, 1921 (Eamon de Valera and David Lloyd George).
- 16 Dáil Éireann Cabinet minutes (1919–1922).
- 17 Documents on Irish Foreign Policy.
- 18 См.: Kevin K. Ireland and the British Empire. Oxford, 2006. P. 113.
- 19 См.: Черчилль У. Мировой Кризис : 1918–1925. М., 2007. С. 196.
- 20 Official Correspondence relating to the Peace Negotiations June–September, 1921 (Eamon de Valera and David Lloyd George).
- 21 Ibidem.
- 22 Bowden T. The Irish Underground and the War of Independence 1919–21 // J. of Contemporary History. 1973. Vol. 8. № 2. P. 14.
- 23 Official Correspondence relating to the Peace Negotiations June–September, 1921 (Eamon de Valera and David Lloyd George).
- 24 Ibidem.
- 25 См.: Darby J. Op. cit. P. 67.
- 26 См.: Hart P. Op. cit. P. 30.
- 27 См.: Черчилль У. Мировой кризис : пер. с англ. ; с предисл. И. Минца. М. ; Л., 1932. С. 190.
- 28 Dáil Éireann Cabinet minutes (1919–1922).
- 29 Official Correspondence relating to the Peace Negotiations June–September, 1921 (Eamon de Valera and David Lloyd George).
- 30 Ibidem.
- 31 Documents on Irish Foreign Policy.
- 32 Final text of the Articles of Agreement for a Treaty between Great Britain and Ireland as signed. URL : http://www.difp.ie/documents/volume1/vol1_1921.pdf (дата обращения: 14 декабря 2009 г.).

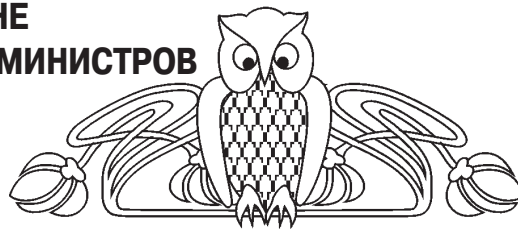

УДК [94(4)“1919/1939”:94(420)“1936/1939”]

БРИТАНСКАЯ АРМИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННЫХ МИНИСТРОВ А. ДАФФА КУПЕРА И Л. ХОР-БЕЛИША

А. В. Ражев

Южно-Уральский государственный институт искусств
E-mail: guibert@mail.ru

В статье рассматривается деятельность военных министров Великобритании Альфреда Даффа Купера и Лесли Хор-Белиша по отдельным вопросам модернизации британских сухопутных сил в период 1936–1939 гг. Работа построена в основном на архивных материалах – меморандумах и стенограммах британского кабинета министров, доступных на официальном сайте Национального архива Великобритании.

Ключевые слова: история Великобритании, межвоенный период, британская армия, континентальная стратегия, Вторая мировая война.

The British Army in 1930s: Activity of Secretaries of State for War A. Duff Cooper and L. Hore-Belisha

A. V. Razhev

The article reviews the activities of Secretaries of State for War of Great Britain, Alfred Duff Cooper and Leslie Hore-Belisha on specific issues of modernization of British land forces during the period of 1936–1939. The work is based mainly on archival material: memoranda and conclusions of the British Cabinet, which are available on the official site of the National Archives of Great Britain.

Key words: history of Britain, interwar period, british army, continental strategy, World War II.

По издавна сложившейся традиции руководители военных ведомств Великобритании являются гражданскими лицами, представителями парламента от правящей партии. В этом, согласно С. Хантингтону, проявляется один из принципов демократического устройства: военные отстранены от управления государством, а сами оборонные ведомства подчинены политическому руководству страны¹. В задачи военных министров, которые зачастую слабо представляют себе специфику и механизм функционирования военных министерств², входит административно-политический контроль и представление военных в парламенте. В остальном армейское руководство сохраняет известную долю самостоятельности.

Альфред Дафф Купер (1890–1954), занимавший пост военного министра в 1935–1937 гг., во многом следовал традиции невмешательства в специфическую деятельность военного ведомства, стремился избегать конфликтов с генералитетом. Этому способствовало его основательное знакомство с «самым консервативным и могущественным профсоюзом»³ в 1931–1934 гг., когда он состоял на должности финансового секретаря ми-

нистерства. В ноябре 1935 г. Дафф Купер оказался вполне подходящим кандидатурой для замены лорда Галифакса на посту военного министра. С началом активной стадии перевооружения главе кабинета С. Болдуину потребовался опытный администратор, имеющий навыки умеренного реформатора. Однако не все в кабинете остались довольны выбором премьер-министра. Министр финансов Невилл Чемберлен, самый влиятельный человек в правительстве после премьер-министра в 1930-х гг.⁴, выражал определенное беспокойство. Он знал Даффа Купера, служившего финансовым секретарем казначейства в 1934–1935 гг., и понимал, что новый глава военного ведомства будет упорно отстаивать интересы армии, «не страшась обрушить на себя негодование кабинета»⁵. Канцлер опасался, что привнесение хотя бы умеренной установки на модернизацию сухопутных войск в конечном счете приведет к подрыву экономического и социально-политического положения страны, вызвав угрозу падения правительства⁶.

В историографии, особенно 1950–60-х гг., относительно Даффа Купера сложился достаточно благоприятный образ реформатора. Во многом это было связано с его оппозицией чемберленовскому курсу умиротворения и близостью к фигуре У. Черчилля. Историки Р. Шей, Г. Уинтон и Д. Метс характеризуют его как твердого и решительного, но в то же время осторожного и умеренного политика, медленно двигавшегося в сторону реформ⁷. Для Даффа Купера как типичного политика в должности министра были важны не столько проблемы армии и ведомства как таковые, сколько их влияние на внутри- и внешнеполитический курс кабинета в целом. Последнее хорошо прослеживается в его мемуарах⁸.

Накалявшаяся в середине 1930-х гг. обстановка в Европе заставила британские военно-политические круги по-иному взглянуть на проблемы сухопутных сил, до того стоявших в стороне от начавшегося процесса модернизации. Уже весной 1936 г. Дафф Купер обратил внимание кабинета на снижение притока добровольцев в армию, что могло вызвать кризис всей системы комплектования⁹. В своих меморандумах министр указывал на опасность сокращения личного состава армии, отмечая возможность ослабления стратегических позиций Великобритании¹⁰. В качестве причин

министр отмечал недовольство военнослужащих низким жалованием и условиями службы, отсутствие шансов на карьерный рост или успешное трудоустройство и т. д. Главным же фактором Дафф Купер считал исчезновение стимулов, которые раньше привлекали людей в армию. С аналогичными выводами выступил в палате общин член консервативной партии Л. Эмери. По его словам, тогдашние перспективы военной службы ежегодно привлекали лишь физически и духовно неполноценных юношей¹¹.

Предложенная Даффом Купером программа для выправления ситуации стоимостью 1,9 млн ф. ст. предусматривала меры социально-экономического характера – повышение денежного довольствия, улучшение условий жизни военнослужащих, помощь в трудоустройстве и многое другое. Члены кабинета, соглашаясь с необходимостью реформ, под влиянием Чемберлена отнесли к программе Даффа Купера критически. На заседании кабинета 2 декабря 1936 г. было указано, что военное министерство не предприняло более эффективных, но менее затратных мер¹². Для решения данной проблемы был создан специальный комитет. Однако к моменту выработки решения, которое носило скорее рекомендательный характер, не являясь окончательным, Дафф Купер уже был поглощен новой проблемой.

Зимой 1936 – весной 1937 г. между Даффом Купером и Чемберленом разгорелась дискуссия по вопросу о роли армии в системе имперской обороны, а конкретно – вокруг путей дальнейшей модернизации сухопутных войск. Камнем преткновения оказалась идея экспедиционного корпуса в рамках континентальной стратегии. Если военный министр высказывался за отправку войск во Францию, то канцлер считал эту стратегию несостоятельной из-за ограниченности средств и особенностей имперской геополитики¹³. Определяя приоритеты в распределении средств, Чемберлен отдавал предпочтение авиации и флоту, а не строительству сильной полевой армии. Даффа Купера поддержали секретарь имперского комитета обороны М. Хэнки, а также ряд членов кабинета, отмечавших, что авиация не в состоянии полностью заменить полевую армию.

В декабре 1936 г. Дафф Купер, характеризуя ситуацию с сухопутными силами как неудовлетворительную¹⁴, предложил ускорить процесс модернизации. К 1939 г. планировалось иметь в целом подготовленную полевую армию, для чего требовалось перевооружение территориальных войск¹⁵. Последнее предложение вызвало особое неприятие казначейства. Чемберлен, условно принимая вариант с отправкой небольших экспедиционных сил, категорически отрицал необходимость перевооружения территориальной армии. При содействии министра координации обороны Т. Инскипа Чемберлен и Дафф Купер пришли к компромиссу. Стороны согласились на модернизацию пяти регулярных дивизий и двух

дивизий ПВО, а территориальные дивизии получали современное вооружение, рассчитанное на укомплектование двух дивизий в случае войны¹⁶.

Но уже в апреле 1937 г., после того как военное министерство выполнило расчет своих затрат на перевооружение, соглашение было нарушено. Дафф Купер предлагал завершить переоснащение регулярной армии и частей ПВО в течение следующих трех лет, потратив на эти цели 204,6 млн ф. ст. Для территориальной армии предлагалось закупить вооружение на сумму 9,3 млн ф. ст. с аналогичными сроками выполнения¹⁷. Казначейство неохотно, но принимало такие расчеты. Однако под давлением Генштаба военный министр запросил дополнительно 43,4 млн ф. ст. на оснащение четырех территориальных дивизий, являвшихся резервом полевой армии к четвертому месяцу войны. Это вызвало новую волну докладных записок и меморандумов. В целом к маю 1937 г. стало ясно, что дискуссия зашла в тупик. Дафф Купер считал необходимым укрепить армию в ее тогдашнем виде и в соответствии с ее задачами, так как в противном случае ее содержание рассматривалось как напрасная трата ресурсов¹⁸. Чемберлен высказывался за ограничение участия в новой войне силами авиации и флота, а также экономической поддержкой союзников¹⁹.

Смена 28 мая 1937 г. главы правительства повлекла за собой неизбежные перестановки в составе кабинета. Став премьер-министром, Чемберлен передвинул Даффа Купера на должность первого лорда Адмиралтейства, где энергия этого беспокойного министра была более уместной. Возглавить военное министерство Чемберлен предложил молодому и энергичному министру транспорта Лесли Хор-Белиша. Выбор, вызвавший многочисленный толчок, был не случайным. Еще со времен службы финансовым секретарем казначейства в 1932–1934 гг. Хор-Белиша считался человеком Чемберлена, а его принадлежность к национал-либералам делала его еще более зависимым от премьер-министра. К тому же он обладал репутацией успешного реформатора благодаря своим преобразованиям на посту министра транспорта. Хор-Белиша казался именно тем, кто готов активно взяться за реализацию взглядов нового премьера на армию, и в первую очередь на ее роль и принципы развития, основанные на концепции «ограниченных функций» армии. Для этого Чемберлену как раз и требовался решительный и энергичный человек, подходящий для «встряски» высшего армейского руководства, чьи «упорство и приверженность старым методам» казались Чемберлену «немыслимыми»²⁰.

Современники указывали на импульсивность Хор-Белиша, его амбициозность, нередко пренебрежение советами и безответственность в решениях. Отмечали также его бесцеремонность по отношению к генералитету, и в частности к инертному Генеральному штабу, который ему и надлежало «расшевелить»²¹. В оценках историков

Р. Уилкинсона, Б. Бонда и П. Денниса Хор-Белиша поставлен на один уровень с выдающимися реформаторами британской армии Э. Кардвелом и Р. Холдейном²². Однако Г. Уинтон и Н. Смарт утверждают, что политика Хор-Белиша была лишь отражением тех проблем, которые стояли перед армией, но не их решением²³. С последними согласен и Роберт Шей, который считает, что Хор-Белиша оказался неэффективным защитником интересов армии²⁴.

Ко времени назначения нового министра некомплект личного состава достиг уже 23,760 чел. в регулярных и 46,641 чел. в территориальных войсках²⁵. Выясняя причины и обдумывая меры привлечения добровольцев, министр говорил членам Военного совета о необходимости изменения условий, на которых потенциальные военнослужащие согласились бы строить свою карьеру²⁶. Уже 10 августа 1937 г. на заседании Военного совета, куда впервые была приглашена пресса, Хор-Белиша огласил план своей первой реформы. Подразумевались следующие возможности: продление контракта военнослужащим по истечении 7-летнего срока действительной службы; возвращение резервистов на службу по истечении 5-летнего срока пребывания в запасе; право на пенсию по истечении 21 года службы²⁷. О результативности этих мер говорит тот факт, что уже к 25 августа 1937 г. на действительную службу вернулось более 5000 резервистов. Удалось пересмотреть вопрос с трудоустройством. Солдаты не желали идти в центры переподготовки министерства труда по финансовым и психологическим причинам, так как в этом случае они лишались солдатского жалования и получали униженный статус безработных²⁸. Хор-Белиша предложил сохранить для демобилизованных солдат в центрах подготовки министерства труда статус военнослужащих с получением обычного жалования и пособий, а для поступающих в армейские центры продлевать при необходимости срок службы на время обучения и т. д. Эти действия военного министра дали свои результаты. В подготовленном 10 февраля 1938 г. меморандуме Хор-Белиша отметил рост числа новобранцев²⁹. В целом за период с августа 1937 г. по февраль 1938 г. приток рекрутов увеличился на 33% по сравнению с аналогичным периодом в 1936–1937 гг.³⁰ В дальнейшем были изменены сроки действительной службы, условия приема на военную службу, повышено солдатское жалование и пособия и т. д. Отмечая результаты своей деятельности, Хор-Белиша заявил весной 1939 г., что «набор в территориальную армию за последние два месяца равен результатам последних двух лет. А приток добровольцев в регулярные войска побил все рекорды для армии мирного времени»³¹. Однако окончательно решить проблему не удалось.

Относительно вопроса о роли сухопутных сил в стратегии вооруженных сил Великобритании Хор-Белиша принял взгляды Чемберлена. После посещения Франции военный министр

считал, что британская армия должна быть организована на принципах обороны империи и страны (гарнизонная служба, ПВО и береговая оборона), отказываясь от идеи отправки армии на континент³². Для такой индустриальной державы как Великобритания, считал Хор-Белиша, являлось ошибкой привлекать в армию больше людей, чем требовалось для нужд обороны. Более верным решением было бы создание небольшой механизированной армии, однако в подготовке не должны были превалировать континентальные задачи. Здесь министр столкнулся с оппозицией армейских кругов, полагавших, что Великобритании придется отправить войска во Францию для защиты подступов к британским островам. В результате сложившейся конфликтной обстановки Хор-Белиша пришлось пойти на риск крупных кадровых перестановок, заменив в декабре 1937 г. начальника Генштаба и других членов Военного совета³³. Окончательно новая доктрина «ограниченных функций» армии была утверждена на заседании кабинета 22 марта 1938 г.³⁴ Как отмечал Р. Шей, на этом заседании, «выбирая между финансами и обороной, правительство под воздействием премьер-министра выбрало первое»³⁵.

Однако уже к концу 1938 г. под влиянием ухудшавшейся международной ситуации в Европе наметились существенные перемены во взглядах Хор-Белиша. В декабре 1938 г. Имперский комитет обороны получил от военного министра меморандум, в котором рекомендовалось увеличить финансирование армии на 81 млн ф. ст. – сумму, сравнимую со всеми расходами военного министерства в 1937 г. Эти средства планировалось направить на реорганизацию мобильной дивизии, переоснащение регулярных частей в соответствии с условиями современной войны, создание двух дивизий для полицейских функций в колониях, подготовку резервов для полевой армии, а также полное оснащение передовых частей территориальной армии³⁶. 27 января 1939 г. Хор-Белиша направил кабинету новый меморандум о роли армии, который означал отказ от доктрины «ограниченных функций» и возврат к континентальной стратегии британской армии. Уже в феврале 1939 г. Чемберлен согласился с требованиями военного министра. Он принял решение направить 60 млн ф. ст. на организацию экспедиционного корпуса из шести регулярных и четырех территориальных дивизий. А уже в марте 1939 г., после оккупации немецкими войсками Чехословакии, речь зашла о 32 дивизиях. Для реализации этих мер премьер-министр в марте 1939 г. уступил требованиям Хор-Белиша о создании министерства снабжения для обеспечения мобилизации армии. А 27 апреля согласился на введение частичной воинской повинности.

В результате военным министрам А. Даффу Куперу и Л. Хор-Белиша во второй половине 1930-х гг. удалось обратить внимание кабинета на нужды сухопутных сил. Был сохранен добровольческий принцип комплектования, армия удержалась от

трансформации в «имперского жандарма», ускорился процесс модернизации в соответствии с современным характером войны. Однако в надвигающейся войне этого было явно недостаточно. Опыт войны 1914–1918 гг. показал, что ограничиться небольшими сухопутными силами невозможно. Требовалось создание массовой армии на основе всеобщей воинской повинности, что и было заложено двумя министрами. Многие же меры социально-бытового характера были реализованы в послевоенное время, сформировав во многом современный облик британских сухопутных сил.

Примечания

- 1 См.: *Huntington S. P. Armed Forces and Democracy : Reforming Civil-Military Relations // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 4. P. 9–17.*
- 2 Это заметно и по воспоминаниям самих министров и их современников. См.: *Duff Cooper A. Old Man Forget. L., 1953. P. 194 ; Minney R. J. The Private Papers of Hore-Belisha. L., 1960. P. 40 ; Liddell Hart B. H. The memoirs of captain Liddell Hart : in 2 vols. L., 1965. Vol. 2. P. 10.*
- 3 См.: *Роуз К. Король Георг V. М., 2005. С. 324.*
- 4 См.: *Черчилль У. Вторая Мировая война : в 3 кн. М., 2010. Кн. 1. С. 43.*
- 5 *Shay R. P. British rearmament in the 1930s. Politics and profit. Princeton, 1977. P. 79.*
- 6 См.: *Pedan G. British rearmament and the treasury 1932–1939. Edinburg, 1979. P. 2.*
- 7 См.: *Winton H. R., Mets D. R. The challenge of change : military institutions and new realities, 1918–1941. Lincoln, 2000. P. 97–98.*
- 8 См.: *Duff Cooper A. Old Man Forget. L., 1953.*
- 9 См.: *Duff Cooper A. «Recruiting for the army». Memorandum by the Secretary of State for War, 2nd of April 1936. С. P. 92(36) // The National Archive. Public Record Office. CAB 24/261. Vol. 135. P. 295.*
- 10 См.: *Duff Cooper A. «Recruiting for the Army». Memorandum by the Secretary of State for War, 16th of October 1936. С. P. 322 (36) // TNA. PRO. CAB 24/265. Vol. 139. P. 212–216.*
- 11 В 1935 г. на вербовочные пункты пришло более 68 тыс. человек. Из них 31 тыс. чел. не прошла по физическим и медицинским показателям (см.: *Amyer L. S. My Political Life : in 3 vols. L., 1953. Vol. 3. P. 198.*)
- 12 С. С. 69(36)7 // TNA. PRO. CAB 23/86. Vol. 53. P. 201–203.
- 13 См.: *Chamberlain N. «The role of the British Army». Memorandum by the Chancellor of the Exchequer, 11th of December 1936. С. P. 334(36) // TNA. PRO. CAB 24/265. Vol. 139. P. 265–266.*
- 14 Вооружение устарело, ощущалась нехватка автотранспорта и бронетехники, промышленность не справлялась со снабжением, в случае войны в готовности было лишь две дивизии (см.: С. P. 325/36. *Duff Cooper A. «The Organization, Armament and Equipment of the Army». Memorandum by the Secretary of State for War», 4th of December 1936 // TNA. PRO. CAB 24/265 Vol. 139. P. 220–222).*
- 15 «The Role of the Army. The Re-equipment of the Territorial Army». Memorandum by the Secretary of State for War, 3rd of December 1936. С. P. 326(36) // TNA. PRO. CAB 24/265 Vol. 139. P. 223–224.
- 16 См.: Cabinet minutes. С. С. 5(37)14 // TNA. PRO. CAB 23/87. Vol. 54. P. 164–165.
- 17 См.: *Duff Cooper A. «The Organization, Armament and Equipment of the Army. Memorandum by the Secretary of State for War», 23rd of April 1937. С. P. 115(37) // TNA. PRO. CAB 24/269. Vol. 142. P. 138–139.*
- 18 См.: Cabinet minutes. С. С. 20(37)4 // TNA. PRO. CAB 23/88. Vol. 55. P. 181–182.
- 19 Ibid. P. 180.
- 20 *Minney R. J. Op. cit. P. 36.*
- 21 *The Ironside diaries, 1937–1940 / ed. by R. Macleod, D. Kelly. L., 1962. P. 36–37 ; Winton H. R., Mets D. R. Op. cit. P. 97–98.*
- 22 См.: *Wilkinson R. Cardwell, Haldane, Hore-Belisha – an apostolic succession? // The RUSI Journal. 1999. Vol. 144, Iss. 1. P. 63–67 ; Beckett I. F. W., Gooch J. Politicians and defense : studies in the formulation of British defense policy, 1845–1970. Manchester, 1981 ; Dennis P. Decision by default : peacetime conscription and British defense, 1919–1939. Durham, 1972 ; Smart N. British Strategy and Politics During the Phony War : Before the Balloon Went Up Studies in Military History and International Affairs. Westport, 2003.*
- 23 См.: *Winton H. R., Mets D. R. Op. cit. ; Smart N. Op. cit.*
- 24 См.: *Shay R. P. Op. cit. P. 170.*
- 25 См.: Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 15 June 1937. Vol. 325. Col. 178.
- 26 См.: *Minney R. J. Op. cit. P. 40.*
- 27 До реформы срок службы составлял 12 лет – 7 лет в действующей армии и 5 лет в резерве (см.: *Minney R. J. Op. cit. P. 43–45.*)
- 28 См.: *Hore-Belisha L. «Vocational training of soldiers». Memorandum by the Secretary of State for War, 18th of October 1937. С. P. 245(37) // TNA. PRO. CAB 24/271. Vol. 144. P. 305–306.*
- 29 См.: *Hore-Belisha L. «Recruiting for the army. Memorandum by the Secretary of State for War», 10th of February 1938. С. P. 22(38) // TNA. PRO. CAB 24/274. Vol. 147. P. 311–313.*
- 30 См.: Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 1938. 5 April. Vol. 334. Col. 202–3.
- 31 Mr. Hore-Belisha (War Minister) On National Defense. 22nd of May 1939 // British Pathe. The world's finest news and entertainment video film archive. – Available : <http://www.britishpathe.com/record.php?id=8035>. [date ate of access : 19 September 2011]. Title from the screen.
- 32 *James R. The British Revolution : British Politics 1880–1939 : in 2 vols. L., 1977. Vol. 2. P. 262.*
- 33 См.: *Minney R. J. Op. cit. P. 60–80.*
- 34 См.: Cabinet minutes. С. С. 16(38)6 // TNA. PRO. CAB 23/93. Vol. 59. P. 61–63.
- 35 *Shay R. P. Op. cit. P. 199.*
- 36 *Hore-Belisha L. «The State of Preparedness of the Army in Relation to its Role». Memorandum by Secretary of State for War., 27th of January 1939. С. P. 27(39) // TNA. PRO. CAB 24/282. Vol. 155. P. 222–223.*

УДК 94(420+4)|1992|

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И МААСТРИХТСКИЙ ДОГОВОР 1992 ГОДА

Е. А. Порецкова

Саратовский государственный университет
E-mail: pe-a@mail.ru

В статье рассматривается процесс ратификации британским парламентом Маастрихтского договора о создании Европейского союза. Особое внимание уделено роли премьер-министра Джона Мейджора в процессе разработки договора и его принятия в условиях обострившихся внутривластных отношений.

Ключевые слова: Великобритания, Джон Мейджор, европейская интеграция, национальный суверенитет, евроскептицизм.

Great Britain and the Maastricht Treaty on European Union (1992)

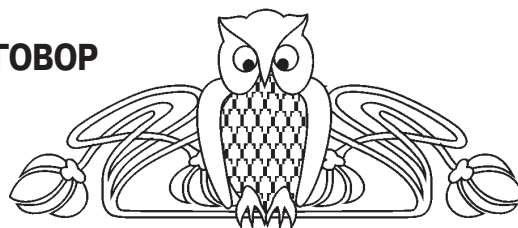
E. A. Poretskova

The article describes the ratification of Maastricht treaty on European Union by British parliament. Particular attention is paid to the role of Prime Minister John Major in the framing of a treaty and its acceptance in the context of escalated intraparty and interparty relations.

Key words: Great Britain, John Major, european integration, national sovereignty, euroscepticism.

В начале 1990-х гг. европейские страны были охвачены «еврофорией», иными словами – эйфорией от удач европейской интеграции. На этом фоне двенадцать стран Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в старинном голландском городке Маастрихт 7 февраля 1992 г. подписали Договор о создании Европейского союза (ЕС). Новое политическое образование было призвано стать преемником как Общего рынка, образованного в 1958 г., так и таможенного союза, основанного Единым европейским актом в 1987 г. Исторически же Маастрихтский договор явился новым этапом в создании расширенного экономического и политического союза стран Европы.

Пытаясь оценить результаты практического воплощения положений Маастрихтского договора, отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что он не принёс ожидаемых изменений в интеграционные процессы. ЕС не стал ни сверхгосударством, ни универсальной международной организацией. Однако существует и противоположное мнение. Как полагает российский исследователь М. Стрежнёва, Маастрихтскому договору всё же удалось сделать отношения между его участниками по-настоящему политическими, введя для этого гражданство ЕС и усилив роль Европейского парламента в принятии решений¹. Столь же высокого мнения о ситуации в ЕС до недавнего времени придерживались и другие отечественные специалисты. Они полагали, что Маастрихтскому договору всё же удалось

сбалансировать роль участников интеграционного процесса в осуществлении совместной политики². Небезынтересно, что зарубежные исследователи всегда оценивали Договор о ЕС более скептически, утверждая, что идея единой внешней политики в обозримом будущем вряд ли осуществится даже при условии принятия дополнительных протоколов и поправок³.

После подписания договора в качестве базовой основы взаимоотношений между государствами был провозглашён принцип субсидиарности. Инициатором его включения в правовую концепцию ЕС стал британский премьер-министр Джон Мейджор⁴. Он полагал, что благодаря его действию можно приостановить наметившуюся тенденцию к дальнейшей централизации стран ЕС. Исходя из такой оценки британский премьер-министр называл переговоры о создании ЕС одним из главных своих политических достижений. Используя теннисную терминологию, премьер-министр говорил, что он выиграл «гейм, сет и матч»⁵.

Однако внешнеполитический триумф Великобритании мог легко обернуться поражением, в случае если бы европейские партнёры заняли более жёсткую позицию. Однако и в самом туманном Альбионе имелись противники официального курса. К примеру, член палаты лордов лейборист Стодарт колко подметил: «Это был не “гейм, сет, матч”, а Коль, Миттеран и Делор»⁶. Впрочем, несмотря на усиливающуюся критику, Мейджор продолжал настаивать на том, что Маастрихтский договор стал успехом как для Великобритании, так и для Европы⁷.

Какие же идеи включал в себя Договор о Европейском союзе и какое значение он имел для Великобритании?

Главные перестановки, привнесённые этим документом, заключались в изменении механизма интеграции. Во-первых, в контексте его исполнения предполагалось достижение полной экономической и валютной интеграции. Во-вторых, внедрение общей социальной политики. В-третьих, сотрудничество в области межгосударственных и внутренних отношений. Таким образом, договор завершал дело предыдущих десятилетий по урегулированию политической и валютно-финансовой системы европейских государств. Для Лондона подписание Договора о ЕС открывало свободу маневрирования, поскольку из текста было исключено слово «федеральный»⁸. Такой подход

полностью закрепил для Мейджора понимание Европейского союза не как новой наднациональной организационной структуры, а как нового этапа сотрудничества европейских государств. Так, из Протокола 11 Договора о Европейском союзе следовало, что «Соединённое Королевство не может быть вынуждено или обязано переходить на третий этап экономического и валютного союза без отдельного решения правительства или парламента»⁹. Главное преимущество такой формулировки состояло в том, что Банк Англии не принимал участия в создании и деятельности Европейского центрального банка. Следует отметить, что это положение договора имело и обратную сторону. В случае если Великобритания решила бы присоединиться к экономическому союзу, она лишалась права голоса в разработке будущей структуры Центрального банка¹⁰. Подобная система отношений между отдельными европейскими государствами, заложенная по предложению англичан в основу Маастрихтского договора, была названа системой многоскоростной интеграции. Следует особо подчеркнуть, что столь жесткая и неуступчивая позиция правящей партии Великобритании обеспечивала дипломатические преимущества для ведомства министерства иностранных дел.

Несмотря на достаточно ясную позицию Д. Мейджора, в среде самих консерваторов Маастрихтский договор был воспринят неоднозначно. Бывший премьер-министр Маргарет Тэтчер отмечала: «Как видно, отношение Великобритании к европейскому проекту существенно меняется в зависимости от политики правительства и личности премьер-министра»¹¹. Она также подчёркивала: «Хотя Договор и закреплял право Великобритании отказаться от единой валюты, его подписание открывало дорогу для реализации этого сомнительного предприятия в других областях». Баронесса имела в виду создание «Комитета регионов», представлявшего собой, по её словам, «не что иное как еще одну попытку подорвать суверенитет национальных государств снизу»¹².

Предстоящая процедура ратификации Маастрихтского договора до предела обострила ситуацию внутри консервативной партии. Евроскептики получили великолепный шанс для создания новых антиевропейских движений, набирая новых членов в первую очередь из самой партии тори и её избирателей¹³. Разногласия по поводу Маастрихтского договора разделили не только консервативную, но и оппозиционную лейбористскую партию. Наиболее острую дискуссию в среде политиков вызвали положения «Социальной главы» – программы социальной защиты стран ЕС. Евроскептики в рядах консервативной партии, а также часть лейбористов утверждали, что «Социальная глава», в частности её положения о минимальной заработной плате и максимальной рабочей неделе, потенциально опасна для конкурентоспособности британской промышленности.

Внутрипартийный и межпартийный раскол был настолько серьезным, что руководству страны пришлось целиком сосредоточиться на этих разногласиях.

Лидером евроскептиков стала Маргарет Тэтчер, объединившая вокруг себя противников Мейджора. В целом она и её сторонники поддерживали положения о создании зоны свободной торговли в Европе, но были категорически против политической, институциональной интеграции и внедрения европейской социальной политики¹⁴. Они также полагали, что Маастрихтский договор – это предвестник образования «федеральной Европы», в которой политика, связывающая государства, будет целиком исходить из Брюсселя. Подобное развитие должно было, по их мнению, привести к дальнейшей безвозвратной потере суверенитета и бессилию британского парламента.

Первоначально казалось, что Джон Мейджор не будет иметь слишком больших проблем при итоговом голосовании в пользу утверждения договора, получившего в палате общин во втором чтении 336 голосов за и 92 – против. К тому же на этом этапе против ратификации проголосовало только 22 депутата-консерватора. Что же касалось партии лейбористов, то их парламентская фракция от голосования воздержалась, поскольку в текст договора не была включена критикуемая ими «Социальная глава»¹⁵. Однако ситуация изменилась после того, как 2 июня 1992 г. был проведен референдум о Маастрихтском договоре в Дании. Из 83,1% избирателей, которые подали свои голоса, 50,7% проголосовали против договора и 49,3% – за¹⁶. Датское «нет» стало шоком для всех стран ЕС. Выявившаяся непредсказуемость голосования посредством референдума означала, что главной задачей для премьер-министра Великобритании стала ратификация договора только через парламент. Для этого правительству Мейджора следовало выиграть время, постараться убедить членов парламента в целесообразности правильного голосования. По этой причине дальнейшее рассмотрение проекта договора было отложено в Великобритании до осени. Однако подобное промедление одновременно усиливало оппозиционные группировки и придавало большую уверенность евроскептикам, желающим провалить ратификацию. Их позиция была также подкреплена выходом Великобритании из европейского механизма обмена валют, известного как «чёрная среда» 16 сентября 1992 г.

Весьма заметные и влиятельные политические фигуры, входившие в лагерь евроскептиков, такие как министр внутренних дел Майкл Хоуард, министр финансов Норман Ламонт, министр обороны Майкл Портилло, призывали к отказу от обязательств по Маастрихтскому договору. Однако Мейджор считал, что подобный шаг нанесёт непоправимый ущерб положению Великобритании в ЕС. Мейджор был готов даже опереться на поддержку лейбористов и либеральных демократов.

Борьба евроскептиков с евроэнтузиастами достигла своего предела именно в вопросе о социальной политике, когда в июле 1993 г. лейбористы пытались включить «Социальную главу» в текст договора, проголосовав одновременно против его ратификации. В итоге часть евроскептиков проголосовала с лейбористами против собственного правительства, послушавшись указаний сверху. Сложившееся положение дел вынудило Мейджора принять смелое решение, связав вопрос о ратификации Маастрихтского договора с вотумом доверия своему правительству. После этого у консерваторов-мятежников не оставалось иного выбора, кроме как поддержать правительство. В противном случае они сыграли бы в пользу оппозиции, спровоцировав досрочные парламентские выборы, на которых победа лейбористов была бы очевидна. Таким образом, после года обсуждений Маастрихтский договор был наконец ратифицирован британским парламентом минимальным числом голосов: 339 за, 299 – против¹⁷. Несмотря на то что тори поддержали правительство Мейджора, внутривластный кризис был очевиден для всех. Его суть была предельно проста: находясь у власти, Мейджор уже не контролировал ситуацию.

Цена ратификации договора оказалась для политической элиты Великобритании непомерно высока. В первую очередь она обозначила окончательный раскол консервативной партии по европейскому вопросу. Кроме того, принятие Договора усилило противостояние не только внутри страны, но и между Лондоном и Брюсселем. Неслучайно 1994 г. ознаменовался множеством конфликтов между Великобританией и её европейскими партнёрами по таким вопросам, как расширение ЕС путём присоединения новых государств, проведение единой политики в области обороны и безопасности. Существенную роль в этом противостоянии по-прежнему играла М. Тэтчер. На протяжении всего срока собственного премьерства она рассматривала Европу лишь как одно из направлений внешней политики Великобритании, не давая ему возможности возобладавать над остальными. Она постоянно предостерегала британских политиков от увлечения европейскими идеями, но так и не смогла предотвратить уступок Европейскому сообществу. Впрочем, ратификация Маастрихтского договора,

некоторые из статей которого многие в Британии считали нежелательными, позволила этой стране остаться в ряду главных игроков, определяющих дальнейшие планы развития Европейского союза.

Примечания

- ¹ См.: *Стрежнёва М.* Институциональные формы европейской интеграции // *Заглядывая в 21-й век : ЕС и СНГ.* М.: Мир, 1998. С. 132.
- ² См.: Маастрихтский процесс : реакция на новые вызовы // *МЭМО.* 1993. № 9. С. 66.
- ³ См.: *Forster A.* Euroscepticism in contemporary British politics : Opposition to Europe in the British Conservative and Labour Parties since 1945. N. Y. : Routledge, 2002.
- ⁴ См.: *Капитонова И. К.* Приоритеты внешней политики Великобритании (1990–1997 гг.). М. : РОССПЭН, 1999. С. 59.
- ⁵ См.: European Council (Maastricht) Hansard. 1991. Dec. 11. URL : <http://hansard.millbanksystems.com> (дата обращения: 01.11.2011).
- ⁶ Maastricht Agreement. Hansard, 18.12.1991. URL: <http://hansard.millbanksystems.com> (дата обращения: 01.11.2011).
- ⁷ См.: Conservative Party General Election Manifesto ‘The Best Future for Britain.’ 1992. URL: <http://www.conservativemanifesto.com/> (дата обращения: 17.10.2011).
- ⁸ См.: *Dinan D.* A History of European Union. L. : Palgrave Macmillan, 2004. P. 248.
- ⁹ Treaty on European Union. 1992. Feb. 7. URL: <http://www.europa.eu> (дата обращения: 17.10.2011).
- ¹⁰ См.: *Капитонова И. К.* Указ. соч. С. 62.
- ¹¹ Цит. по: *Тэтчер М.* Искусство управления государством / пер. с англ. В. Ионова. М. : Альпина Паблишер, 2003. С. 407.
- ¹² Так же. С. 408.
- ¹³ См.: *Бурнашев И. М.* Тэтчер и Ж. Делор // *Вестник Европы.* 2005. № 16. URL: <http://magazines.russ.ru/> (дата обращения: 17.10.2011).
- ¹⁴ См.: *Forster A.* Op. cit. P. 90.
- ¹⁵ *Laursen F., Vanhoonacker S.* The ratification of the Maastricht Treaty : issues, debates, and future implications. Maastricht : European Institute of Public Administration, 1994. P. 264.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Ibidem.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 33(091)(47+57)

РЕЗОНАНСНЫЕ КОНЦЕССИОННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПЕРИОДА ВОЕННОГО КОММУНИЗМА (1919–1920 ГОДЫ)

В. В. Булатов

Волгоградский государственный университет
E-mail: vbulatov@rambler.ru

В статье рассматриваются самые крупные концессионные предложения иностранных предпринимателей в период военного коммунизма. Эти предложения примечательны тем, что они были сделаны советскому правительству еще до принятия в Советской России декрета «Об общих экономических и юридических условиях концессий». В свою очередь, этот декрет по праву считался первым предвестником отхода советского руководства от политики военного коммунизма.

Ключевые слова: советская концессионная политика, военный коммунизм, лесные концессии, горные концессии, железнодорожные концессии.

Resonance Concession Offers of the «Military communism» Period (1919–1920)

V. V. Bulatov

The largest concession offers made by foreign businessmen to the Soviet government during the «military communism» period are considered. Those concession offers are remarkable because they had been made to the Soviet government before the Decree «On the General and Legal Conditions of Concessions» was accepted in Soviet Russia. That decree was also considered as the first harbinger of the Soviet government withdrawal from the «military communism» policy.

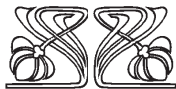
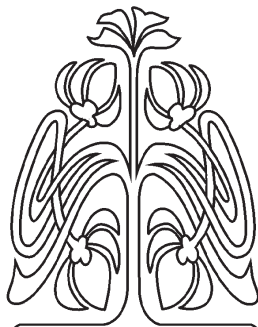
Key words: Soviet concession policy, «military communism», wood concessions, mining concessions, railway concessions.

С точки зрения хозяйственного развития первые пятнадцать лет существования советской власти подразделяются на два периода:

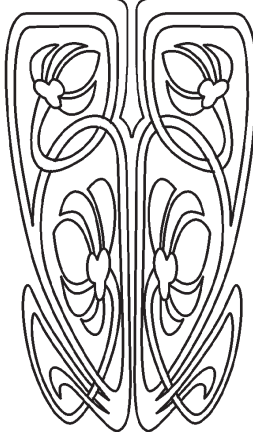
- 1) период военного коммунизма – с середины 1918 г. по март 1921 г.;
- 2) период новой экономической политики – с марта 1921 г. до начала 1930-х гг.

В период 1918–1920 гг. из экономики Советской России последовательно устранялись как все элементы товарного хозяйства, так и имущественные отношения частно-правового характера: к минимуму сводилось проявление частной инициативы, были запрещены свободный обмен и реализация товаров со свободным ценообразованием, аппарат товарного рынка был ликвидирован. Причем эти принципы проводились в жизнь столь последовательно, что к началу 1921 г. вся хозяйственная жизнь Советской России оказалась во власти госрегулирования, а элементы товарно-капиталистического хозяйства почти все были устранены, то есть огосударствление экономики носило почти тотальный характер. Свободными от огосударствления остались лишь те сферы экономики, где исключительно индивидуальный характер производства устранял саму возможность обобществления¹.

Речь идет о крестьянском и кустарно-ремесленном хозяйствах, которые продолжали сохранять свою частно-правовую природу. Однако и в этих видах хозяйств некоторые их стороны попали в зону жесточайшего государственного регулирования. В силу установления государственной монополии на большую часть сельскохозяйственной продукции (хлеб и пр.), а также продовольственной разверстки вся

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

продукция крестьянских хозяйств изымалась из свободного распоряжения производителей и становилась достоянием государства. Кустарно-ремесленные предприятия подобным же образом должны были работать по заданиям государственных органов, сдавать им свою продукцию и выполнять их заказы².

Общее состояние экономики страны в период военного коммунизма характеризовалось разрывом хозяйственных связей, обвальным падением промышленного и сельскохозяйственного производства, «продажей капитала» (дезинвестициями), гиперинфляцией, разрушением кредитно-денежной системы, прогрессирующей натурализацией хозяйства и государственного бюджета, отсутствием легального частного оборота, деградацией внешней торговли, жесткой централизацией казенного производства и снабжения и т. д. Страна сползла к состоянию экономической катастрофы.

Практически сразу же после прихода к власти советскому правительству стало очевидно, что для восстановления транспорта, добывающей и обрабатывающей промышленности необходим импорт средств производства. Для удовлетворения насущных потребностей населения необходим был импорт товаров потребительского спроса. Но по оценке Высшего совета народного хозяйства РСФСР (ВСНХ) требуемый объем импорта во много раз превышал наличный платежный фонд государства. Добыть средства для обеспечения импорта можно было за счет форсирования экспорта отечественного сырья и промышленных изделий. Однако наладить экспорт опять же было невозможно без восстановления транспорта и промышленности.

Вот и оставалось констатировать: «Получается порочный круг: получение из-за границы орудий и средств производства для восстановления транспорта и средств промышленности невозможно без увеличения экспорта, и увеличение экспорта немислимо без предварительного получения из-за границы необходимых локомотивов, рельс, станков и других орудий и материалов производства»³.

По ряду причин импорт иностранного капитала на заре советской власти возможно было осуществить лишь в виде концессий, которые представлялись единственным средством оплаты импорта необходимых для восстановления экономики товаров. Они виделись единственным средством для разрыва «порочного круга». При этом сами экономические принципы советской власти открыли самые широкие в российской истории возможности для применения концессий, ибо именно на почве советского права стал наблюдаться стремительный рост числа предметов, изъятых из частного оборота. В основу советского законодательства изначально закладывалась мысль о том, что земля, недра, средства производства и т. д. не могут быть предметами частной собственности. Передача их в пользование частным лицам допускалась только

специальными актами государственной власти, через предоставление концессий⁴.

Первые попытки добиться импорта производительного капитала в форме концессий относились к самому началу 1918 г. Тогда глава советского правительства В. И. Ленин во время своих бесед с полковником Раймондом Робинсом – руководителем американской миссии Красного Креста в России – фактически пригласил американских и других иностранных инвесторов к участию в концессиях⁵.

В течение первой половины 1918 г. переговоры о возобновлении торгово-экономических отношений велись с Германией и Японией и т. д.

Последовавшая Гражданская война 1918–1920 гг. в России и сопутствовавшая ей иностранная интервенция отодвинули концессионную политику на второй план. Однако интерес к ней советское правительство продолжало проявлять, руководствуясь, правда, больше политическими соображениями. «В моменты, угрожавшие самому существованию власти рабочих и крестьян, – писал В. Бутковский, – мы готовы были, ценой предоставления концессии, откупиться от империалистических хищников, мы готовы были пойти на многое, лишь бы нас оставили в покое». В этом же русле следует рассматривать переданное по радио 4 февраля 1919 г. заявление советского правительства. Там ясно было сказано: «Мы согласны предоставить концессии по выбору самих капиталистов»⁶.

Но западный деловой мир, ожидая падения власти большевиков, не торопился выдвигать какие-либо приемлемые концессионные предложения. Кроме того, районы предполагаемых концессий либо уже контролировались антибольшевистскими силами, либо находились в зоне боевых действий противоборствующих сторон.

Вообще на всем начальном этапе проведения советской концессионной политики превалировала политическая целесообразность. «Если бы мы даже не заключили ни одной концессии, то самые шаги, предпринятые нами к заключению их, были бы выгодны для нас», – писала Н. П. Дергачева⁷.

Официально поддерживаемая концессионная политика становилась инструментом сдерживания наиболее агрессивных кругов Запада от прямого военного вмешательства. Декларируя идею сдачи концессий иностранцам, советское правительство давало Западу надежду на хотя бы частичную компенсацию (если не возврат) национализированной иностранной собственности.

Несмотря на невозможность для Советского государства в то время приступить к реализации концессионной политики, прецеденты все же были. В день упомянутого заявления советского правительства – 4 февраля 1919 г. – СНК РСФСР принял первый документ о разрешении конкретной концессии⁸.

Речь идет об известной концессии на сооружение Великого северного пути. В постановлении

СНК РСФСР от 4 февраля 1919 г., в частности, говорилось: «Данную концессию признать желательной и осуществление ее практически необходимым». Для составления концессионного договора, который обещал стать первым в советской концессионной практике, при ВСНХ была образована комиссия, куда вошли представители наркоматов финансов, земледелия, юстиции, военных дел, а также Всероссийского центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС). Комиссия должна была в двухнедельный срок представить проект концессионного договора с соискателями⁹.

Но все эти мероприятия оказались всего лишь первой попыткой перевести концессионное предложение в практическую плоскость предоставления концессии. Соискателями концессии выступили русский профессиональный художник Александр Алексеевич Борисов и норвежский банкир Эдвард Ганневи́г. Предложение от них поступило 26 июня 1918 г. в Комиссию по рассмотрению проектов о концессиях при СНК РСФСР, то есть еще в период действия Брест-Литовского мира. Концессия предполагала сооружение участков железных дорог:

- 1) Петроград – Котлас через Вельск;
- 2) Сорока – Котлас через Шенкурск – Краснороборск;
- 3) Котлас – река Обь (станция Атлымская) через Усть-Сысольск и участок до пристани Якша на реке Печора.

Общая протяженность этой железнодорожной магистрали составляла свыше 6 тыс. верст – проект и по нашим временам более чем грандиозный. Кроме дороги в концессию группе Борисова – Ганневи́га предполагалось сдать 8 млн десятин лесной площади. Из них 2 млн предназначались для собственных нужд дороги, а 6 млн десятин подлежали отводу под лесопромышленную эксплуатацию¹⁰.

Очевидной была попытка сдачи концессии на комплекс объектов – сооружение и эксплуатацию железной дороги и эксплуатацию лесных площадей. Именно доходы от эксплуатации лесов предназначались для осуществления транспортного проекта. Такая идея была привнесена из американской практики железнодорожного строительства. Но концессия этим не ограничивалась.

Ее условия предполагали более широкую программу деятельности. Одним из наиболее важных был вопрос о колонизации (заселении) огромного северного края. То же относилось и к вопросу о создании необходимой инфраструктуры для существующих населенных пунктов, то есть чтобы вместе с дорогой они могли обеспечить себе электро- и водоснабжение и т. д. Концессия испрашивалась сроком на 48 лет. В пользу государства потенциальные концессионеры предлагали отчислять фиксированный процент валового дохода от лесных операций¹¹.

Предполагалось развитие проекта в виде продолжения пути до Амура. При его реализации

могли быть задействованы и водные пути, которые он перерезал. Благодаря этому появлялась возможность выхода к колоссальным лесным богатствам Русского Севера и Сибири к Печоре и Двине, бассейнам Камы, Волги и т. д. Продолжение железнодорожного пути по Сибири создавало условия для использования сибирских рек в целях дешевой транспортировки леса, хлеба и пр.¹²

Соискатели рассчитывали мобилизовать для дела главным образом американский капитал в товарной форме. Сама идея проекта принадлежала художнику А. А. Борисову, который обещал привлечь капитал через норвежское АО «Ганневи́г». Фирма располагала банком в Нью-Йорке, пользовалась доверием американских бизнесменов и обладала «большим» океанским тоннажем¹³.

Под «большим океанским тоннажем», вероятней всего, подразумевался флот американской паровой компании «Роберт Доллар». В 1922 г. на заседании секретариата зампреда СНК РСФСР А. И. Рыкова сообщалось о причастности компании «Роберт Доллар» как к «затее Вандерлипа» (о которой будет сказано ниже), так и к концессионному предложению по Великому северному пути¹⁴.

Привлечение американского капитала могло быть обеспечено не только за счет использования связей банкира Э. Ганневи́га с американцами. Александр Борисов сам имел знакомства в среде высшей американской бюрократии, чему когда-то поспособствовал выдающийся русский премьер С. Ю. Витте. История их знакомства началась летом 1894 г., когда Витте, отправляясь в деловую поездку на Север, «в последний момент» решил взять с собой Александра Борисова, тогда еще студента Санкт-Петербургской академии художеств. Тот, будучи сыном архангельского крестьянина, в юности обучался основам живописи в иконописной мастерской Соловецкого монастыря, где его талант был замечен генералом Гончаровым. С Соловков генерал привез А. Борисова в Санкт-Петербург¹⁵.

Витте всемерно содействовал дальнейшей карьере Борисова как профессионального пейзажиста и организовал выставки его картин в Берлине и Лондоне, а затем в Америке. На американской земле А. А. Борисов оказался спустя несколько лет после заключения русско-японского мирного договора, подписанного 5 сентября 1905 г. в Портсмуте, когда имя С. Ю. Витте еще пользовалось там популярностью. Витте дал Борисову рекомендательное письмо к президенту САСШ Теодору Рузвельту. Президент устроил русскому художнику «радушный прием», что обеспечило выставкам работ Борисова в Америке блестящий успех (там Борисов мог завести деловые знакомства, пользуясь покровительством Т. Рузвельта)¹⁶.

Позже Витте писал: «Борисов родился на Севере, это – его стихия. Он каждый год ездил туда и несколько лет назад был на Новой Земле»¹⁷. Во время этих северных поездок и родилась идея. Ее движущим мотивом были неудачные попытки освоения Северного морского пути в целях

транспортировки грузов с севера Европейской России в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Борисов стал пропагандировать мысль о строительстве надежного железнодорожного пути, не зависящего от ледового режима северных морей. До революции ему удалось завербовать целый ряд сторонников проекта. Среди них оказались известные русские художники – братья Виктор и Апполинарий Васнецовы.

В своих воспоминаниях советский океанолог-полярник В. А. Васнецов коснулся участия своих близких родственников в проекте. Из беседы с Н. П. Борисовым – племянником Александра Алексеевича Борисова – ему стали известны некоторые подробности. Так, племянник художника утверждал, что видел среди проектной документации эскизы станционных зданий, выполненные в русском стиле братьями Васнецовыми. Он также подтвердил, что на окончательное решение А. Борисова о целесообразности строительства сухопутной магистрали повлияла тяжелая экспедиция в Карское море, в которой тот участвовал в 1900 г.¹⁸

Несмотря на все усилия, идея Борисова поддержки до революции не получила. Советское правительство тоже отклонило концессионное предложение, на что повлиял ряд серьезных причин. Во-первых, предприниматели просили у советского правительства аванс в 50 млн золотых рублей. Однако еще 23 сентября 1918 г. при обсуждении вопроса о концессиях на Пленуме ВСНХ РСФСР член Президиума ВСНХ А. Ломов (Г. И. Оппоков) в отношении предложения Борисова – Ганневига заявил: «Мы можем категорически сказать, что никаких авансов иностранным фирмам, которые желают заниматься у нас грандиозным строительством, мы, советская республика, никоим образом не намерены давать». Во-вторых, фирма «Ганнеvig», ссылаясь на «ряд чрезвычайно трудных стеснительных обстоятельств на денежном рынке», требовала разрешить организацию в Советской России так называемых расчетных палат, которые, по мнению Президиума ВСНХ, представляли собой «зародышевые формы банков». В то время это признавалось совершенно неприемлемым, так как «подрывало» мероприятия советской власти по национализации банков¹⁹.

Президиум ВСНХ выступил также против предложенной предпринимателями схемы процентного отчисления валового дохода от эксплуатации леса. Те предложили отчислять государству плату согласно таксировочным ценам 1914–1917 гг. ВСНХ находил размеры этой платы неприемлемыми, как и размеры испрашиваемой лесной площади. Кроме того, руководство ВСНХ отрицательно восприняло просьбу предпринимателей предоставить им монополию на разработку всех нефтяных месторождений в районе Ухты, которые могли быть там разведаны²⁰.

Тем не менее первый опыт ВСНХ по составлению концессионного договора с группой Борисова – Ганневига не пропал даром. В будущем этот

неутвержденный договор послужил основой для разработки положений типового концессионного договора в лесной промышленности²¹.

В тот период имелось еще несколько концессионных проектов – строительства железной дороги Ростов-на-Дону – Орел с выходом на Петроград, сооружения Онего-Беломорского канала, Камско-Печорской концессии, проект гражданина Сазонова и профессора Данилевского и т. д.

Однако действительно крупное концессионное предложение, получившее значительный резонанс в России и мире, было сделано летом 1920 г. американским предпринимателем Вашингтоном Б. Вандерлипом. Первоначально советское правительство демонстрировало заинтересованность в нем. 22 октября 1920 г. нарком по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин заявил о предоставлении американскому предпринимателю концессий сроком на 60 лет. Концессионер получал исключительные права на добычу угля, нефти и развитие рыбных промыслов на территории свыше 400 тыс. квадратных километров, которая включала в себя Камчатку и Чукотку²².

Однако в первую очередь советская сторона в своих действиях руководствовалась внешнеполитическими соображениями. В концессиях Вандерлипа Москва видела противовес экономическому и военному доминированию Японии на Дальнем Востоке.

Вандерлип был принят В. И. Лениным. Позже в своих выступлениях на собрании секретарей ячеек московской организации РКП (б) и на VIII Всероссийском съезде Советов Ленин так прокомментировал позицию советского руководства на переговорах: «Мы даем Америке такую территорию для экономической утилизации, где у нас абсолютно нет, и куда мы не можем дать ни морских, ни военных сил. И, давая это, мы привлекаем американский капитализм против японского и против ближайшей к нам японской буржуазии, которая до сих пор держит в руках Дальневосточную республику»²³.

Вступление концессионного соглашения в силу увязывалось советским руководством с признанием де-факто Советской России Соединенными Штатами. Последнее обстоятельство подогревалось тем, что Вандерлип рекламировал свои якобы тесные связи с высшей американской бюрократией. Он пытался доказать, что является представителем консорциума богатых американцев с западного побережья. При этом Вандерлип ссылаясь на некие письма от Уоррена Дж. Гардинга, сенатора штата Огайо (и будущего президента САСШ). Официальных советских лиц ввела в заблуждение также сама фамилия американского предпринимателя. Они стали ассоциировать его с Фрэнком А. Вандерлипом – бывшим президентом National City Bank of New York²⁴.

В итоге никакого дипломатического признания со стороны САСШ не последовало. Государственный департамент САСШ отказался тогда

изменить свою негативную позицию по этому вопросу²⁵.

В. И. Ленин на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 11 апреля 1921 г. открыто выразил свою досаду в отношении американского предпринимателя²⁶.

Позже весьма откровенно свое отношение к Вандерлипу высказал заместитель наркома по иностранным делам М. М. Литвинов. В своем письме председателю Главного концессионного комитета при СНК РСФСР Г. Л. Пятакову он писал: «Мы в свое время, несомненно, переоценивали значение Вандерлипа и попали впросак. Вандерлипа в Америке никто всерьез не принимает, и тем шумом, который мы подняли вокруг этой концессии, мы, скорее, дискредитировали себя. Своими дальнейшими действиями Вандерлип доказал, что в его лице мы имеем дело с обыкновенным маклером мелкого пошиба и авантюристских наклонностей»²⁷.

Кстати, «авантюристические наклонности» Вашингтона Б. Вандерлипа сформировались еще в конце XIX в. «Золотая лихорадка» влекла американских золотоискателей не только на Аляску. В 1898–1903 гг. они отправились на Чукотку, Камчатку и Колыму. Именно на Камчатке и Колыме в 1898 г. Вандерлип искал золото²⁸.

В 1920 г. главной идеей Вандерлипа стала реализация самого авантюрного в его жизни плана. Он намеревался занять место посредника между правительствами РСФСР и САСШ в вопросе продажи Камчатки американцам²⁹. Советская сторона от услуг Вандерлипа отказалась.

Еще одно резонансное концессионное предложение было сделано в конце 1920 г., то есть еще до начала принятия в Советской России курса на реализацию новой экономической политики. Отказ советского правительства удовлетворить эту заявку должен был продемонстрировать один из принципов советской концессионной политики. Речь идет о «деле Уркарта». Оно началось в 1920 г. с «завязки» переговоров с известнейшим английским предпринимателем Лесли Уркартом – главой Русско-Азиатского акционерного объединенного общества.

В 1927 г. Главный концессионный комитет при СНК СССР особо выделял «развязку» дела Уркарта в октябре 1922 г. В докладе Главконцесскома прямо говорилось: «Отклонение договора с Уркартом имело в основном то значение, что демонстрировало наш отказ от реституционных концессий и нашу уверенность в возможности восстановить хозяйство своими силами»³⁰.

Впрочем, так называемые реституционные концессии порой имели место, да и «развязка» дела Уркарта произошла не в 1922 г., а значительно позже.

Детище Лесли Уркарта – Русско-Азиатское объединенное общество – было создано в 1919 г. с целью объединения существовавших до революции в России предприятий ряда английских обществ: Общества Кыштымских медных заводов, Общества Южноуральских (Таналыкских) медных заводов,

Общества Риддеровских серебряноцинковых рудников и Общества Экибастузских каменноугольных месторождений. Русско-Азиатское общество претендовало и на рудоносные площади (в основном медные) бывшего Общества разведочных работ в районе казахстанских степей. Кроме того, в общество Уркарта влилось Русско-канадское общество³¹.

По образованию Лесли Уркарт был горным инженером и в 1896–1906 гг. работал в России, на бакинских нефтяных промыслах. Позже он стал крупным промышленником и финансистом, вошел в правления крупных английских обществ, подвизавшихся в горной промышленности России. Во время русской Гражданской войны Л. Уркарт являлся одним из советников адмирала А. В. Колчака, а в Великобритании возглавлял Общество кредиторов России. Несмотря на то что «завязка» переговоров с Уркартом относилась к 1920 г., предварительный концессионный договор с ним был подписан только 9 сентября 1922 г. в Берлине.

С советской стороны его подписывал Л. Б. Красин. В соответствии с условиями договора Уркарт получал в концессию все бывшие предприятия английских обществ, вошедших в Русско-Азиатское объединенное общество. Однако 7 октября 1922 г. СНК РСФСР отказался ратифицировать соглашение, несмотря на то что оно имело сторонников в лице как Л. Б. Красина, так и председателя Главного управления горной промышленности ВСНХ В. М. Свердлова. Вплоть до 1929 г. Уркарт возобновлял неоднократные попытки реанимировать концессионное соглашение, но безуспешно. В результате он перенес свою деятельность во Францию, Австралию и Новую Гвинею³².

Неудача Уркарта не сильно повлияла на финансовую устойчивость его общества. К середине 1920-х гг. его реализованный основной акционерный капитал составлял почти 8,5 млн фунтов стерлингов (весь уставной акционерный капитал равен был 12 млн фунтов стерлингов). Кроме этого, Русско-Азиатское объединенное общество приобрело крупный пакет акций французского общества «Компани Нувель де Вильман», владевшего цинково-серебряными и свинцовыми рудниками в Южной Франции. В своем отчетном докладе на общем собрании акционеров 17 декабря 1925 г. Лесли Уркарт указал, что после уплаты всех обязательств наличный капитал Русско-Азиатского общества составляет 500 тыс. фунтов стерлингов. Причем здесь не учитывались русские и французские активы общества, а также портфель акций «Компани Нувель де Вильман», который на бирже тогда оценивался в 600 тыс. фунтов стерлингов³³.

Подписанный в 1922 г. в Берлине предварительный концессионный договор между обществом Уркарта и Л. Б. Красиным содержал условие, согласно которому советское правительство должно было вернуть бывшим собственникам английских горных предприятий в России 2 млн фунтов стерлингов. Это был явно «реституционный» момент договора, несмотря

на то что означенные средства предназначались для восстановления предприятий³⁴.

Из этой суммы 150 тыс. фунтов подлежали выплате Уркарту в течение двух месяцев действия договора. Остальная же часть должна была выплачиваться в течение 15 лет, причем с начислением 3% через каждые три года. Срок концессии был совсем не типичным для советской практики – 99 лет³⁵.

Если абстрагироваться от «реституционного момента», то по логике советского руководства выходило, что Уркарт намеревался вести свою деятельность на советской территории на советские же средства. Тем не менее в пользу сдачи концессии продолжал выступать Л. Б. Красин. В своей речи на XII съезде РКП (б) в 1923 г. он подчеркивал, что Уркарт гарантировал восстановление довоенного уровня производства в течение 2–3 лет и что 40 тыс. советских рабочих в соответствии с концессионным договором получали бы тот уровень заработной платы, который определялся бы для них народным комиссариатом труда и профсоюзами.

Его оппонентом выступал советский горный инженер К. Вандербеллен. Он не соглашался на срок концессии свыше 25 лет, его не устраивала минимальная производственная программа, он отрицал какую-либо финансовую помощь концессионеру со стороны Советского государства³⁶. Правительство СССР так и не ратифицировало берлинский договор с Лесли Уркартом.

Эти первые концессионные предложения являются яркой иллюстрацией того понимания концессии, которое в самом начале советской власти имелось у специалистов ВСНХ. Под концессией тогда главный хозяйственный орган Советской России понимал предоставление иностранному капиталу «некоторой части советской территории с находящимися на ней и в ее недрах богатствами». Речь шла о праве иностранцев эксплуатировать сырьевые и трудовые ресурсы, объекты транспорта, электрические сети, объекты связи и другие объекты публичной собственности на весьма обширных территориях³⁷.

При дальнейшем развитии концессионной практики масштаб концессий сузился до размеров отдельного объекта или комплекса взаимосвязанных между собой объектов. Характерно, что все упомянутые первые концессионные проекты (кроме проекта Уркарта) имели место до создания в стране институциональной базы для использования концессий – закона о концессиях. В. И. Ленин, активно выступавший в конце 1920 г. по различным вопросам концессий, во многом инициировал принятие 23 ноября 1920 г. декрета «Об общих экономических и юридических условиях концессий».

Примечания

¹ См.: *Аскеназий С. И.* Народное хозяйство Советских Республик за 1917–1924 гг. Л., 1925. С. 4–5.

² Там же. С. 5.

³ *Хромов С. С.* Иностранные концессии в СССР : Исторический очерк. Документы : в 2 ч. Ч. I. М., 2006. С. 117.

⁴ См.: *Ландау Б. А.* Концессионное право Союза ССР (С приложением действующих законов о порядке предоставления концессий). М., 1925. С. 17–18.

⁵ См.: *Юферева Е. В.* Ленинское учение о госкапитализме в переходный период к социализму. М., 1969. С. 42.

⁶ *Бутковский В.* Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М. ; Л., 1928. С. 25.

⁷ *Дергачева Н. П.* Концессии. Л., 1925. С. 7.

⁸ См.: *Хромов С. С.* Указ. соч. С. 10.

⁹ См.: Производительные силы Севера России. 1922. Вып. II. Лесное хозяйство. С. 91.

¹⁰ См.: *Майер В. И.* Лесные концессии на Севере Европейской России // Производительные силы Севера России. 1922. Вып. II. Лесное хозяйство. С. 74.

¹¹ Там же. С. 74–75.

¹² См.: *Хромов С. С.* Иностранные концессии в СССР : Исторический очерк. Документы. Ч. I. С. 110.

¹³ Там же. С. 10.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 126. Л. 9.

¹⁵ См.: *Витте С. Ю.* Воспоминания, мемуары : в 3 т. М., 2002. Т. 3. С. 512.

¹⁶ Там же. С. 517.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: *Васнецов В. А.* Повести северных морей. Л., 1977. С. 7.

¹⁹ *Хромов С. С.* Указ. соч. С. 110–111.

²⁰ Там же. С. 111.

²¹ См.: *Майер В. И.* Указ. соч. С. 75.

²² Советско-американские экономические отношения в бассейне Тихого океана / общ. ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Чичканова и проф. Дж. Стефана. М., 1987. С. 115.

²³ Цит. по: *Рубинштейн Н.* Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921–1922 гг.). М., 1948. С. 83.

²⁴ Там же. С. 116.

²⁵ См.: *Булатов В. В.* «Нам архиважны соглашения и концессии с американцами ...» (Торгово-экономические связи СССР и США, 1918–1933 гг.) // Экономическая история России : проблемы поиска решения : ежегодник. Вып. 5. Волгоград, 2003. С. 131.

²⁶ См.: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 43. М., 1982. С. 188.

²⁷ Иностранные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР (1920–1930-е гг.) : документы и материалы / под ред. проф. М. М. Загоруйко, проф. А. Х. Абашидзе ; сост. М. М. Загоруйко, В. В. Булатов, А. П. Вихрян (отв. составитель), В. Н. Косторниченко, Т. В. Царевская-Дякина. М., 2003. С. 138.

²⁸ См.: Советско-американские экономические отношения в бассейне Тихого океана. С. 110.

²⁹ См.: Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.) : документы и материалы / под ред. проф. М. М. Загоруйко ; сост. М. М. Загоруйко, В. В. Булатов, А. П. Вихрян, О. В. Иншаков, Ю. И. Сизов, Т. В. Царевская-Дякина. М., 2005. С. 832.

³⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5240. Оп. 18. Д. 2549. Л. 26.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 699. Л. 25.

³² См.: Иностранные концессии в сфере добычи и обработки руд цветных металлов в России и СССР (1920–1930-е гг.): документы и материалы / под ред. А. А. Клишаса; сост. М. М. Загоруйко, М. В. Дятчин, Т. В. Царевская-Дякина. М., 2005. С. 363.

³³ ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 699. Л. 25–26.

³⁴ Там же. Л. 26.

³⁵ Иностранные концессии в сфере добычи и обработки руд цветных металлов в России и СССР (1920–1930-е гг.). С. 364.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Хромов С. С. Указ. соч. С. 117.

УДК 94(470)19

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ В СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ

В. Н. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: danilovvik@yandex.ru

В статье показаны чрезвычайные органы власти как значительный элемент советской государственной системы в первые десятилетия ее существования. Рассматриваются исторические, структурные и доктринальные истоки этого явления, деятельность чрезвычайных органов в период Гражданской и Великой Отечественной войн.

Ключевые слова: государственная система, советская власть, чрезвычайные органы, централизация управления, комитеты обороны.

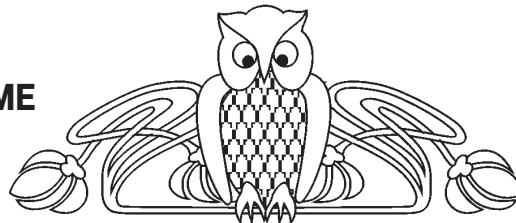
Extraordinary Authorities in the Soviet State System

V. N. Danilov

The article describes the extraordinary authorities as a significant element of the Soviet State system in the first decades of its existence. It studies historical, structural and doctrinal grounds of its phenomenon, the activity of extraordinary bodies during the Civil war and the Great Patriotic War.

Key words: state system, soviet regime, extraordinary authorities, centralization of power, defense committee.

В современной отечественной исторической литературе при определении характера советской государственной системы развиваются разные подходы: от восприятия некоторых западных концепций до попыток найти историческое обоснование для защиты большевиками национально-государственных интересов России. Разумеется, советская система государственного управления возникла и развивалась в конкретных исторических и национальных условиях и ее нельзя свести только к неким оценочным определениям, что мы наблюдаем в случае построения ряда современных концепций российской государственности¹. В советской системе воспроизводились и использовались дооктябрьские государственные структуры на основе жесткой централизации, приоритета политики над экономикой, и в то же время революционная практика и логика развития страны после октября 1917 г. обусловили качественную

новизну советской модели устройства общества, важнейшими политическими составляющими которой стали однопартийность и государственность мобилизационного типа.

В этой связи для практики советского государственного управления особое значение имели различные чрезвычайные органы власти, учреждения, не оговоренные конституцией или специальным законом. Законом утвержденные органы государственного управления могли наделяться чрезвычайными полномочиями. Представляется, что рассмотрение в данном контексте чрезвычайных органов власти, существовавших на отдельных этапах послеоктябрьской истории, важно для понимания советской системы и происходивших в то время политических процессов.

Исторические, доктринальные и структурные истоки явления

Если обратиться к практике управления дореволюционной России, можно встретить множество различных структур, носивших наименование особых или созданных в связи с исполнением каких-либо временных функций. Только за период с 1801 по 1905 г. в составе Государственного совета действовало 45 особых комитетов, совещаний, комиссий и присутствий, помимо Комитета министров периодически создавались высшие комитеты по тем или иным делам². Однако по способу создания и объему полномочий они немногим отличались от других, «не особых» учреждений государственного управления. Что же касается известного Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г., то оно при введении усиленного или чрезвычайного вида охраны предусматривало наделение уже существующих административных органов полномочиями вне общего законного и судебного порядка³. В данном случае важным является

введение в государственную систему самого понятия «чрезвычайность» и осуществление на практике особого порядка управления. С 1905 г. исключительные законы получили широкое распространение. К 1 августа 1906 г. из 87 губерний и областей России 40 состояло на военном положении, 27 на положении чрезвычайной охраны и 15 – на положении усиленной охраны. И даже после преодоления «революционной смуты» почти вся Россия находилась под действием исключительных законов, в силу которых действовали военные суды, широко применявшие смертную казнь, продолжались административная высылка и наложение денежных штрафов на периодические издания и их приостановка, не допускались собрания и союзы. Такой «исторический опыт» не мог не сказаться на образе действий большевиков, в куда более сложной для власти ситуации.

С другой стороны, и до Октября в российской действительности имелись примеры формирования органов власти, подпадающих под определение чрезвычайных, которые своей деятельностью были призваны компенсировать ситуационную слабость «регулярных» властей. В частности, Первая мировая война указала на необходимость в индустриальную эпоху тесного взаимодействия фронта и тыла и вызвала к жизни в царской России инструменты принудительного государственного регулирования. Весной 1915 г., когда выявились серьезные недостатки в производстве вооружения и снабжении армии, возникли централизованные органы с особыми полномочиями (особые совещания, комитеты)⁴. Сравнение с другими воюющими в это время державами, особенно с Германией, показывает, что подобные нововведения в системе государственного управления не представляли собой уникального явления в мировой практике. Государство оказалось вынужденным глубоко вторгаться в сферу капиталистических интересов, ограничивать частную собственность и заменять рынок централизованным обменом между отраслями экономики.

С еще большим усердием и в самых разных областях жизни чрезвычайные органы стало плодить Временное правительство. 5 марта 1917 г. правительство создает Чрезвычайную следственную комиссию для расследования «противозаконных по должности» действий должностных лиц царского правительства, а 20 дней спустя – чрезвычайные продовольственные органы по насильственному изъятию хлеба, продовольственного и кормового урожая у крестьян⁵. Свою лепту в этот процесс вносили в 1917 г. и параллельные властные структуры. В частности, во время корниловского мятежа в Петрограде и других городах возникли комитеты борьбы с контрреволюцией, комитеты спасения революции, революционные штабы (по разным подсчетам от 120 до 192)⁶.

Неизбежность конструирования особых временных органов власти в случае попадания коммунистического режима в кризисные ситуации закладывалась и самой моделью «пролетарской

государственности»: республика Советов снизу доверху, что предполагало автономность каждого властного звена, простую нерасчлененную структуру власти, соединявшую законодательную, исполнительную и контрольную функции (принцип «работающей корпорации»)⁷. Это лишало государственный механизм управления не только необходимой эффективностью, особенно в затруднительных обстоятельствах, но и, с учетом целей диктатуры пролетариата (уничтожение частной собственности, стирание классовых различий), средств ее осуществления (революционное насилие, плановая экономика, колоссальная роль правящей партии, которая была призвана «взять власть и вести народ к социализму, направлять и организовывать новый строй. Быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся»⁸), заранее обрекало власть Советов на недееспособность без структурной подпорки, источник власти которой находился бы вне системы советов.

Уже весной 1918 г. В. И. Ленин был вынужден заявить: «Нет ничего глупее, как превращение Советов в нечто застывшее и самодовлеющее». Отсюда, по его мнению, необходимо решительнее «стоять теперь за беспощадную твердую власть, за диктатуру отдельных лиц для определенных процессов», что якобы не несет в себе «принципиального противоречия между советским (т. е. социалистическим) демократизмом»⁹. С доктринальной точки зрения для большевиков были важны два момента: возможность, исходя из тезиса «марксизм не догма, а руководство к действию», импровизации в опоре на основы теории К. Маркса в государственном строительстве и представление о российской революции как предвестнике мировой революции, до победы которой необходимо всеми силами и средствами удержать власть.

Чрезвычайная система власти в период Гражданской войны

В дальнейшем мы видим, что государство в форме советов, по убеждению большевиков, уже непосредственно представлявших интересы широких масс, при осуществлении управления на практике в чрезвычайной обстановке (выход из мировой войны, демилитаризация экономики и демобилизация армии, голод, угроза реставрации старого режима) обнаружило свою недостаточность. Компенсация слабой эффективности массового непрофессионального управления происходила, помимо овладения партийным аппаратом непосредственными властными рычагами, и другими путями: государственными функциями наделялись массовые, общественные по своему характеру, организации – профсоюзы, кооперативы, – но главным образом учреждения чрезвычайного характера.

Однако вскоре практика использования чрезвычайных органов в системе большевистской го-

сударственной власти стала выходить за «компенсационные» рамки. Если первые шаги созданной 7 (20) декабря 1917 г. Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), по словам одного из его сотрудников, были направлены против трех злоупотреблений – саботажа буржуазных чиновников, буйства и разрушений, производимых пьяными толпами (так называемые «пьяные погромы») и бандитизма «под флагом анархизма»¹⁰, – то по мере усложнения обстановки для новой власти ВЧК и ее местные структуры становятся главным орудием «красного террора» (преследование оппозиции, бессудные расстрелы, взятие заложников, концентрационные лагеря) и карательным органом, проникшим во все сферы государственного управления. Методы «чрезвычайщины» еще более расширились и приобрели неконтролируемый характер в результате принятия майских декретов 1918 г. о продовольственной диктатуре. Созданные для их реализации комитеты бедноты, продовольственные и заградительные отряды, уполномоченные на местах оказались практически неуправляемыми, усилили социальную напряженность и качнули деревню в сторону противников большевиков.

Учитывая эти обстоятельства, руководство большевиков начинает перемену курса на союз со средним крестьянством, следствием чего явилось решение VI съезда Советов (ноябрь 1918 г.) об упразднении комбедов, которые якобы сыграли свою историческую роль¹¹. Комбеды поглощались переизбранными советами. В целом начиная с этого времени можно фиксировать случаи обуздания «чрезвычайщины», прежде всего массового террора как формы управления. Чрезвычайные органы вводились в рамки законности, дабы перетянуть на свою сторону значительную часть населения и организовать прочный тыл. В 1919–1920 гг. практически невозможно обнаружить решений, подразумевающих «чрезвычайщину», хотя ее проявления встречались довольно часто.

С осени 1918 г. в условиях развертывания полномасштабной Гражданской войны чрезвычайные органы власти, по сути, становились составной частью системы управления Советской республикой как «единым военным лагерем». 30 ноября 1918 г. ВЦИК принял постановление об образовании высшего чрезвычайного органа в государстве – Совета рабочей и крестьянской обороны (СРКО)¹². Позднее, со спадом накала военных действий и проведением линии на усиление милитаризации труда, в апреле 1920 г. СРКО был преобразован в Совет труда и обороны (СТО) с расширенным составом, но, как и прежде, под председательством В. И. Ленина. Своего особого административно-технического аппарата или штатных «ответственных» работников Совет обороны не имел. Партийно-государственные деятели, входившие в его состав, оставались на занимаемых ими ранее постах и должны были сочетать новые обязанности с прежней работой.

Значительное место в деятельности Совета обороны занимали вопросы военного производства, работы транспорта, продовольственного снабжения, а также задачи пополнения Красной армии и флота людскими резервами и обеспечения их вооружением, боеприпасами, питанием, обмундированием и т. д. Совет обороны решал проблемы обеспечения красных войск командными кадрами и политработниками. От его имени и с его санкции проводилась мобилизация в армию¹³.

В кругах советского политического и военного руководства опыт деятельности Совета обороны после окончания Гражданской войны оценивался достаточно высоко и не исключалась возможность повторения его в будущем. В частности, М. В. Фрунзе писал в 1925 г., что, поскольку в современной войне фронт и тыл будут представлять единое целое, руководство войной должно вестись «единым действенным аппаратом, который одновременно охватит и военную область и гражданскую». Образчик такого аппарата, считал М. В. Фрунзе, имеется в «лице Реввоенсовета и СТО». В будущей войне, отмечал он, роль органа, подобного Совету обороны, возрастает еще в большей мере, так как «вопросы организации не только армии полевой, которая будет сражаться, – вопросы увязки этой будущей полевой армии с тылом приобретают громадное значение для успеха войны, для успешного исхода будущих операций»¹⁴.

В конце 1918 – начале 1919 г. в городах, находившихся в прифронтовой полосе, по аналогии с СРКО стали организовываться местные советы, комитеты обороны, комитеты содействия обороне и т. п. На лето-осень 1919 г. приходится массовое распространение другого вида чрезвычайных органов власти на местах – революционных комитетов (ревкомов), которые стали организовываться годом раньше, в период чехословацкого мятежа¹⁵. Нацеленные также на выполнение военно-мобилизационных задач, ревкомы в составе 3–5 человек, в отличие от комитетов (советов) обороны городов, которые действовали параллельно с советским аппаратом, преследовали часто цель упразднения советов и установления в милитаризованной форме единовластия партийных органов. По словам зам. наркома внутренних дел Н. Ф. Владимирского, существовавшие на местах структуры власти «были недостаточно приспособлены к тем условиям, когда местная власть обязана сосредоточить все силы на обороне Советской России и отодвинуть на второй план обычную текущую работу»¹⁶.

Окончательно «оревкомывало» управление страной Положение о революционных комитетах, принятое ВЦИК 24 октября 1919 г. Упорядочивая систему образования и полномочия ревкомов в рамках трех их типов (местностей, освобожденных от неприятеля, прифронтовой полосы и тыла), «Положение» вместе с тем декларировало в качестве одной из их задач создание условий

для передачи власти советским органам. А сами ревкомы были названы временными чрезвычайными органами власти¹⁷, то есть в данном случае мы видим, что применение чрезвычайных мер и деятельность чрезвычайных органов власти ограничивались во времени и пространстве действиями, необходимыми для преодоления чрезвычайных ситуаций и указанием этих пределов в нормативном документе.

Если в центральном промышленном районе и отдельных губерниях на северо-западе республики ревкомы прекращали функционировать в декабре 1919 – январе 1920 г., то на севере, в восточных районах (Поволжье, Урал, Сибирь, Северный Кавказ, Закавказье и Средняя Азия) их создание в это время разворачивалось широким фронтом. В одних из названных районов ревкомы действовали до конца 1921 г., а в других – до 1924–1927 гг., пока не были подавлены основные антисоветские очаги¹⁸.

Таким образом, период Гражданской войны не только укрепил монополию партии большевиков на власть в стране, но и показал возможность существования такой организации управления, которая включала бы в себя, с одной стороны, официальную бюрократическую машину, гарантирующую некоторую стабильность, с другой – особые компенсирующие, параллельно действующие механизмы – систему чрезвычайных органов, позволявших при необходимости действовать быстро в обход обычных структур власти. Вместе с этим в сознании советских партийно-государственных деятелей сформировалось убеждение в особой действенности чрезвычайной системы в сложных условиях. Характерно, что Положение о чрезвычайных мерах по охране революционного порядка, принятое ЦИК СССР 3 апреля 1925 г. (советский аналог Положения 1881 г.), предполагало в местностях, объявленных на военном положении, создание широкой сети ревкомов.

Чрезвычайные меры вскоре стали способом решения проблемы преодоления хлебозаготовительного кризиса 1927–1928 гг., затем – проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства, укрепления диктатуры Сталина в 1935–1938 гг. В середине 1930-х гг. после экспериментов «большого скачка» и «великого перелома» в стране вновь сложилась напряженная ситуация. Реакцией на это стало учреждение так называемых политотделов. По решению январского (1933 г.) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) политотделы были созданы на машинно-тракторных станциях и в совхозах¹⁹. Позже политотделы были учреждены и на других, пользуясь словами известного историко-партийного издания, «отстающих участках социалистического строительства» – на транспорте, рыбных промыслах, в специализированных хозяйствах промышленных ведомств и некоторых других отраслях²⁰.

Политотделы являлись чрезвычайными партийно-государственными органами, наделенными

политическими, хозяйственными и карательными полномочиями, и тем самым входили в общую систему государственного управления. Они отличались от обычных партийных органов тем, что не только на деле, но и юридически обладали правом осуществлять руководство производством (начальник политотдела являлся одновременно заместителем руководителя предприятия и наряду с ним отвечал за хозяйственные результаты) и выполнять функции карательных органов (в штате политотдела был заместитель начальника по ОГПУ). Другая особенность политотделов как чрезвычайных органов состояла в том, что они не подчинялись территориальным парткомам. Политотделы МТС действовали до конца 1934 г., совхозов – до марта 1940 г., а на транспорте они благополучно дожили до Великой Отечественной войны.

Государственный Комитет Оборона (ГКО) как высший орган власти в 1941–1945 гг.

В 1920–1930-е гг. вопрос о создании каких-то особых для военного периода центров военно-политического и стратегического руководства не прорабатывался в СССР. И если Генштаб все же имел проект организации Ставки главнокомандования, ее функциональных обязанностей и рабочих органов, но, как писал Г. К. Жуков, «из-за отсутствия времени и по другим обстоятельствам он не был рассмотрен высшим руководством Советского Союза»²¹, то идея образования государственных органов власти, наделенных особыми правами и полномочиями, вообще не возникала в предвоенный период. Объяснить это можно не только облегченным пониманием в верхах характера будущей войны, в которой не обязательна «мобилизация всех сил», но и уверенностью в надежности уже существующей системы управления страной, которая действительно накопила достаточный опыт функционирования в чрезвычайных условиях – за много лет до войны была искоренена оппозиция, отработана практика концентрации усилий народа на решении очередных задач и преодолении трудностей, государство выступало организационной формой партийно-политической власти, пришли новые, лучше адаптированные к условиям режима личной власти кадры руководителей. Однако и эта властная структура оказалась недостаточной в ситуации крайне неудачного начала Великой Отечественной войны. Уже спустя неделю после вторжения на советскую территорию мощнейшей группировки германских войск стала очевидной необходимость укрепления исполнительного механизма распорядительной власти и повышения ее авторитета.

Судя по воспоминаниям А. И. Микояна, инициатива в создании ГКО принадлежала ближайшему окружению И. В. Сталина – Молотову, Маленкову, Ворошилову и Берия, которые убедили

вождя, находившегося в подавленном состоянии на подмосковной даче, что «еще не все потеряно, что есть полная возможность мобилизовать людей, организовать военное производство, укрепить армию и разгромить врага». Для выполнения этой программы, по их мнению, нужно сконцентрировать власть в руках чрезвычайного органа, который должен возглавить Сталин – личность, обладавшая харизматическими качествами²². В принятом 30 июня 1941 г. решении Политбюро ЦК, оформленном затем как постановление ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР и СНК СССР, указывалось, что Государственный Комитет Оборона учреждается «ввиду создавшегося чрезвычайного положения в целях мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно нападшему на нашу Родину», в следующем составе: И. В. Сталин, В. М. Молотов (заместитель председателя), К. Е. Ворошилов и Л. П. Берия. В руках нового органа сосредоточивалась вся полнота власти в государстве, а все граждане, партийные, советские, комсомольские и военные органы обязывались «беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Оборона»²³.

История деятельности Государственного Комитета Оборона насчитывает 1526 дней (с 30 июня 1941 г. по 4 сентября 1945 г.). За это время от его имени был принят 9971 документ – постановления и распоряжения «строго и энергично исполнялись, вокруг них закипала работа»²⁴. Возведение Государственного Комитета Оборона над всеми существовавшими до этого структурами власти позволило сталинскому режиму в условиях войны отойти от соблюдаемых ранее формальностей в управлении государством. Если во время существования ленинского СРКО в обычном порядке действовал ВЦИК и руководящая элита старалась закрепить свой военно-политический курс через обсуждение на регулярно созываемых съездах Советов, не говоря уже о партийных форумах – пленумах ЦК и съездах РКП(б), – то в 1941–1945 гг. ничего этого не было. Даже Политбюро ЦК партии за время войны в полном составе не собиралось, от его имени важнейшие вопросы фронта и тыла решал узкий круг его членов. Однако это ни в коей мере не означало снижения роли ВКП(б) в системе власти и государственного управления. Постановления и распоряжения ГКО, по существу, являлись решениями Политбюро ЦК ВКП(б), поскольку в персональном плане произошло совмещение этих двух органов.

Совмещение Сталиным всех основных руководящих постов в стране и армии исключало возможность дифференциации работы таких органов, как Политбюро, Ставка и ГКО. Маршал Жуков на встрече с военными историками осенью 1966 г. в редакции «Военно-исторического журнала» говорил, что он «не улавливал разницы, и трудно было разобраться, где кончается Государственный Комитет Оборона, где начинается Ставка. И наоборот.

Потому что Сталин являлся председателем Ставки и Сталин являлся председателем Государственного Комитета Оборона. На что я прибыл? Что это такое – Ставка или Государственный Комитет? Одинаково ругали... Сталин – Ставка и Государственный Комитет Оборона – тоже в основном Сталин. Он командовал всем, он дирижировал, его слово было окончательным. Это как приказ, собственно. Сталин говорит – это есть приказ окончательный, обжалованию не подлежит»²⁵.

Функциональные обязанности внутри ГКО между настоящими и будущими его членами, как утверждал А. И. Микоян, были распределены еще 30 июня 1941 г. на даче Сталина. Молотов должен был курировать танковую промышленность. Ответственность за производство боевых самолетов и вообще за авиацию возлагалась на Маленкова. За Берией были оставлены охрана порядка внутри страны и борьба с дезертирством. Микоян предложил свои услуги по руководству снабжением армии продовольствием, вещевым имуществом и горючим. Вознесенскому поручалось наблюдение за выпуском вооружения и боеприпасов²⁶. В отношении последних названные поручения были официально подтверждены постановлениями ГКО 3 июля 1941 г. Тогда же Ворошилов был утвержден ответственным за формирование новых частей, а Каганович – за воинские перевозки²⁷.

Позже постановлением ГКО № 1241с от 4 февраля 1942 г. распределение обязанностей между членами ГКО определялось несколько по-иному. Неизменными оставались поручения Молотова и Микояна, а вот руководство авиационной промышленностью и работой ВВС Маленков должен был осуществлять совместно с Берией. Собственно говоря, это дополнительное поручение Берия получил еще 14 декабря 1941 г. на заседании ГКО, когда разбирались положение в авиационной отрасли²⁸. Отдельно на Маленкова возлагался контроль выполнения решений ГКО по штабу минометных частей Ставки ВГК, а на Берию – производство вооружения и минометов. Вознесенскому же теперь поручалось следить за производством боеприпасов и развитием черной металлургии²⁹. Вскоре ему также было вменено в обязанности курирование угольной промышленности и цветной металлургии. Но в связи с назначением председателем Госплана за ним осталось только наблюдение за производством боеприпасов, а все остальные поручения распределялись соответственно между Маленковым, Берией и Микояном³⁰.

Для эффективной реализации директив ГКО на местах, наряду с традиционной системой контроля исполнения важнейших государственных заданий, потребовались особые структуры, способные не только осуществлять надзор, но и, опираясь на авторитет высшей власти в стране, принимать необходимые решения, проводить их в жизнь и нести ответственность. С этой целью при ГКО был создан институт уполномоченных –

структура, известная еще со времен Гражданской войны и широко используемая в мирное время как форма иерархического административно-политического управления начиная с ЦК и СНК и кончая районным уровнем.

Корпус уполномоченных ГКО формировался из различных категорий работников: по регионам – первых секретарей обкомов, крайкомов и горкомов ВКП(б); на ответственные хозяйственные объекты (заводы, стройки, транспорт) – руководителей наркоматов, ведомств, сотрудников аппарата ЦК и СНК, известных ученых; в действующую армию и военные округа – военачальников; для проведения спецмероприятий на фронте и в тылу – ведущих сотрудников НКВД. В отдельных случаях руководители регионов, получавшие поручения особой важности, обретали статус «особоуполномоченных» и «ответственных уполномоченных»³¹.

Характерной чертой организации деятельности Государственного Комитета Обороны являлось образование им различных комиссий, комитетов и советов, с помощью которых руководство страны пыталось решать острые проблемы, возникавшие в ходе войны. К их числу относятся не только хорошо известные временные структуры управления, проявившие себя в реализации крупных задач военного времени, но и такие узкопрофильные комиссии, как по решению вопросов быстрого подвоза снарядов для Западного фронта (март 1942 г.), организации специальных мероприятий в Москве (октябрь 1941 г.), организации демонтажа нефтепроводов (ноябрь 1941 г.), проведению государственного испытания авиадвигателя М-107 П (декабрь 1941 г.). Одну из подобных комиссий – по реорганизации дальних авиаполетов, – созданную 15 ноября 1941 г., возглавлял сам Сталин³². Трудно сказать, насколько необходимо было их создание в рамках высшего военно-политического органа, поскольку проводимые ими мероприятия ограничивались масштабами одного конкретного ведомства и осуществлялись в весьма короткий промежуток времени. Другие структуры, наделяемые часто широкими полномочиями, как, например, комиссия ГКО во главе с Молотовым, посланная в конце августа 1941 г. для «рассмотрения и решения всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения» и выявившая ряд недостатков в организации защиты города, выполняли скорее ознакомительные, нежели практические функции³³. Наконец, в силу объективных обстоятельств коэффициент полезного действия третьих был крайне низок. Так, в частности, случилось с постоянной комиссией при ГКО по обмену научно-технической информацией с зарубежными странами³⁴. Вместе с тем совершенно очевидно, что без целого ряда комиссий, комитетов и советов при ГКО, осуществлявших управленческие и координационные функции, невозможно было обойтись в то трудное для страны время. Это пре-

жде всего относится к чрезвычайным органам, занимавшимся вопросами эвакуации и транспорта.

Особой структурой Государственного Комитета Обороны являлось Оперативное бюро, созданное 8 декабря 1942 г., в составе Молотова, Берии, Маленкова и Микояна. Согласно постановлению ГКО № 2615с к его ведению были отнесены контроль и наблюдение за текущей работой всех наркоматов оборонной промышленности, наркомата путей сообщения, наркоматов черной и цветной металлургии, наркоматов электростанций, угольной, нефтяной и химической промышленности, а также за составлением и исполнением планов производства и снабжением указанных отраслей промышленности и транспорта всем необходимым³⁵.

Так как сфера полномочий Государственного Комитета Обороны не была, да и не могла быть в условиях сложившегося в то время политического режима официально ограничена какими-то рамками, потенциально через ГКО могли проводиться все вопросы ведения войны, внешнеполитической деятельности и внутренней политики Советского государства. В персональном плане фактически так оно и было. Любые указания Сталина воспринимались в стране и армии как директивы ГКО, что нередко инспирировал он лично, сопровождая свои требования словами: «ГОКО решил», «У ГОКО есть намерение»³⁶. Порядок работы в Кремле давал возможность отдельным членам ГКО быть участниками решения практически всего круга проблем, существовавших в период Великой Отечественной войны. Они присутствовали при обсуждении вопросов военно-стратегического характера, когда докладывались и дорабатывались планы крупных военных операций, и могли в некоторых случаях использоваться для руководства ими (К. Е. Ворошилов – Ленинградский фронт) или контроля проведения операций (Г. М. Маленков – Сталинград, Л. П. Берия – Кавказ). Но все же постановления и распоряжения по стратегическому планированию и военно-оперативным вопросам от имени ГКО в годы Великой Отечественной войны не выносились. Особенно значителен удельный вес среди документов ГКО – примерно две трети – решений по военно-экономическим и народно-хозяйственным вопросам. Другим важным направлением деятельности ГКО являлось руководство строительством вооруженных сил и осуществление контроля их состояния с целью обеспечения эффективного боевого использования войск. Кроме того, ГКО вносились коррективы в механизм управления страной в условиях войны и нормативно-правовую базу. Особую группу решений составили постановления и распоряжения, шедшие по линии органов госбезопасности, а также по отдельным вопросам внешнеполитической деятельности. В целом же конкретный характер решаемых вопросов и содержание установок ГКО зависели от создавшихся условий на каждом из этапов Великой Отечественной войны.

Местные чрезвычайные органы власти периода Великой Отечественной войны

Решение ГКО о создании местных чрезвычайных органов власти – комитетов обороны в городах, близких к фронту, – последовало в конце октября 1941 г. Этот шаг был напрямую связан с обострением к тому времени до предела обстановки на советско-германском фронте (немецко-фашистские войска захватили Донбасс и находились в опасной близости к Москве) и принятием политическим и военным руководством СССР ряда мер, способных, по его мнению, остановить продвижение противника в глубь территории страны. Поэтому постановление ГКО № 830с от 22 октября 1941 г., предписывавшее создать в 46 городах европейской части страны комитеты обороны, стало логическим следствием всех указанных выше обстоятельств. Всего в 1941–1943 гг. было образовано 79 комитетов обороны в областных (республиканских) центрах и стратегически важных периферийных городах России, Грузии и Казахстана³⁷.

Согласно постановлению ГКО № 830с от 22 октября 1941 г. городские комитеты обороны создавались «в интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти и установления строжайшего порядка в городах и прилегающих районах, представляющих ближайший тыловой район фронта»³⁸. Поэтому власть городского комитета обороны распространялась не только на территорию самого указанного города, но и на довольно обширную близлежащую местность, что означало, по существу, формирование своеобразных временных административно-территориальных образований под управлением чрезвычайного органа. В распоряжение комитетов обороны передавались подразделения местных гарнизонов, войска НКВД, милиция, отряды самообороны – народное ополчение и истребительные батальоны. Тем не менее конкретных нормативных актов, четко определявших их статус и полномочия, не было, что лишь отчасти можно объяснить исключительной сложностью времени.

В состав городских комитетов обороны ГКО установил включать первых секретарей обкомов (крайкомов) или горкомов ВКП(б) (председатель комитета), председателей облисполкомов или исполкомов горсоветов, начальников управлений (отделов) НКВД, комендантов городов. Но практика организации деятельности комитетов обороны, чтобы достичь поставленных целей, заставила пойти на несанкционированную сверху корректировку их состава, выразившуюся главным образом в дополнительном включении некоторых гражданских и военных должностных лиц. Как правило, это были начальники местных гарнизонов, если они не являлись по совместительству комендантами городов.

С созданием комитетов обороны в регионах, близких к фронту, происходило не просто слияние гражданской и военной власти, но и открытое, без бюрократического камуфляжа, наделение руково-

дителей парторганов функциями государственной власти. Тем самым произошло юридическое оформление фактического положения элементов политической системы СССР, соотношения власти партийных органов и советов. Создание комитетов обороны меняло структуру и полномочия местных советов, и в первую очередь городских. Официально они переставали быть высшими органами государственной власти в городах. Если до этого власть фактически находилась в руках партийных органов, решения которых в случае необходимости оформлялись как постановления советских органов власти, то с образованием ГорКО были сформированы единые партийно-государственные структуры, стоявшие над местными советами. При специальном изучении проблемы видно, что исполкомы советов, как и другие местные руководящие структуры (отделы парткомов, штабы МПВО, управления и отделы НКВД, военные комендатуры и т. д.), являлись исключительно рабочими, исполнительно-распорядительными органами городских комитетов обороны.

Включение в состав городских комитетов обороны руководителей местных органов НКВД свидетельствовало как о давно закрепившемся месте карательных органов в системе управления Советским государством, так и о возросшей в годы войны роли этого ведомства в проведении военно-мобилизационных мероприятий и организации самообороны. В местных управлениях НКВД были с началом войны созданы штабы истребительных батальонов и отделы местной противовоздушной обороны. К усилению влияния органов НКВД вели объявление в прифронтовой зоне военного положения и проводимые в тылу мероприятия по усилению режима охраны. В целом же на местах баланс власти партийных органов и органов НКВД был достигнут еще в конце 1930-х гг. и военный период добавил сюда лишь некоторые новые штрихи.

Особую проблему представляли взаимоотношения городских комитетов обороны и органов военного управления и войсковых учреждений. Как можно заметить, постановление ГКО № 830с в части определения полномочий ГорКО противоречило формуле указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» о переходе в местностях, объявленных на военном положении, всех функций органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности к военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов, – к высшему командованию войсковых соединений. По существу на территории, где стали действовать городские комитеты обороны, без соответствующего законодательного оформления оказывались отмененными пункты 3, 4, 5 данного указа. Но не столько формально-юридическая коллизия (на такие вещи в то время мало кто обращал внимание), сколько реальная роль армии в жизни

страны ставила в затруднительное положение руководство комитетов обороны в определении в этой связи их места в системе власти. Характер взаимоотношений комитетов обороны и органов военной власти, по сути дела, определился уже в процессе практической деятельности.

Для местных гражданских ведомств городские комитеты обороны становились высшей властной инстанцией в регионе, но, как и в период Гражданской войны, иерархического структурирования местных чрезвычайных органов власти в 1941–1945 гг. на региональном уровне не произошло. В целом установочной базой для деятельности городских комитетов обороны являлись прежде всего постановления и распоряжения ГКО, его комитетов, комиссий, уполномоченных. Однако структурно-организационные взаимоотношения ГКО и местных комитетов обороны не были оформлены. Их иерархическая связь воспринималась, скорее, на уровне политико-идеологического подсознания местного руководства. Все это свидетельствовало о сдвигах в сторону децентрализации власти в экстремальных условиях на вертикальном уровне и давало возможность на местах в рамках общегосударственной политики оперативно принимать и проводить в жизнь решения, невзирая на ведомственные барьеры. Городские комитеты обороны (главным образом до конца 1943 г.) организовывали и контролировали военное производство, строительство оборонительных рубежей, местную противовоздушную оборону, ведали вопросами безопасности и жизнеобеспечения населения.

С конца 1941 г. в прифронтовых городах, где по тем или иным причинам не были образованы городские комитеты обороны, формировались так называемые суженные исполкомы городских Советов. В их состав могли входить и не члены обычного исполкома (зав. военным отделом горрайкома ВКП(б), руководитель местного органа НКВД, военный комиссар, военный комендант)³⁹. В ряде районов прифронтовой зоны (Ленинградская, Московская области) осенью 1941 г. создавались другие чрезвычайные органы руководства низового звена – так называемые районные тройки (первый секретарь райкома компартии, председатель райисполкома, представитель военного командования)⁴⁰. В чрезвычайных формах советская власть была представлена в партизанских зонах и партизанских краях. Здесь образовывались организационные тройки по восстановлению советской власти, комендантские участки или группы, куда входило два-три сельсовета, и другие⁴¹.

Своеобразными органами власти на местах являлись также оргкомитеты советов и оргбюро парткомов. Они создавались на территориях, освобожденных от оккупантов, и в районах, откуда была осуществлена депортация коренного населения. Наиболее заметными в системе управления эти структуры были в последнем случае. Впервые оргкомитеты (оргбюро) в годы Великой Отече-

ственной войны были созданы в 12 районах бывшей Автономной Республики немцев Поволжья, где в результате почти поголовного выселения в сентябре 1941 г. их жителей оказались расформированными все структуры власти⁴².

17 ноября 1941 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) о восстановлении политотделов на машинно-тракторных станциях и в совхозах, так как уже к началу зимы первого года войны положение в сельском хозяйстве складывалось тяжелое. По сравнению с 1933–1934 гг. административно-хозяйственные функции политотделов МТС были ограничены. Таким образом, новые политотделы МТС не являлись, как раньше, определенно чрезвычайными органами партийно-государственного руководства, наделенными политическими и хозяйственными полномочиями. Однако проблемы деревни военного времени невозможно было решить простыми политико-командными методами, к тому же политотделы МТС по кадровым и другим вопросам нередко вступали в конфликт с райкомами и райисполкомами, поэтому в 1943 г. они были ликвидированы, хотя положение в сельском хозяйстве еще более осложнилось⁴³.

Таким образом, уже на этапе своего утверждения, когда приходилось преодолевать открытое сопротивление противников, большевистский режим шел на замену власти советов системой управления, построенной на партийной основе, хотя первые официально продолжали считаться политической основой нового государства. Переходной ступенью к этому становилось создание в угрожающих ситуациях чрезвычайных органов власти – комбедов, советов и комитетов обороны, ревкомов. Тем самым был заложен механизм реагирования советской государственной машины на кризисные ситуации, который приводился в действие не только в военное время, но и в другие угрожающие для режима периоды – во время коллективизации (политотделы МТС, совхозов) и утраты власти КПСС в 1991 г. (ГКЧП).

В годы Великой Отечественной войны функционирование чрезвычайных органов власти придало управленческому механизму в тяжелейших условиях, когда решалась судьба страны и народа, несомненную мобильность. Скоординированность в их рамках действий гражданских и военных властей в конечном итоге способствовала более полному и оперативному использованию в регионах ресурсов, резервов и возможностей для оказания помощи действующей армии, что в известной мере компенсировало ситуационную слабость сложившейся политической системы и просчеты правящего режима.

Вместе с тем историческая практика свидетельствует об ограниченности этой системы. Чрезвычайные методы и чрезвычайные структуры позволяют сосредоточиваться только на очень узких оперативных задачах. С их помощью невозможно охватить

ситуацию в целом, обеспечить правильное руководство совокупным развитием всей территории.

Примечания

- 1 Для разработчиков «теории русской власти» Ю. С. Пивоварова и А. И. Фурсова советская система является органическим звеном в «неправильной» с точки зрения европоцентризма организации российской государственности во все времена (см.: *Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И.* Русская система : генезис, структура, функционирование // Рус. ист. журн. М. : РГГУ, 1999. Т. 1, № 3). А. Н. Сахаров исходит из того, что октябрь 1917 г. прервал традицию российской государственности, которую теперь приходится восстанавливать (*Сахаров А. Н.* Управление Россией как цивилизационный исторический фактор // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации XVI–XX вв. М., 2007. С. 14–16).
- 2 См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. : в 4 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 3–6.
- 3 См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1885. Т. 1. № 350.
- 4 См.: *Поливанов А. А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопр. истории. 1994. № 7. С. 149–150 ; *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР : в 2 т. М., 1950. Т. 2. С. 596–601.
- 5 См.: *Иваньков А. Е., Иванькова М. А.* История государства и права России. М., 2009. С. 245.
- 6 См.: *Растргин А. Ф.* Революционные комитеты августовского кризиса 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1969 ; *Иванов Н. Я.* Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977. С. 150, 193–194.
- 7 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 115 ; Т. 33. С. 41–44, 46, 84–91, 109, 11.
- 8 Там же. Т. 33. С. 26.
- 9 Там же. Т. 36. С. 199, 206.
- 10 Пролетарская революция. 1924. № 10/33. С. 7–8.
- 11 См.: Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик : сб. док. : в 3 т. М., 1959. Т. 1. С. 94–96.
- 12 См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. 1918. 22 декабря. № 91–92. Ст. 1144. Первоначально в состав СРКО были включены В. И. Ленин, И. В. Сталин (от ВЦИК), Л. Д. Троцкий (от РВСР), Л. Б. Красин (от Чрезкомснаба РККА), В. И. Невский (от НКПС), Н. П. Брюханов (от Наркомпрода), Г. Н. Мельничанский (от ВЦСПС). Затем в него были введены В. П. Милютин (от ВСНХ) и С. С. Данилов (от Главтруда).
- 13 См.: *Кукушкин Ю. С.* Совет Оборона (1918–1920). М., 1969 ; *Кубланов А. Л.* Совет Рабочей и Крестьянской Оборона. Л., 1975.
- 14 *Фрунзе М. В.* Собрание сочинений : в 2 т. М. ; Л., 1926. Т. 2. С. 122.
- 15 По подсчетам Н. Ф. Бугая, в 1918 г. в губерниях центра страны было создано 87 губернских и уездных ревкомов, на Урале и в Поволжье – 17, на Дону и Северном Кавказе – 19, на Украине, в Белоруссии и Молдавии – 457 (*Бугай Н. Ф.* Чрезвычайные органы Советской власти : ревкомы 1918–1920 гг. М., 1990. С. 320).
- 16 *Владимирский Н. Ф.* Строительство Советской власти на местах. Краснодар, 1920. С. 70.
- 17 См.: Декреты Советской власти : в 2 т. М., 1973. Т. VI. С. 224–226.
- 18 См.: *Понихин Ю. М.* Революционные комитеты РСФСР. 1918–1921. Саратов, 1982. С. 95.
- 19 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. М., 1985. Т. 6. С. 21–32.
- 20 История Коммунистической партии Советского Союза : в 5 т. М., 1971. Т. 4, кн. 2. С. 242.
- 21 *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. 3-е изд. : в 3 т. М., 1974. Т. 2. С. 68.
- 22 См.: Политическое образование. 1988. № 9. С. 75–76.
- 23 Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 198. 3 февраля 1942 г. в состав ГКО были введены А. И. Микоян и Н. А. Вознесенский, а 19 февраля 1942 г. Л. М. Каганович. В 1944 г. в ГКО включили Н. А. Булганина, а вывели К. Е. Ворошилова.
- 24 *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 63.
- 25 Коммунист. 1988. № 14. С. 97.
- 26 См.: Политическое образование. 1988. № 9. С. 76.
- 27 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 74–75.
- 28 Там же. Д. 16. Л. 96.
- 29 Там же. Д. 29. Л. 218.
- 30 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 21 ; Д. 75. Л. 165.
- 31 Там же.
- 32 Там же. Д. 25. Л. 10 ; Д. 11. Л. 181 ; Д. 14. Л. 78 ; Д. 17. Л. 201 ; Д. 14. Л. 98.
- 33 История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5, кн. 1. С. 220 ; Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 80.
- 34 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 66. Д. 18. Л. 47.
- 35 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 72. Л. 165.
- 36 Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1989. С. 112.
- 37 См.: *Данилов В. Н.* Война и власть : Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1996. С. 63.
- 38 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 180.
- 39 См.: *Храмков Л. В.* Во имя победы. Саратов, 1978. С. 49.
- 40 См.: *Лепешкин А. И.* Советы – власть народа. М., 1967. С. 61 ; Известия. 1941. 18 ноября.
- 41 См.: *Кляцкин С. М.* Из истории Ленинградского партизанского края // Вопросы истории. 1958. № 7 ; *Холод Л. А.* Деятельность органов Советской власти на временно оккупированной врагом территории Северо-Западных областей РСФСР в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1970 ; *Щетинин Б. В.* Создание и деятельность органов Советской власти в тылу немецко-фашистских войск // Вопросы истории КПСС. 1970. № 6.
- 42 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1а. Д. 8. Л. 253.
- 43 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 158. 160–161 ; История Коммунистической партии Советского Союза : в ? т. М., 1970. Т. 5, кн. 1. С. 363–364.

УДК 94(47).084.5

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ САРАТОВА В 1920-е ГОДЫ

Э. Ф. Абубикерова

Саратовский государственный университет
E-mail: elmira_milaya@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы профессиональной повседневности научно-педагогических работников вузов Саратова в 1920-е гг. Показаны политические и социально-экономические факторы, направления реформирования организации учебного процесса, влиявшие на содержание и характер деятельности преподавателей высшей школы в тот период.

Ключевые слова: научно-педагогические работники, высшая школа, профессиональная повседневность, Саратов, 1920-е годы.

**Professional Daily Scientific and Pedagogical Workers
of Saratov in the 1920s**

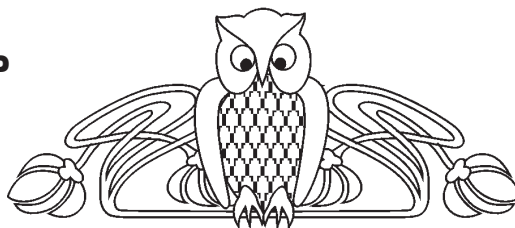
E. F. Abubikerova

The article deals with the issues of professional everyday life of employees of Saratov institutions of higher education in 1920 years, engaged in teaching and research. The author describes political, social and economic factors, educational process reforms' directions which influenced the content and nature of the higher school teachers' work at that time.

Key words: employees engaged in teaching and research, higher school, professional everyday life, Saratov, 1920 years.

В первые годы советской власти российская высшая школа подверглась серьезной трансформации, которая непосредственным образом отразилась на профессиональной повседневности научно-педагогических кадров. На положении вузовских работников сказывалась также сложная политическая и социально-экономическая ситуация тех лет.

В 1920-е гг. сеть вузов и их структура в Саратове, как и в целом по стране, постоянно подвергались разного рода изменениям: появлялись новые вузы и факультеты, претерпевавшие затем реорганизацию, происходило слияние вузов и факультетов, прекращалась и возобновлялась их деятельность. Так, в Саратовском государственном университете всего несколько лет просуществовал факультет общественных наук (ФОН), который постепенно вобрал в себя все гуманитарные специальности, существовавшие на открытых в 1917 г. историко-филологическом и юридическом факультетах. В 1924 г. часть отделений ФОНа (правовое и экономическое) вошла во вновь образованный факультет хозяйства и права, а часть вместе с физико-математическим факультетом – в педагогический факультет. Недолго находились в составе университета агрономический и гидро-

технический факультеты¹. С середины 1920-х гг. и до конца десятилетия в СГУ было 4 факультета: медицинский (единственный до революции), педагогический, хозяйства и права и рабочий. Два года работал Саратовский политехнический институт, открытый в 1919 г., в составе четырех специальных факультетов. Уже в ноябре 1921 г. он был закрыт по распоряжению центра, сохранен был лишь факультет путей сообщения, который присоединили к СГУ. В 1923 г. на базе агрономического факультета университета был воссоздан Саратовский сельскохозяйственный институт, переименованный в 1924 г. в Институт сельского хозяйства и мелиорации. Пожалуй, только Государственный ветеринарный институт, эвакуированный в Саратов в 1918 г. из Юрьева, лишь в малой степени подвергся тогда реорганизации. Кроме названных вузов в Саратове в 1920-е гг. действовал еще Областной коммунистический университет им. В. И. Ленина, основанный в 1922 г. как высшая партийная школа².

Отсутствие стабильности в вузовской системе влияло на количественные и качественные показатели научно-педагогического сообщества саратовских вузов в рассматриваемое десятилетие. Наряду с этим основными причинами изменения состава вузовских работников являлись репрессии по политическим или иным мотивам, стремление власти к созданию новой категории ученых, а также материальные условия. Низкая заработная плата, плохие жилищные условия – все это вынуждало научных работников подыскивать рабочие места зачастую в других городах.

После окончания Гражданской войны часть преподавателей Саратовского университета, прибывших в Саратов, спасаясь от репрессий и голода, начала возвращаться в те университеты, в которых они работали прежде. Покинули Саратов такие крупные ученые, как В. М. Жирмунский, Н. Н. Дурново, И. И. Привалов и ряд других. Голод вынудил к отъезду и тех, кто в иных условиях мог бы остаться в университете и плодотворно работать (Ф. П. Саваренский, В. П. Бушинский, Н. Н. Яковлев и др.)³. Число же прибывших в это время в Саратов научно-педагогических работников было значительно меньше. Так, за пятилетие с 1920 по 1925 г. из сельскохозяйственного института выбыло 14 профессоров и 30 преподавателей, а прибыло 10 профессоров и 25 преподавателей⁴. В результате за эти годы по разным причинам число профессоров в университете уменьшилось с 99 до 61, в ветеринарном институте – с 20 до 13, в сель-

скохозыятственном – с 23 до 19⁵. «Выдавливание» из вузов «старой профессуры», особенно гуманитариев, продолжалось и в последующие годы. Вместе с тем общее сокращение численности научно-педагогических работников в саратовских институтах было незначительным, а в университете за 1920-е гг. наблюдалось даже увеличение их числа на 139 человек⁶. Вузы пополнялись в этот период в основном за счет молодых преподавателей и научных сотрудников, не всегда обладавших должной квалификацией. К концу десятилетия важным элементом в процессе формирования нового советского научно-педагогического сообщества стал институт выдвиженчества, имевший своей целью заменить «ненадежные» кадры из старой профессуры новыми, «надежными» из рабоче-крестьянской среды, подготавливая их к поступлению в аспирантуру.

Материальное положение, жилищные условия и уровень заработной платы профессорско-преподавательского состава на протяжении всего десятилетия не подвергались кардинальному изменению. В первой половине 1920-х гг. в связи с тяжелой обстановкой в стране начали выдаваться академические пайки для поддержания здоровья ученых. Норма академического пайка предполагала содержание необходимого количества питательных веществ, требуемого при повышенной затрате умственной энергии. Но в Саратове на протяжении нескольких лет с этими пайками дело обстояло плохо. Лишь в феврале 1923 г. было выдано 336 академических пайков 201 профессору и преподавателю⁷. Разница в количестве выданного и полученного объясняется тем, что некоторые профессора и преподаватели получали не по одной норме академического пайка, а по полуторной, двойной или тройной. Так, профессора В. И. Разумовский, В. В. Вормс, С. И. Спасокукоцкий и С. Р. Миротворцев получали академический паек в двойном размере⁸. Тот факт, что во второй половине 1920-х гг. экономическое положение в стране немного улучшилось, никак не отразился на улучшении материального и бытового положения преподавателей саратовских вузов.

Заработная плата научно-педагогических работников в Саратове оставалась низкой, в несколько раз меньше, чем в дореволюционное время, и намного меньше, чем в ряде новых университетов, образованных в союзных республиках. Если в 1914 г. за один лекционный час профессору выплачивали 8 довоенных руб. 90 коп., то в 1923/24 учебном году оплата соответствовала 58 коп. по коэффициенту довоенного рубля⁹. В середине 1920-х гг. преподаватель вуза получал в среднем гораздо меньше, чем квалифицированный рабочий – горняк или текстильщик, а средний заработок советского служащего в несколько раз превышал заработок профессора¹⁰. Спасало некоторых ученых лишь дополнительное академическое обеспечение, выдаваемое в денежной форме, норма которого зависела от категории научно-пе-

дагогических работников (12 руб. по 1-й категории и 40 руб. по 5-й¹¹). С 1927 г. произошел переход с тарифной системы оплаты труда преподавателей на должностные оклады, что на 11% повысило зарплату профессоров и на 17% – остальных вузовских преподавателей¹². Это незначительное повышение не могло полностью обеспечить материальное благополучие научных работников, в связи с этим многие из них все же продолжали искать дополнительный заработок, причем иногда в нескольких местах одновременно¹³.

На продуктивности профессиональной деятельности негативно сказывались ухудшившиеся за годы Гражданской войны жилищные и бытовые условия, не дававшие ученым возможности сосредоточиться. В анкетах преподавателей саратовских вузов можно встретить такие ответы: «Невозможные условия для научной исследовательской работы. Убегаю работать в университетский кабинет»¹⁴, «Квартира с удобствами, но, благодаря тому что в квартире, кроме моей семьи, проживают в двух комнатах две посторонние семьи, научная работа очень затруднена (шум и прочее)»¹⁵. Ситуация стала несколько меняться после выхода постановления ВЦИК и СНК от 31 июля 1924 г. «О мерах к улучшению жилищных условий научных работников», дополненного постановлением ВЦИК от 13 апреля 1925 г., на основании которых научные работники имели «право на одну дополнительную комнату для научных занятий сверх площади, причитающейся работнику по общегражданской норме»¹⁶.

В значительной мере на профессиональной повседневности научно-педагогических работников саратовских вузов в 1920-е гг. сказались те нововведения, которые коренным образом реформировали учебный процесс в высшей школе. Вузы перешли на триместровую организацию (три учебных периода) учебного года, Наркомпрос и Государственный ученый совет (ГУС) активно внедряли новые учебные планы и программы, что вело к сокращению количества преподаваемых предметов и срока обучения до 3–4 лет. Такие изменения, по мнению многих профессоров, были просто неприемлемы при подготовке будущих специалистов, негативно отражались на их квалификации. Профессора были крайне возмущены всем происходившим, они отказывались вести занятия по новым учебным планам, «ставить в зачетку свою подпись», «быть ответственными перед обществом за знания студентов»¹⁷.

Основным нововведением в организации преподавания было продвижение активных методов преподавания и системы конвейера. Эти новшества в научно-педагогической среде были восприняты крайне неоднозначно. Были их ярые противники, были и те, которые выступали в поддержку данных нововведений, и те, которые придерживались нейтралитета. Конечно, для преподавателей, которые привыкли вести занятия, используя лекции и семинары, это было просто

неприемлемо и они, естественно, выступали с полной критикой данных методов. Так, известный ученый, профессор СГУ В. В. Голубев категорически возражал против введения активного метода преподавания, заявляя, что «лекционный способ преподавания самый лучший, так как при нем студент учится у профессора способу объяснять»¹⁸. Бытовала также точка зрения, что введение активных методов превращает «студентов в простых школьников»¹⁹.

Критика лекционного способа преподавания как устаревшего метода в основном шла со стороны партийных ячеек и партийного студенчества. Наиболее распространенными были утверждения, что лекционная система давала слишком мало знаний, что на лекции профессора и преподаватели не останавливаются на самом главном, не учитывают особенностей нового студенчества из рабоче-крестьянской среды, что подготовка лекций слабая²⁰. В данном случае власти через определенную категорию студентов стремились ослабить влияние «старой профессуры». Представители студенчества включались в ученые советы факультетов и предметные комиссии, они принимали участие в проработке учебных планов и программ, проведении смотров кафедр, могли высказываться против неугодных профессоров и преподавателей, зачастую используя нелестные и негативные выражения, а также выступали инициаторами их увольнения²¹.

Для текущего контроля учебной работы профессорско-преподавательского состава по каждому предмету были введены журналы. В них отмечались продолжительность и краткое содержание лекции. Заполнение журналов было обязанностью каждого преподавателя, кроме того, их сдавали на проверку 2 раза в триместр²². Таким образом, утверждался все более строгий контроль и у профессоров и преподавателей появлялось все больше обязанностей, которые никакого прямого отношения к научной и учебной работе не имели.

Что же касается учебной нагрузки профессором и преподавателей, то она на протяжении всех 1920-х гг. варьировалась от 2 до 10 часов занятий в неделю, а иногда была и больше²³. Так, профессора СГУ М. И. Райский и В. В. Буш сообщали в анкетах в 1927 г., что они заняты работой не менее 12 часов в сутки, а иногда и более²⁴. Помимо работы в стенах университета преподавателям приходилось дома, без дополнительной оплаты готовиться к лекциям, знакомиться с новой литературой, редактировать и проверять студенческие работы, составлять учебные пособия и заниматься научной работой²⁵.

Главным образом причиной перегрузки профессоров и преподавателей по сравнению с дореволюционным периодом являлась работа по совместительству, что было связано с нехваткой преподавательских кадров на некоторых факультетах и в вузах. Если в 1923/1924 учебном году в Саратовском университете на 6308 студентов

приходилось 419 преподавателей, примерно по 15 студентов на одного преподавателя²⁶, то спустя 2 года ситуация еще больше усложнилась. На начало 1925/26 учебного года на 4422 студента приходилось 219 преподавателей, т. е. в среднем по 22,9 студента на одного преподавателя. При этом были большие различия между факультетами. Например, на медицинском факультете на одного преподавателя приходилось 17,8 студента, на педагогическом – 29,6, а на факультете хозяйства и права – 31,1²⁷. Спустя год ситуация с перегруженностью преподавательского состава в СГУ немного улучшилась. Так, к 1926/1927 учебному году на одного преподавателя приходилось уже на 2 студента меньше – примерно 19,9 человека. Чуть лучше дело обстояло в сельскохозяйственном институте, где на 62 преподавателя приходилось 773 студента, т. е. на одного преподавателя – около 12,5 человека²⁸. Еще более благоприятная ситуация наблюдалась в Саратовском областном коммунистическом университете, находившемся на особом положении, где на одного преподавателя приходилось менее 9 человек. Самая же серьезная перегруженность в то время была зафиксирована в ветеринарном институте, поскольку здесь на одного преподавателя приходилось свыше 26 студентов²⁹.

Наряду с увеличившейся нагрузкой на качество профессиональной деятельности научно-педагогических работников сказывался общий низкий уровень подготовки студентов вследствие практиковавшегося повсеместно классового принципа приема в вузы. В начале 1920-х гг. студенчество РСФСР по социальному происхождению на 70% состояло из рабочих, крестьян и служащих и лишь на 30% – из представителей интеллигенции³⁰. К середине 1920-х гг. из общего количества студентов саратовских вузов – 5281 человек – около 40% были выходцами из крестьян, около 30% – из служащих, 22% – из рабочих и менее 10% приходилось на лиц интеллигентного труда³¹. Разумеется, профессора и преподаватели саратовских вузов не могли открыто выступать против самого классового подхода к набору студентов, но они постоянно высказывались за прием подготовленных к учебе абитуриентов вне зависимости от их социального происхождения³².

Помимо учебной и научной работы профессора и преподаватели принимали активное участие в общественной и культурной жизни Саратовской губернии. Целый ряд обществ был организован или по инициативе научных работников, или при их деятельном участии: Волжское областное общество краеведения, Общество воинствующих материалистов, Общество содействия жертвам интервенции, Доброхим, Юридическое общество и др.³³ На одном из заседаний в Саратовском ветеринарном институте в 1925 г. при обсуждении вопроса о «втягивании» профессорско-преподавательского состава в общественную работу отмечалось, что в этом деле достигнуты ощутимые

результаты: «Как профессора, так и преподаватели читают лекции по ветеринарии в Лигордиве и доме крестьянина»³⁴. А на общем собрании в сельскохозяйственном институте предлагали обратить особое внимание «на привлечение к общественной работе института младшего научно-педагогического персонала»³⁵.

Широкая культурно-просветительная работа осуществлялась университетским коллективом. Преподаватели выступали с публичными лекциями, вели различные предметные кружки, публиковали в местных газетах и журналах рецензии на новые книги, театральные постановки. Профессор В. В. Буш писал в 1927 г. одному из своих друзей, что ведет кружок преподавателей словесности при музее народного образования, читает публичные лекции, которые стали модными в университете, выезжал с лекциями в Аткарск³⁶.

Часть профессоров и преподавателей вузов Саратова принимала участие в профсоюзной работе, и они состояли членами городского совета, губернского съезда профессиональных союзов и губернского съезда советов.

Таким образом, на профессиональную повседневность научно-педагогических работников Саратова в 1920-е гг. существенное влияние оказывали социально-экономическая обстановка в стране, тормозившая развитие плодотворной научной работы, а также идеологическое воздействие советской власти, которая стремилась любыми способами использовать научную корпорацию в своих целях.

Примечания

- ¹ См.: Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н. История Саратовского университета. 1909–2009 : в 2 т. Саратов, 2009. Т. 1. С. 110–111.
- ² См.: Научные учреждения и научные работники г. Саратова (справочник). Саратов, 1927. С. 37–52.
- ³ См.: Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 110.
- ⁴ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 4. Д. 340. Л. 10.
- ⁵ Там же. Ф. 27. Оп. 3. Д. 340. Л. 8, 10, 19.

- ⁶ См.: Саратовский университет. 1909–1959. Саратов, 1959. С. 324.
- ⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4737. Оп. 1. Д. 97. Л. 70–70 об.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 744. Л. 7.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 132. Л. 3 об.
- ¹¹ Там же. Л. 3.
- ¹² Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 126.
- ¹³ ГАНИСО. Ф. 6107. Д. 325. Л. 31, 69, 82.
- ¹⁴ Там же. Л. 101.
- ¹⁵ Там же. Л. 41.
- ¹⁶ Там же. Д. 333. Л. 38.
- ¹⁷ Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.
- ¹⁸ Там же. Л. 4–5.
- ¹⁹ Там же. Л. 5.
- ²⁰ Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 10. Л. 52 ; Д. 11. Л. 244 ; Ф. 184. Д. 7. Л. 69.
- ²¹ Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3. Л. 26–26 об.
- ²² См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 3190. Оп. 1, Д. 20. Л. 5–7.
- ²³ Там же. Д. 52. Л. 42, 44–45. Д. 140. Л. 47.
- ²⁴ ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 325. Л. 115, 21.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 3. Д. 169. Л. 1.
- ²⁶ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 425. Л. 16.
- ²⁷ См.: Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н. Указ. соч. С. 116.
- ²⁸ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 340. Л. 19.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 744. Л. 16.
- ³¹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 372. Л. 68.
- ³² См.: Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.
- ³³ См.: Семичастнов М. Саратовский университет как культурный центр Нижнего Поволжья // Нижнее Поволжье. 1925. № 10. С. 90.
- ³⁴ ГАНИСО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 7. Л. 48 об. –49.
- ³⁵ Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.
- ³⁶ См.: Письма В. В. Буша к Вас. В. Гиппинсу. 1925–1929 гг. // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2003 год. СПб., 2006. С. 326–327.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абаренова Александра Игоревна – аспирант кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: aleksabar@yandex.ru

Абубикерова Эльмира Фаритовна – аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: elmira_milaya@mail.ru

Акимов Сергей Викторович – аспирант кафедры зарубежной истории Самарского государственного университета. E-mail: s.v.akimov87@gmail.com

Анисимова Анна Александровна – младший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории Российской академии наук. E-mail: cantiana@yandex.ru

Афонюшкина Анна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета. E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Бельцер Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе НОУ ВПО «Самарский институт – высшая школа приватизации и предпринимательства». E-mail: abelhist@yandex.ru

Богомолов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Ульяновского государственного университета. E-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

Бородавкина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: tash_19@mail.ru

Булатов Владимир Викторович – кандидат экономических наук, доцент кафедры истории России Волгоградского государственного университета. E-mail: vbulatov@rambler.ru

Галямичев Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: galyamichev57@mail.ru

Гамидова Мария Андреевна, аспирант кафедры всеобщей истории факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета, С.-Петербург. E-mail: bessnew81@mail.ru

Глебов Андрей Германович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета. E-mail: aglebov@edu.vrn.ru

Данилов Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, региональ-

ной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: danilovvik@yandex.ru

Дронова Наталия Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, С.-Петербург. E-mail: Dronova_n@mail.ru

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета. E-mail: ivonins@rambler.ru

Креленко Наталия Станиславовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: krelenkon@mail.ru

Майзлиш Анна Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва. E-mail: maizlish@yandex.ru

Мосолкина Татьяна Валентиновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: tmosolkina@mail.ru

Порецкова Елена Алексеевна – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: pe-a@mail.ru

Ражев Александр Викторович – преподаватель Южно-Уральского государственного института искусств. E-mail: guibert@mail.ru

Старостина Инна Юрьевна – аспирант кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: innastar87@list.ru

Чернова Лариса Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: larisachernova@mail.ru

Чикалова Ирина Ромуальдовна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Белорусского государственного педагогического университета, Минск. E-mail: irina_chikalova@mail.ru

Эльфонд Ирина Яковлевна – доктор исторических наук, профессор кафедры экономической и политической истории России Саратовского государственного социально-экономического университета. E-mail: iyelfond@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abarenova Aleksandra Igorevna – postgraduate student of the Medieval History Chair in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: aleks-abar@yandex.ru

Abubikerova Elmira Faritovna – postgraduate student of the Chair of Historiography, Regional History and Archeology in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: elmira_milaya@mail.ru

Afonushkina Anna Viktorovna – History PhD, Assist. Prof. of the Middle Ages and Foreign Slavic Nations Chair of Voronezh State University. E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Akimov Sergey Viktorovich – postgraduate student of the Foreign History Chair, Samara State University. E-mail: s.v.akimov87@gmail.com

Anisimova Anna Alexandrovna – Junior researcher in the Department of Western European Medieval and Early Modern Times of the Institute of World History, the Russian Academy of Sciences. E-mail: cantiana@yandex.ru

Beltser Aleksandr Anatolyevich – History PhD, Assist. Prof., the Vice rector on science of NOU VPO «Samara Institute – Higher School of Privatization and Entrepreneurship». E-mail: abelhist@yandex.ru

Bogomolov Sergey Aleksandrovich – History PhD, Assist. Prof. of the Theory and History of State and Law Chair in the Law Faculty, Uliyanovsk State University. E-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

Borodavkina Natalia Vladimirovna – History PhD, Assist. Prof. of the Medieval History Chair in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: tash_19@mail.ru

Bulatov Vladimir Viktorovich – an Economic PhD, Assist. Prof. of the History of Russia Chair, Volgograd State University. E-mail: vbulatov@rambler.ru

Chernova Larisa Nikolayevna – D. Sc. (History), Professor of the Medieval History Chair in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: larisachernova@mail.ru

Chikalova Irina Romualdovna – D. Sc. (History), Professor of the Modern and Contemporary History Chair, Belarusian State Pedagogical University. E-mail: irina_chikalova@mail.ru

Danilov Victor Nikolaevich – D. Sc. (History), Professor, Head of the Chair of Historiography, Regional History and Archeology in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: danilovvik@yandex.ru

Dronova Natalie Vladimirovna – D. Sc. (History), Professor of the World History Chair in the faculty of Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia. E-mail: Dronova_n@mail.ru

Elfond Iryna Yakovlevna – D. Sc. (History), Professor of the Chair of Economic and Political History of Russia, Saratov State Social and Economic University. E-mail: iyelfond@mail.ru

Galyamichev Alexander Nikolaevich – D. Sc. (History), Professor, Head of the Medieval History Chair in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: galyamichev57@mail.ru

Gamidova Maria Andreyevna – a postgraduate student of the World History Chair in the faculty of Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia. E-mail: bess-new81@mail.ru

Glebov Andrey Germanovitch – D. Sc. (History), Professor of the Middle Ages and Foreign Slavic Nations Chair, Voronezh State University. E-mail: aglebov@edu.vrn.ru

Ivonina Lyudmila Ivanovna – D. Sc. (History), Professor of the Universal History Chair, Smolensk State University. E-mail: ivonins@rambler.ru

Krelenko Natalia Stanislavovna – D. Sc. (History), Professor, Head of the Modern and Contemporary History Chair in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: krelenkon@mail.ru

Mayzlish Anna Aleksandrovna – History PhD, a researcher in the Department of Western European Medieval and Early Modern Times of the Institute of World History, The Russian Academy of Sciences. E-mail: maizlish@yandex.ru

Mosolkina Tatyana Valentinovna – D. Sc. (History), Professor of the Modern and Contemporary History Chair in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: tmosolkina@mail.ru

Poretskova Elena Alekseevna – postgraduate student of the Modern and Contemporary History Chair in the Institute of History and International Relations, Saratov State University, e-mail: pe-a@mail.ru

Razhev Aleksandr Viktorovich – teacher of P.I. Tchaikovsky South Urals State Institute of Arts. E-mail: guibert@mail.ru

Starostina Inna Yurievna – postgraduate student of the Medieval History Chair in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: innastar87@list.ru

Подписка на II полугодие 2012 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018.

Раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам

непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

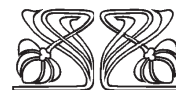
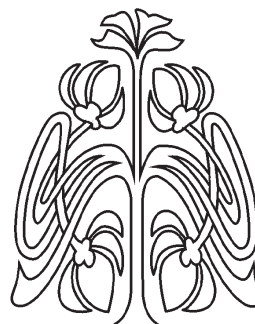
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: larisachernova@mail.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ

